

ISSN 2658-3321

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2021, том 4, № 1

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2021, volume 4, No. 1

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2021, том 4, № 1

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» - международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

10.01.00 Литературоведение:

- 1) 10.01.01 Русская литература.
- 2) 10.01.02 Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы).
- 3) 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы).

10.02.00 Языкознание:

- 1) 10.02.19 Теория языка.
- 2) 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.
- 3) 10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии и Африки.

13.00.00. Педагогические науки:

- 1) 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 2) 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования).
- 3) 13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает докторов и кандидатов наук, преподавателей вузов, докторантов, аспирантов, магистрантов, а также всех, проявляющих интерес к рассматриваемой проблематике принять участие в дискуссии по предлагаемому рубрикатору и **бесплатно** опубликоваться. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяет обеспечить самый широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей, а также работами в языкознании, литературоведении, теории и методике обучения и воспитания, теории и методике профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвящённых разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых учёных и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. **Свидетельство о регистрации:** ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print)

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камилевна

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Телефон: +7 (843) 221-34-79

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Индекс 64986, каталог "ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ"

Агентство "РОСПЕЧАТЬ"

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода Казанского (Приволжского) федерального университета

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, Курский государственный университет, заместитель директора по учебно-методической работе

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений

Грецева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», вице-президент

Закирзянов Альфат Магсумзянович – доктор филологических наук, доцент, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, заведующий отделом литературоведения

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, директор

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный университет, заведующий кафедрой теории и практики перевода

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет, профессор кафедры немецкой и французской филологии

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры теории и практики перевода

Редькин Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, заведующий кафедрой арабской филологии

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания Российской академии наук, заведующий сектором прикладного языкознания

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, декан Высшей школы иностранных языков и перевода

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры иностранных языков

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, заведующий кафедрой теории и практики перевода

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный университет, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

Шаховский Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, заведующий отделом текстологии

Петер Коста – доктор наук, профессор, университет г. Потсдам, Германия

Хаяти Девели – доктор наук, профессор, председатель Института Юнуса Эмре, Стамбульский университет, Турция

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2021, volume 4, No. 1

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

10.01.00 Literary studies:

- 1) 10.01.01 Russian literature.
- 2) 10.01.02 Literatures of the people of the Russian Federation.
- 3) 10.01.03 Foreign Literature.

10.02.00 Linguistics:

- 1) 10.02.19 Language theory.
- 2) 10.02.20 Historical, typological and comparative linguistics.
- 3) 10.02.22 Languages of foreign countries peoples of of Europe, Asia, Africa, natives of America and Australia.

13.00.00 Pedagogical Sciences:

- 1) 13.00.01 General pedagogics, history of pedagogics and education.
- 2) 13.00.02 Theory and methodology of teaching and education (by areas and levels of education).
- 3) 13.00.08 Theory and methodology of professional education.

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of «Kazan linguistic journal» sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ПИ № ФС 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN 2658-3321 (Print)

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Phone: +7 (843) 221-34-79

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Index 64986, catalog “Newspapers and magazines”
Rospechat Agency
Published 4 times a year

Chief editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna - Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of theory and practice translation of Kazan Federal University

Editorial Board

Adelgeym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Reasecher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Kursk State University, Deputy director for education (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Moscow City University, Professor of the department of English studies and crosscultural communication (Moscow, Russia)

Bushmanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of foreign languages in international relations (Kazan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies (Moscow, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Professor of the department of Russian and world literature (Kazan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Director (Kazan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Volgograd State University, Head of the department of Translation Theory and Practice (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Head of the department of linguodidactics and translation studies (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Head of the department of German and French philology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of Russian and world literature (Kazan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Higher School of Economics National Research University, Academic Supervisor of Faculty of Humanities (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Professor of the department of Theory and Practice of Translation (Kazan, Russia)

Redkin Oleg Ivanovich – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, Head of the department of Arabic philology (St. Petersburg, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Head of the sector of Applied linguistics (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Dean of the Higher school of foreign languages and translation (Kazan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Professor of the department of foreign languages (Kazan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Head of the Department of the English language and translation theory and practice (Nizhny Novgorod, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Russia)

Fatkullina Fluza Gabdullinova – Doctor of Philology, Professor, Bashkir State University, Head of the department of Russian and comparative philology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Professor of the department of Russian and world literature (Kazan, Russia)

Shakhovsky Victor Ivanovich – Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Yakhin Farit Zakizyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Vice President (Kazan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Head of the Department of Literary Studies (Kazan, Russia)

Peter Costa – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam (Potsdam, Germany)

Hayati Develi – Doctor of Science, Professor, Chairman of the Yunus Emre Institute, Istanbul University (Istanbul, Turkey)

СОДЕРЖАНИЕ

• Литературоведение. Русская литература	
Бушканец Л.Е. Парадоксы интерпретации. К истории рецепции одного произведения: рассказ А.П. Чехова «Ионыч»	8
• Литературоведение. Литература народов Российской Федерации	
Загидуллина Д.Ф. «Поток сознания зверя» в творчестве Ч. Айтматова и А. Баянова: диалог с этнической художественной традицией	25
• Литературоведение. Литература народов стран зарубежья	
Нигматуллина А.М., Хафизова И.И. Понятие познания в романе Умберто Эко «Имя Розы»	38
• Языкознание. Теория языка	
Разумовская В.А. «Гиперпалимпсест» перевода: множественность «сильного» детективного текста	48
• Языкознание. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	
Алексеева И.С. Реализация матричного подхода в подготовке переводчиков: индуктивно-лингвистическая концепция Андрея Фалалеева	63
Агеева А.В., Дементьев Н.Р. Веб-сленг и основные тренды его развития	81
• Языкознание. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Америки, аборигенов Америки и Австралии	
Сабирова Д.Р., Тенкоранг Р. Сохранение и развитие языков коренных народов в Республике Гана	93
• Педагогические науки. Общая педагогика, история педагогики и образования	
Тихонова Н.В. Организация контроля знаний студентов в условиях удаленного обучения	111
• Педагогические науки. Теория и методика обучения и воспитания	
Данилова Ю.Ю., Солунова Я.А. Современные направления языкознания как перспективный ресурс проектно-исследовательской деятельности на уроках русского языка	126
• Педагогические науки. Теория и методика профессионального образования	
Боднар С.С., Гизатуллина Е.В. Методические основы обучения студентов-лингвистов переводу медицинских терминов в общественно-политических текстах	138

CONTENT

• Literary studies. Russian literature	
Bushkanets L.E. Paradoxes of Interpretation. To the History of the Reception of One Story: “Ionych” by A.P. Chekhov	8
• Literary studies. Literatures of the people of the Russian Federation	
Zagidullina D.F. “The Beast's Stream of Consciousness” of Chingiz Aitmatov and Akhsan Bayanov: Dialogue with the Ethnic Artistic Tradition	25
• Literary studies. Foreign Literature	
Nigmatullina A.M., Khafizova I.I. The Concept of Knowledge by Umberto Eco in “The Name of the Rose”	38
• Linguistics. Language theory	
Razumovskaya V.A. Translation “Hyper-palimpsest”: Multiplicity of a “strong” Detective Text	48
• Linguistics. Historical, typological and comparative linguistics	
Alexeeva I.S. Matrix Principle in Interpreter Training: Andrey Falaleyev’s Inductive Linguistic Model	63
Ageeva A.V., Dementyev N.R. Web Slang and the Main Trends of its Development	81
• Linguistics. Languages of foreign countries peoples of of Europe, Asia, Africa, natives of America and Australia	
Sabirova D.R., Tenkorang R. Preservation and Development of the Indigenous Languages in the Republic of Ghana	93
• Pedagogical Sciences. General pedagogics, history of pedagogics and education	111
Tikhonova N.V. Students’ Knowledge Assessment in Online Learning	
• Pedagogical Sciences. Theory and methodology of teaching and education (by areas and levels of education)	
Danilova Yu.Yu., Solunova Ya.A. Modern Directions of Linguistics as a Promising Resource of Project-Research Activity as Part of the Russian Language Learning	126
• Pedagogical Sciences. Theory and methodology of professional education	
Bodnar S.S., Gizatullina E.V. Methods of Teaching Translation of Medical Terms in Social and Political Texts to the Students of “Linguistics” Major	138

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.161.1Чехов+82-32::82-92.

ПАРАДОКСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ. К ИСТОРИИ РЕЦЕПЦИИ ОДНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «ИОНЫЧ»

Л.Е. Бушканец

lika_kzn@mail.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается первый этап интерпретации рассказа А.П. Чехова «Ионыч» современной ему литературной критикой. Именно выводы критиков задали направление понимания рассказа, актуальное до нашего времени и закрепившееся в школьной дидактике. Однако анализ методологии критики рубежа XX-XXI веков позволяет увидеть ее невольную ограниченность. Это следствие распространенных этических, эстетических концепций, удачно проявляющих себя при анализе произведений других авторов, но неприложимых к чеховским текстам. В статье анализируется ситуация, сложившаяся в результате несовпадения картины мира Чехова и его критиков, что привело к тому, что закрепившиеся интерпретации мешают читателю более позднего времени увидеть сложность рассказа. В результате рассказ остался незамеченным критикой, однако парадокс ситуации в том, что в XX веке рассказ «Ионыч» вошел в школьный канон, хотя трактовка рассказа не изменилась. История интерпретации одного произведения впервые предпринята в литературоведении и чеховедении. Актуальность исследования и выработанной методологии состоят в том, что без понимания того, как формировалось понимание литературного произведения от момента его появления в печати и до наших дней, нельзя понять, насколько адекватны современные интерпретации.

Ключевые слова: «Ионыч», Чехов, литературная критика, рецепция, интерпретация, стереотипы.

Для цитирования: Бушканец Л.Е. Парадоксы интерпретации. К истории рецепции одного произведения: рассказ А.П. Чехова «Ионыч». *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1 (4): 8–24.

PARADOXES OF INTERPRETATION. TO THE HISTORY OF THE RECEPTION OF ONE STORY: «IONYCH» BY A.P. CHEKHOV

L. E. Bushkanets

lika_kzn@mail.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article deals with the first stage of interpretation of A. P. Chekhov's short story «Ionych» by contemporary literary criticism. It was the conclusions of the critics that set the direction of understanding the story, relevant to our time and entrenched in school didactics. However, an analysis of the methodology of criticism at the turn of the XX-XXI centuries allows us to see its involuntary limitations. This is a consequence of common ethical, aesthetic concepts that successfully manifest themselves in the analysis of the works of other authors, but are not applicable to Chekhov's texts. The article analyzes the situation that has developed as a result of the discrepancy between the picture of the world of Chekhov and his critics, which led to the fact that

the closed interpretations prevent the reader from seeing the complexity of the story later. As a result, the story went unnoticed by critics, but the paradox of the situation is that in the twentieth century the story «Ionich» entered the school canon, although the interpretation of the story has not changed. The history of the interpretation of one work is first attempted in literary studies and Chekhov's studies. The relevance of the research and the developed methodology is that without understanding how the understanding of a literary work was formed from the moment of its appearance in print to the present day, it is impossible to understand how adequate modern interpretations are.

Keywords: «Ionich», Chekhov, literary criticism, reception, interpretation, stereotypes.

For citation: Bushkanets L.E. Paradoxes of Interpretation. To the History of the Reception of One Story: «Ionich» by A.P. Chekhov. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 1 (4): 8–24. (In Russ.)

Чехов пользовался ни с чем не сравнимой популярностью среди современных ему читателей. Отношение же к нему критики было сложным, однако после рассказов начала 1890-х годов, особенно «Палаты №6», «Мужиков», закрепилось его место на вершине литературной иерархии и каждое новое произведение вызывало бурное обсуждение. Потому можно было предположить, что на появившийся в 1898 году рассказ «Ионыч» мы найдем несколько десятков отзывов, которые помогут выстроить стройную историю о том, как произошла канонизация этого рассказа, «вершиной» чего стало не просто обязательное его чтение в рамках школьной программы, но вхождение в классификатор ЕГЭ.

Однако никакого соответствующего материала нет.

Рассказ был опубликован осенью 1898 года. В 1898–1899 годах критика обсуждала новые чеховские рассказы «Человек в футляре», «Крыжовник», недоумевала по поводу «О любви», но об «Ионыче» говорила вскользь. Так, вывод о переломе «в отношении к действительности» Н. К. Михайловский в большой программной статье «Кое-что о г. Чехове» подтверждает разбором «Палаты № 6» и «Черного монаха», «Человека в футляре» и «О любви», «Дамы с собачкой» и «В овраге» [11], но не обращается к «Ионычу».

Рассказ был включен автором в собрание сочинений, изданное А. Ф. Марксом. «Ионыч», «Случай из практики», «По делам службы», «Душечка», «Новая дача» напечатаны в т. IX, т.е. в 1901 году. Собрание сочинений спровоцировало множество обзорных статей о писателе [15].

Но во многих статьях 1900-х годов, в том числе посмертных, рассказ лишь упоминается в общем ряду. В некрологах названы «Степь», «Иванов», «Дуэль», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Мужики», «Скучная история», «Дядя Ваня», «По делам службы», «Случай из практики», «Крыжовник», «Невеста». Это те рассказы и пьесы, которые вошли в «критический канон» того времени. «Ионыча», как и «Архиерея», тоже чеховского шедевра, там нет. Критики отмечали, что такие персонажи, как Душечка, Никитин, Беликов будут нарицательными – они не уступают Хлестакову или Фамусову, но Старцев среди них не назван. Многие считали рассказ «Человек к футляре», написанный практически одновременно (май-июнь 1898 г.) с «Ионычем», высшей точкой творчества писателя, но интересующий нас рассказ только упоминали. В статье С. Венгерова в «Энциклопедическом словаре» (1903 г.) названы «Степь», «Скучная История», «Дуэль», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Мужики» (1897), «Человек в футляре», «В овраге»; из пьес – «Иванов», не имевший успеха на сцене, «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры». «Ионыча» в списке нет [2].

Почему рассказ почти не вызвал интереса?

Причин было несколько.

Прежде всего, это «нормативизм» представлений о человеке и литературе. Эта особенность не зависела от направления, к которому принадлежал критик, она была характерной чертой мышления интеллигенции того времени. Логика мышления критики рубежа веков опиралась на идеалистические (в философском смысле слова, т.е. абстрагированные) представления о человеке: норма человеческой психики – это обязательно деятельное начало, оптимистический взгляд в будущее, отрицание уныния, обличение несправедливости. «Прогрессивный интеллигент» сразу должен был быть таким типом личности. Так, один из чеховских современников, Г. Задера, писал, используя характерную лексику: «Доктор Старцев в рассказе «Ионыч» –

вначале молодой, неглупый врач, настолько занятый в больнице, что в продолжение больше года он, например, не мог выбрать свободного часа, чтобы съездить к Туркиным. <...> В этом превосходном рассказе <...> поразительно ярко изображена картина нравственного падения человека и врача, картина постепенного погружения в атмосферу той пошлой, обывательской жизни, той «обыденщины», из которой нет будто бы выхода. На наших глазах Старцев из молодого, неглупого врача, идейного работника, превращается в сытого, противного обывателя, в хищника и паразита» [9]. Показательны выражения «идейный работник», «противный обыватель».

«Действительность» понималась не во всем значении этого слова, а как противоположность идеалу, «сознательному творческому отношению к жизни, сознательному проявлению личности и личной воли», потому человек должен быть сознательным, правильным, деятельным и непреклонным. С наиболее развернутым осуждением центральных героев рассказов Чехова именно с этих позиций выступил А. М. Скабичевский в статье «Больные герои больной литературы. Литература в жизни и жизнь в литературе. Критические письма. Письмо 7-е» [20]. Опираясь на «Дом с мезонином» и «Мою жизнь», он писал об излюбленном чеховском типе человека – будто бы нравственно больного, надломленного, психопатического, одержимого разными душевными недугами.

Со временем, утверждали критики, таким идеально-правильным станет каждый человек: потому общим местом было указание, что в Чехове есть прозрение в лучшее будущее, предчувствие грядущих поколений, что в рассказах Чехова мы видим призвание человека в духовной деятельности и искании веры. Критик Джонсон писал: «Чехов страстно ждал, страстно тосковал как писатель по этой светлой, прекрасной жизни <...> А когда Старцев («Ионыч») бродил лунною ночью по кладбищу, то ему казалось, что «в каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную [7, с.123].

Так специфика мироощущения критика приписала рассказу смыслы, которых там нет. Это происходит всегда, когда чтение не является

постижением «другого» («Как служба понимания филология помогает выполнению одной из главных человеческих задач – понять другого человека (и др. культуру, др. эпоху), не превращая его ни в «исчислимую» вещь, ни в отражение собственных эмоций» [24]), а проекцией собственных требований к жизни и литературе.

Именно эта установка нормативистски настроенной критики задала направление рецепции рассказа и определила следующие ключевые высказывания: «деградация», «пошлый город», «мещанство» и пр. Обратим внимание на то, что эти представления закрепились в общественном сознании и актуализировались в школьной дидактике.

В картине мира большинства критиков эти идеалистические представления о человеке наложились на особенности российской жизни рубежа веков – это ощущение кризиса и наступающей катастрофы и одновременно ожидания светлого будущего. Заданная когда-то Н.К. Михайловским мысль о тоске по общей идее в творчестве Чехова сформировалась в стройную концепцию: Чехов – писатель российского апокалипсиса, убожества нашей жизни, однако смысл его деятельности – это призыв к свету, призыв к гуманной деятельности, новой, чистой жизни. Такой Чехов, хотя и «пессимист», был «оправдан» критикой. Если произведение укладывалось в схему «от безрадостного прошлого и мещанского настоящего к светлому будущему», от тьмы к свету, то оно вписывалось в концепцию чеховского творчества. И «Крыжовник», и «Человек в футляре», и даже не очень понятный рассказ «О любви», но хотя бы с размышлениями о том, что «когда любишь...», были приняты. Но «Ионыч» даже на фоне других чеховских рассказов исключительно «неудобен», поскольку ничего, очевидно связанного с «прогрессивным развитием жизни», там нет.

Потому рассказ был переинтерпретирован как рассказ о суровой русской действительности.

Р.И. Сементковский поставил рассказ «Ионыч» в один ряд с другими произведениями Чехова 1898 г., где, по его мнению, решается вопрос

об отношении идеалов к современной жизни: «Прочтите последние произведения г. Чехова, и вы ужаснетесь той картине современного поколения, которую он нарисовал с свойственным ему мастерством. Возьмете ли вы Ионыча, героя рассказа, помещенного в „Литературных приложениях“ „Нивы“ за сентябрь, или ряд личностей, выведенных в других рассказах талантливого беллетриста, – вы одинаково вынесете какое-то щемящее впечатление бессилия найти в жизни идеальное содержание» [19, Стб.391]. И. П-ский писал о том, что рассказ «Ионыч» относится к тем произведениям, в основе которых лежат «глубокие драматические сюжеты в обыденной жизни» [16, с. 21], Волжский – о том, что «широко разворачивается картина обыденной жизни с ее торжеством пошлости, мелочности, жестокой бессмыслицы, тупой скуки и безнадежной тоски» [3, с.61].

Второй оправдывающий рассказ тезис – о деградации героев, за которым стоит как бы «полуосознанный» писателем, но осознанный критикой призыв к «новому человеку».

А. Волынский писал, что суть рассказа «Ионыч» – это настоящая русская тяжелая действительность, действующие на этом фоне типично русские люди (медленный, вялый темп их жизни тоже характерен для России) – неудачные дилетанты искусства, воображающие себя непризнанными талантами, разные добродушные домашние комедианты и комики, опускающийся, полнеющий, жиреющий доктор, переживший легкий неудачный роман без всякого ущерба и без всякого значения для души, а затем удачно практикующий и наживающий большое состояние. Потому настроение рассказа – удушливое, гнетущее, хотя автор на этот раз не дает воли никаким лирическим излияниям [5, с. 341]. Но этот рассказ является «обещанием нового человека: «В самом деле, среди брожений современной литературы, знаменующих появление нового человека, Чехов стоит особняком, почти одиноко. <...> Герои Чехова болеют и сами не знают, чем болеют, умирают, и не знают, отчего именно умирают, и это их незнание и непонимание являются доказательством того, что они подошли к какой-то большой, сложной, еще не объемлемой ими правде. Художник сам

еще не обнял этой правды и, может быть, никогда не обнимет ее, но он стоит перед нею, чувствуя всю ее важность. Хороня своих героев, он уже как бы склоняется перед какой-то новой, сверхнормальной истиной. Слово его, такое вдумчивое, такое благородное, передает конвульсию ветхого человека, из которого должен выйти новый человек. Он живет в старом воздухе, но задыхается в нем» [5].

Д.Н. Овсяннико-Куликовский также вписал рассказ в определившуюся схему: в рассказе Чехова «Ионыч», как и в других произведениях, «руководящей точкой зрения служит мрачный, безотрадный взгляд на человека и на современную жизнь. Но этот взгляд так выражен <...>, что внимательный и вдумчивый читатель чувствует присутствие идеала, его тихое, еще неясное веяние, и вместе с художником устремляет свой умственный взор в туманную даль грядущего, где уже чувствуется бледный рассвет новой жизни» [12, с. 234. Ср.: 13, с.138]. Основой пессимизма Чехова, по мнению Овсяннико-Куликовского, служит «унылое и безотрадное чувство, вызываемое в художнике созерцанием всего, что есть в натуре человеческой заурядного, пошлого, рутинного» [13, № 3, стлб. 263.]. Этот пессимизм исходит отнюдь не из отрицания возможностей совершенствования отдельного человека и общества в целом, напротив, он основан «на глубокой вере в возможность безграничного прогресса человечества», но «главным препятствием, задерживающим наступление лучшего будущего, является нормальный человек, который не хорош и не дурен, не добр и не зол, не умен и не глуп, не вырождается и не совершенствуется, не опускается ниже нормы, но и не способен хоть чуточку подняться выше ее» [13, № 3, стлб. 264.]. Потому критик внимательно рассмотрел процесс «постепенного очерствения души молодого врача»: «Ионыч» – отнюдь не рассказ «на старую, избитую тему о том, как „среда заедает свежего человека“» [13, № 3, стлб. 259]. Благодаря природному уму Старцев понимает заурядность и пошлость окружающей обстановки и обывателей города, но он и сам не исключен из «рутины, которая ему так ненавистна в других» [13, № 3, стлб. 266].

В результате та жизнь, которую проживают герои, как и вообще жизнь, которую мы все проживаем, дискредитирована. Влюбленность, если в ней герои сохраняют возможность размышлять о приданом, величие ночи, если ее ощущает полнеющий человек, семейное тепло, если глава семьи нелепо шутит, – всему этому отказано в праве на существование с высоты некоей абстрактной нормы. Это представление стало разрушительным по отношению к рассказу Чехова.

Как отмечала З. Гиппиус, в России «жизнь оторвалась от литературы, от всяких мыслей и чувств, которые были когда-то полусознательно необходимы человеку», и, разорвав эту связь, они обе умирают: литература как тело мысли, и жизнь, которая суживается и тупеет, поскольку мысли в жизни заменены «вопросами» (например, «вопросом о мужике») <...> Я касаюсь в литературе только т.н. либеральной партии. Другие составляют меньшинство, литературы у них и вовсе почти нет, а вопросы совсем какие-то завялые и полусонные. Но либералы, истинные господа теперешнего времени, имеют и свои журналы, и свою «вопросную» литературу, и своих, соответствующего роста, гениев. <...> Чеховым привыкли восхищаться, но его не любят. Он до сердца не доходит, назревших «вопросов» не затрагивает, а если затрагивает, то все-таки чересчур чисто. Горький – другое дело. Он «в самый центр» попал, а в его произведениях есть и мужик, и интеллигент, и возмущение порядками, и бесшабашная «русская удаль», и слезы, и кураж подвыпившего рабочего» [6, с. 85-94].

Эту слабость живого чувства в критике этого типа хорошо чувствовал и Чехов. Рассказ «Ионыч» не ставил вопросов – в отличие от «Дуэли» или «Иванова», которые обсуждались больше всего: в них споры персонажей позволяют критику высказать свою собственную позицию по многим вопросам русской действительности.

Вот характерный пример: «Не угодно ли взглянуть на типичнейшего разночинца “чеховской интеллигенции” – <...> Ионыча. В несколько растянутом и скучноватом, несмотря на хорошенькие отдельные места,

рассказе того же имени изображается молодой врач Дмитрий Ионыч Старцев, который поселяется в провинции, в глуши, и постепенно вырастает в эту глушь всеми интересами своего ума и сердца. <...> Рассказано так, что читатель решительно не может понять: радоваться ли ему вместе с Ионычем, что все обошлось благополучно и человек остался жить, хотя и по-прежнему скучновато, но без семейного беспокойства, или горевать о том, что Ионыч и провинциальная среда оказались без влияния друг на друга, или же покорно склонить голову перед властью действительности, с которой ничего не поделаешь... Можно морализировать на эту тему во всех трех направлениях вместе и порознь, и все-таки не добраться до той простой истины, что в создании Ионычей, этой одной из многочисленных разновидностей “чеховского интеллигента”, играют роль не столько роковые обстоятельства, протест против которых бесплоден, сколько разные другие условия и, на первом плане, нашими же руками заботливо устроенные особенности нашей школы, словно специально направленной на выработку тупых, самодовольных и пошлых потребителей жизни. Эту сторону Чехов совершенно опускает из виду, сваливая все в одну кучу, за счет якобы мудреной, сложной и стихийно-непонятной жизни. Оттого-то и поднимается такой протест в душе против общей картины жизни у г-на Чехова, что пессимизм его не объективный, не вытекающий из цельного философского мирозерцания, а какой-то смутный, частичный, едва ли не объясняемый во многих случаях преобладанием унылых настроений в душе автора. И потому иной раз самого писателя как-то скорее хочется пожалеть, чем тех, кто страдает в его рассказах от нескладицы и жестокости жизни» [10, с. 138–140]. Е.А. Ляцкий ждет от автора четкого авторского высказывания и осуждает его за отсутствие дидактики.

Огромное влияние оказало то, что «Ионыч» был воспринят в одном ряду с рассказом «Человек в футляре». Даже язык, фразеология критических отзывов об «Ионыче» говорят об этом: изображение «холодного формализма», «мертвой обстановки, в которой приходится жить современному человеку»;

«Люди как бы забываются в кругу формально усвоенных ими понятий <...> Жизнь по шаблонам парализует ум, чувство и волю...»[21, с.46 и 58] «Власть жизненного футляра очерчена здесь художником сильно, сжато и красиво... – писал Волжский. – Типичность чеховской картины невольно наводит читателя на размышление, сколько еще таких Ионычей выбрасывает лаборатория провинциальной российской обывательщины <...> “Беликова похоронили, а сколько таких человек в футляре осталось, сколько их еще будет!” – говорит в конце своего рассказа о человеке в футляре Буркин; подобное же заключение напрашивается по прочтении „Ионыча“. Здесь Чехов дал широчайшее обобщение российской обывательской жизни» [3, с.87, 88]. А группа молодежи, рабочих и интеллигентов их Устьелмы прислала телеграмму как реакцию на смерть писателя: «Сочинения Чехова долго будут любимым чтением тех, кто работает для лучшего будущего, кому ненавистны люди в футлярах и Ионычи», эта же фразеология повторяется и в других телеграммах и надписях на венках [14, с.146–149 вт. паг.;18, С.165 вт. паг.].

В произведениях Чехова было нечто, принципиально необъяснимое в таких формах общественного сознания, как литературная критика. Зрелый Чехов приходит к созданию такого типа текста, который необъясним на уровне логических обобщений и нуждается в таких формах постижения, как читательское сопереживание, развертывающееся синхронно чтению текста, как литературоведческое медленное чтение и др. Литературная критика, которая строится на объяснении текста¹, а не на его со-проживании, неизбежно упрощает чеховский текст в гораздо большей мере, чем это происходит с текстами многих других писателей. Разные критики определяли творчество Чехова через настолько противоположные друг другу формулы, что это вызывало только усмешку читателей. Как иронизировал Ф. Батюшков, Михайловский определил Чехова как «поэта тоски по общей идее»,

¹См., напр., такую характеристику критики этого времени: «Он следует распространенной у нас в последнее время критической манере разыскивать основную черту художественной психологии писателя и, разыскав ее, обозначить ее формулой и сквозь призму этой особенности рассмотреть все творчество писателя. <...>. Этот метод принадлежит к небольшим, несложным писателям, но он совершенно не годится для разъяснения смысла творчества великих писателей со многосложной душой.». [23, С. 95 вт. паг.]

Скабичевский как «крайнего идеалиста», Андреевич как носителя «героического пессимизма», Волжский как «пессимистического идеалиста», Овсянко-Куликовский как создателя «художественных опытов», Альбов как человека, который «чутко до боли», а Оболенский – как носителя «любящей жалости ко всему на свете» [1, с. 1–12 вт.паг.]. Эти границы понимания Чехова критиками блестяще показаны А. Д. Степановым в статье «Антон Чехов как зеркало русской критики». Он утверждал: «Субъектно-объектные отношения усложняются сходным образом, особенно в поздний период чеховского творчества, когда безоценочное повествование вбирает в себя множество точек зрения героев, каждый из которых по-своему прав и не прав. Приемы олицетворения и лиризация парадоксальным образом сочетаются с эффектом реальности: говоря словами Белого, Чехов «истончает» реальность, вызывает ощущение присутствия иного смысла, то есть текстуализирует свой мир, но никогда не называет его значения. Изображенное становится не миром и не текстом или тем и другим одновременно – отсюда голоса осуждения или, наоборот, восхищения, которые раздаются с обеих сторон границы, на которой стоит Чехов» [27, с. 276–1007].

Но рассказ Чехова отчаянно сопротивляется такому подходу. Более сложная интерпретация рассказа дана нами в статье [25]. В.М. Маркович в статье «Пушкин, Чехов и судьба “лелеющей душу гуманности”» рассматривает особое, как он это называет – гуманное отношение автора к своему герою и выделяет в пределах одного фрагмента текста «соседство разных стилистических тональностей», которое оборачивается «соседством двух различных точек зрения – насмешливой и не чуждой симпатии или уважения»: в картинах обывательского существования Туркиных «нет столкновения двух различных точек зрения, развитие сюжета придает изображаемому определенный смысл, однако время от времени читательское восприятие наталкивается на какие-то иные элементы текста, которые затрудняют его слияние с этим смыслом», и в результате открываем возможность воспринять этот недолжный мир в духе примиряющей гуманности [26, с. 23].

Огромная популярность Чехова – это следствие не восторга критиков, но следствие широкой популярности среди читателей, представителей средней интеллигенции. Во многом это связано с огромной силой эмоционального воздействия чеховского текста, вплоть до его полного подчинения автору. Так, в «Палате № 6» (1892 г.) критика, как обычно, попыталась увидеть недостатки (очернение действительности, отсутствие ясной авторской позиции, неясность идеи, неумение справиться с большой формой), но текст вызывал такое сильное потрясение, настолько помимо воли читателя рушил эскапизм интеллигенции, что это чувствуется не только в непосредственных первых откликах непрофессиональных читателей, но и в критических статьях. И.Е. Репин писал Чехову: «Даже просто непонятно, как из такого простого, незатейливого, совсем даже бедного по содержанию рассказа, вырастает в конце такая неотразимая, глубокая и колоссальная идея человечества <...> Я поражен, очарован <...>» [17, с. 102]. В.И. Немирович-Данченко свидетельствовал, что в Москве о повести говорят «во всех углах», что она «имеет успех огромный, какого у Вас еще не было. Да Вы видите ли газеты? Только о ней и речь» [8, с. 98]. Даже А. С. Скабичевский, скептик по отношению к Чехову, начал статью словами: «Я <...> весь день и всю ночь находился под обаянием ее; она не выходила у меня из головы; ночью я грезил ею», а племянница редактора «Петербургской газеты» Худекова, прочтя рассказ, упала в обморок (22, с. 8: 459]. А.С. Лазарев-Грузинский в письме к Чехову признавался: «Какое потрясающее впечатление она произвела на меня. Я всю ночь трясся» [22, с. 8: 459–463]. Рассказ «Ионыч» не вызвал такого потрясения у читателей. И тема показалась привычной, чеховской, и не было эмоционального финала (например, смерть персонажа на фоне равнодушного времени). Потому и читательская, не только критическая реакция не привела к популярности рассказа. Несмотря на то, что рассказ в XX в. стал каноническим произведением школьной программы, принципы интерпретации остались те же.

Неготовность читателя, профессионального критика и широкого читателя, несовпадение поэтики рассказа и приемов чтения – причина

незамеченности чеховского шедевра. Задачи рецепции рассказа «Ионыч» подчинили себе анализ поэтики, навязали рассказу якобы присутствующие там художественные особенности, которые приписываются рассказу вплоть до нашего времени и оказываются востребованными в школьной дидактике.

Источники

1. *Батюшков Ф.* Предсмертный завет Антона П. Чехова // Мир Божий. СПб., 1904. № 8.
2. *Венгеров С.* Чехов Антон Павлович // Энциклопедический словарь. СПб.: Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1903. Т. 38. С. 777–781.
3. *Волжский <А.С. Глинка>.* Очерки о Чехове. СПб., 1903. 179 с.
4. *Волынский А.* Антон Чехов. Человек в футляре. Крыжовник. О любви. Ионыч. Случай из практики. По делам службы. Новая дача // Северный вестник. 1898. № 12.
5. *Волынский А. Л.* А. П. Чехов // Борьба за идеализм. Критические статьи. СПб., 1900.
6. *Гиппиус З.* Торжество в честь смерти. «Альма», трагедия Минского // Мир искусства. СПб., 1900. № 17–18. С. 85–94.
7. *Джонсон.* Смысл и цель жизни, по воззрению Чехова // *Покровский В. И.* Антон Павлович Чехов. Его жизнь и сочинения. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. 1062, VIII с.
8. Ежегодник Московского Художественного театра. 1944. Т.1. М., 1946.
9. *Задера Г.* Медицинские деятели в произведениях А. П. Чехова // Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива». 1903. № 11. С. 481–510.
10. *Ляцкий Е. А.* А. П. Чехов и его рассказы // Вестник Европы. 1904. № 1.
11. *Михайловский Н. К.* Кое-что о г. Чехове // Русское богатство. 1900, 4.

12. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* А. П. Чехов // Вопросы психологии творчества». СПб., 1902.
13. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Наши писатели. (Литературно-критические очерки и характеристики). I. А. П. Чехов // Журнал для всех. 1899. №№ 2–3.
14. Памяти Чехова // Русская мысль. М., 1904. № 9.
15. *Покровский В. И.* Антон Павлович Чехов. Его жизнь и сочинения. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. 1062, VIII с.
16. *П-ский И. И.* Трагедия чувства. Критический этюд (по поводу последних произведений Чехова). СПб., 1900.
17. *Репин И. Е.* Письма к писателям и литературным деятелям. 1880–1929. М., 1950.
18. Памяти Чехова // Русская мысль. М., 1904. № 8.
19. *Сементковский Р. И.* Что нового в литературе? // Ежемесячные литературные приложения к журналу „Нива“, 1898. № 10.
20. *Скабичевский А. М.* Больные герои больной литературы. Литература в жизни и жизнь в литературе. Критические письма. Письмо 7-е. // Новое слово. 1897. Кн. 4, январь.
21. *Столяров М.* Новейшие русские новеллисты. Гаршин. Короленко. Чехов. Горький. Киев – Петербург – Харьков, 1901.
22. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. М.: Наука, 1974–1983. Сноски на издание даны в тексте: С. – сочинения, П. – письма, далее идет номер тома и страницы.
23. *Щеголев П. Л.* [Рец. на: Мельшин. Очерки русской поэзии. СПб., 1904] // Мир Божий. СПб., 1904. №10.

Литература

24. *Аверинцев С. С.* Филология // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 7: 1972. Стб. 973–979.
25. *Бушканец Л. Е., Иванова Н. Ф.* Разночинец в гостях у дворян (Рассказ А.П.Чехова «Ионыч»). Русская словесность. № 4. 2018. С. 32–43.

26. *Маркович В. М.* Пушкин, Чехов и судьба «лелеющей душу гуманности» // Чеховиана: Чехов и Пушкин / РАН. Науч. совет по истории мировой культуры. Чехов. комис. Москва: Наука, 1998. 331 с.

27. *Степанов А. Д.* Антон Чехов как зеркало русской критики // А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX–начала XX в. (1887–1914). СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2002. С. 976–1007.

Resources

1. *Batyushkov F.* (1904). The Deathbed Testament of Anton P. Chekhov // *Mir Bozhiy*. St. Petersburg. No. 8. (In Russian)

2. *Vengerov S.* (1903). Chekhov Anton Pavlovich // *Encyclopedic Dictionary*. St. Petersburg: Publishing House of F. A. Brockhaus and I. A. Efron. Vol. 38. Pp. 777–781. (In Russian)

3. *Volzhsky <A.S. Glinka>.* (1903). Essays on Chekhov. St. Petersburg. 179 p. (In Russian)

4. *Volynsky A.* (1898). Anton Chekhov // *Severnyj Vestnik*. № 12. (In Russian)

5. *Volynsky A.L.* (1900). A. P. Chekhov // *Struggle for idealism*. Critical articles. St. Petersburg. (In Russian)

6. *Gippius Z.A.* (1900). Celebration of Death. «Alma», the Tragedy of Minsky // *Mir iskusstva*. St. Petersburg. No. 17–18. Pp. 85–94. (In Russian)

7. *Johnson.* (1907). The Meaning and Purpose of Life, According to Chekhov's View // *Pokrovskiy V.I.* Anton Pavlovich Chekhov. His Life and Works. Moscow: G. Lissner and D. Sobko. 1062, VIII p. (In Russian)

8. Yearbook of the Moscow Art Theater. (1944). Vol. 1. M., 1946. (In Russian)

9. *Zadera G.* (1903). Medical Figures in the Works of A. P. Chekhov // *Ezhemesjachnyje literaturnyje prilozhenija k zhurnalu «Niva»*. No. 11. Pp. 481–510. (In Russian)

10. *Lyatsky E.A.* (1904). A. P. Chekhov and His Stories // *Bulletin of Europe*. №1. (In Russian)

11. *Mikhailovsky N.K.* (1900). Something about Chekhov. *Russkoje bogatstvo*. No. 4. (In Russian)
12. *Ovsyaniko-Kulikovsky D.N.* (1902). A. P. Chekhov // *Voprosy psikhologii tvorчества*. St. Petersburg. (In Russian)
13. *Ovsyaniko-Kulikovsky D.N.* (1899). *Our Writers. (Literary-critical essays and characteristics)*. I. A. P. Chekhov // *Journal dlja Vseh*. No. 2–3. (In Russian)
14. In Chekhov's Memory // *Russkaja Mysl'*. Moscow, 1904. № 9. (In Russian)
15. *Pokrovsky V.I.* (1907). Anton Pavlovich Chekhov. His life and writings. Moscow: Printing House of G. Lissner and D. Sobko. 1062, VIII p. (In Russian)
16. *P-skiy I.I.* (1902). The Tragedy of Feeling. Critical Etude (about Chekhov's Recent Works). St. Petersburg. (In Russian)
17. *Repin I.E.* Letters to Writers and Literary Figures. 1880–1929. Moscow, 1950. (In Russian)
18. In Chekhov's Memory // *Russkaja Mysl'*. Moscow, 1904. No. 8. (In Russian)
19. *Sementkovsky R.I.* (1898). What is New in Literature? // *Ezhemesjachnyje literaturnyje prilozhenija k zhurnalu «Niva»*. № 10. (In Russian)
20. *Skabichevsky A.M.* (1897). Sick Heroes of Sick Literature. Literature in Life and Life in Literature. Critical Letters. Letter 7 // *Novoje Slovo*. Book 4, January. (In Russian)
21. *Stolyarov M.* (1901). The Latest Russian Novelists. Garshin. Korolenko. Chekhov. Gorky. Kiev–Petersburg–Kharkiv. (In Russian)
22. *Chekhov A.P.* (1974-1983). Complete Collection of Works and Letters: in 30 volumes. Moscow: Nauka. Footnotes are given in the text: S. – works, P. – letters, followed by the number of the volume and page. (In Russian)
23. *Shchegolev P.L.* (1904). [about: Melshin. Essays on Russian Poetry]. St. Petersburg, 1904] // *Mir Bozhiy*. St. Petersburg. No. 10. (In Russian)

References

24. *Averintsev S.S.* (1972). Philology // Brief literary encyclopedia / Ch. editor A.A. Surkov. M.: Sov. Encyclopedia, 1962–1978. Vol. 7. Stb. 973–979. (In Russian)

25. *Bushkanets L.E., Ivanova N.F.* (2018). Commoner in the house of nobles (the Story of A.P. Chekhov «Ionych»). *Russkaja Slovestost'*. No. 4. Pp. 32–43. (In Russian)

26. *Markovich V.M.* (1998). Pushkin, Chekhov and the fate of “cherishing the soul of humanity”. *Chekhoviana Chekhov I Puchkin*. Moscow: Nauka. 331 p. (In Russian)

27. *Stepanov A.D.* (2002). Anton Chekhov as a mirror of Russian criticism // *A.P. Chekhov: pro et contra*. Russian Russian Christian Humanitarian Academy. Pp. 976–1007. (In Russian)

Авторы публикации

Бушканец Лиля Ефимовна – доктор
филологических наук, профессор
Член Чеховской комиссии при Совете по мировой
культуре РАН
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
E-mail: lika_kzn@mail.ru

Authors of the publication

Leah Bushkanets – Doctor of Philology, Professor
Member of the Chekhov Society (Russian Academy of
Sciences)
Kazan, Russia
Kazan Federal University
E-mail: lika_kzn@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК: 821.512.145

«ПОТОК СОЗНАНИЯ ЗВЕРЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ч. АЙТМАТОВА И А. БАЯНОВА: ДИАЛОГ С ЭТНИЧЕСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Д.Ф. Загидуллина

zagik63@mail.ru

ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», Казань, Россия

Аннотация. Использование приема «поток сознания» в отношении животных в творчестве Чингиза Айтматова и Ахсана Баянова позволяют проследить некоторые аспекты трансформации соцреализма в «период оттепели», которая в тюркоязычных литературах была ознаменована возвращением к национальным истокам. Первые признаки трансформации соцреализма, ознаменованной возвращением к национальным истокам, наблюдаются в рассказах А. Еники еще военных лет: прозаик внимательно наблюдает за мыслительным процессом отдельного героя, поставленного в условия жестких испытаний, обращается к приему «потока сознания», на историю героя в качестве авторской позиции накладывается философская оценка мира, выраженная путем возведения образов до уровня символа. Схожие преобразования наблюдаются в творчестве Чингиза Айтматова 1950-1960-х гг. Их произведения рассказывают о Человеке, предлагая анализ его душевного состояния взамен соцреалистическому жизнеописанию; использование при создании образов всех основных героев приемов психологизма, и даже психоанализа и «потока сознания», обеспечивает в тюркоязычных литературах невиданное ранее эмоциональное воздействие на читателя. Еще одной общей особенностью творчества двух прозаиков становится постановка национальных проблем на уровне общечеловеческих. Они оба связывают проблему сохранения человеческого в человеке, сохранения человеком своего «я» – с необходимостью сохранения связей с традициями, историческими корнями, с родом, этносом. Дальнейшие трансформации в прозе были связаны с обращением к структуре эпических сказаний тюркских народов, которая позволяла складывать в единую картину мира – жизнь отдельно взятого человека, картину «строительства социализма», состояние человеческого духа и будущего человечества. В творчестве Ч. Айтматова и А. Баянова формируется художественная картина мира, в корне отличающаяся от той, что на протяжении десятилетий транслировала литература социалистического реализма. Произведения этих писателей, свободные от идеологически предвзятых воззрений на мир и судьбу народов, раскрыли роль национальных традиций, представили богатейший опыт народной жизни, особенности жизненного уклада, норм поведения, ментальности тюркских народов, сумев придать национальным ценностям статус общечеловеческих. Сопоставление их творчества позволяет осмыслить масштабность возрожденческих процессов, которые произошли в национальных литературах СССР во второй половине XX века.

Ключевые слова: Чингиз Айтматов, Ахсан Баянов, тюркоязычные литературы, возвращение к национальным истокам, «поток сознания», «поток сознания зверя».

Для цитирования: Загидуллина Д.Ф. «Поток сознания зверя» в творчестве Ч. Айтматова и А. Баянова: диалог с этнической художественной традицией. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1 (4): 25–37.

**“THE BEAST'S STREAM OF CONSCIOUSNESS”
OF CHINGIZ AITMATOV AND AKHSAN BAYANOV: DIALOGUE
WITH THE ETHNIC ARTISTIC TRADITION**

D.F. Zagidullina

zagik63@mail.ru

Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

Abstract. The use of «the stream of consciousness» approach to animals in the work of Chingiz Aitmatov and Akhsan Bayanov allows to trace some aspects of the transformation of social realism in the «thaw period» which in Turkic-speaking literatures was marked by a return to national origins. The first signs of the transformation of socialist realism marked by return to national sources are observed in stories by A. Eniki of military years: the prose writer attentively watches thought process of the certain hero put in conditions of tough examinations, addresses to the approach of «a consciousness stream», on history of the hero as an author's position the philosophical assessment of the world expressed by construction of images to symbol level is imposed. Similar transformations are observed in Chinghiz Aitmatov's creativity of the 1950-1960th. Their works tell about the Person, offering the analysis of his state of mind in exchange to the socialist realism biography; using in creation of images of all main heroes the methods of psychologism, and even psychoanalysis and «a consciousness stream», provides earlier unprecedented emotional impact on the reader in Turkic literatures. Statement of national problems at the level of universal becomes one more general feature of creativity of two prose writers. Both of them connect a problem of saving human in the person, saving by the person of the «I» – with need of saving of communications with traditions, historical roots, ethnos. Further transformations in prose have been connected with their appeal to structure of epic legends of the Turkic people which allowed to put in a uniform picture of the world – life of separately taken person, a picture of «construction of socialism», a condition of human spirit and future mankind. In the work of Ch. Aitmatov and A. Bayanov an artistic picture of the world is formed. It is fundamentally different from that which broadcast literature of socialist realism for decades. The works of these writers that are free from ideologically biased views on the peace and fate of peoples revealed the role of national traditions, presented the richest experience of folk life, peculiarities of life style, norms of behavior, mentality of Turkic peoples, they managed to give the status of universal human to national values. The comparison of their creativity makes it possible to understand the scale of the revival processes that took place in the national literature of the USSR in the second half of the 20th century.

Keywords: Chinghiz Aitmatov, Ahsan Baiyanov, Turkic literatures, return to national sources, «Stream of consciousness», «The Beast's stream of Consciousness».

For citation: Zagidullina D.F. “The Beast's stream of Consciousness” of Chingiz Aitmatov and Akhsan Bayanov: dialogue with the ethnic artistic tradition. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 1 (4): 25–37. (In Russ.)

Возрожденческие явления, происходящие в тюркоязычных литературах в 1960-1980-е годы в контексте русского авангарда, имеют свои особенности. Несомненно, «“Хрущевская оттепель“ приоткрыла клапан, питающий искусство нетрадиционными для соцреализма идеями, сюжетами, образными решениями» [6, с. 180]. Но параллельно с общей возрожденческой тенденцией основные векторы развития авангарда в литературах тюркоязычных народов СССР направляются «назад», к достижениям прошлых эпох, введенных в стагнацию советской идеологией [7]. Например, для татарской литературы ситуация 1960-х годов представляет собой процесс возвращения к национальным традициям, к продолжению модернистских экспериментов начала XX века [9, с. 383]. Таким образом, с одной стороны, поиск новых путей развития приводит к смене концепции личности во всех литературах народов СССР. Идеал авангарда – свободный, сильный духом человек, противопоставляемый массе (столь восхваляемой соцреализмом), оборачивается «несоветскостью» [11, с. 8] авангардного текста. С другой, «период оттепели» становится достаточно сильным стимулом для «возвращения» к национальным истокам и традициям классической литературы досоветского периода, формирования новых методов и приемов, позволяющих воссоздавать национальные характеры, этнические особенности бытия в мельчайших подробностях, поднимать вопросы, касающиеся судьбы нации, – возможных угроз ее нивелирования и даже исчезновения. Этим и воспользовались тюркоязычные литературы.

Однако необходимо особо подчеркнуть, что процесс «возвращения» к национальным истокам начался в некоторых тюркоязычных литературах еще до наступления «оттепели». К примеру, в татарской литературе сюжетно-композиционное построение рассказов военной поры А. Еники, полностью подчиненное задачам психологического анализа, возвращает в татарскую литературу сложный, психологически и философски насыщенный стиль татарских писателей начала XX века [8]. В этом плане творчество татарского прозаика типологически созвучно с творчеством Чингиза Айтматова,

произведения которого отличаются особым драматизмом, сложной проблематикой, неоднозначностью решения проблем на уровне психологии человека. Повествование, формально построенное от третьего лица и вбирающее в себя речевую перспективу героя, его исповедь и память, выражается в форме несобственно-прямой речи, переходит во внутренний монолог – «поток сознания».

Будучи одним из критериев модернистского искусства, «поток сознания – концепция изображения реальности и душевной жизни персонажа, получивший широкое распространение в англоязычной модернистской литературе первых десятилетий XX века, в некоторых тюркоязычных литературах сформировался в начале XX века и был обусловлен активизацией интереса к внутренней жизни человека, миру его мыслей и чувств, сознательным и подсознательным процессам. Как форма или прием психологизма, «поток сознания» «исчерпывает содержание произведения, представляя собой фиксацию самых разнородных впечатлений и импульсов» [10]. В отличие от классической литературы, изображающей картину действительности, обращение к «потoku сознания» позволяет раскрывать внутренний мир (мысли, ощущения, переживания, воспоминания и т.д.) в их естественном движении.

Появление в тюркоязычных литературах 1960-1980-х годов нового типа художественных текстов, создаваемых как «поток сознания» главного персонажа от третьего лица, свидетельствует об установлении диалога с национальной художественной традицией начала XX века. На это указывают и интертекстуальность, явное и скрытое цитирование на уровне мотивов, тем, идей, и возрождение приемов и средств, активно использовавшихся в художественном процессе того периода. Отрицать влияние мировой культуры, таких произведений, как роман Д. Джойса «Улисс» (1922), В. Вулф «Миссис Деллоуэй» (1925), У. Фолкнера «Шум и ярость» (1914) и др., основанных на внутреннем монологе героя, также было бы неправильным.

Вместе с тем, в художественном авангарде в тюркоязычных литературах, в творчестве отдельных его представителей, «поток человеческого сознания»

переживает качественный скачок, принимая облик «потока сознания зверя», который охватывает не только ментально-психологическое, но и мифологическое сознание и подсознание этноса. Это явление мы хотим проследить на примере творчества Чингиза Айтматова (1928-2008) и татарского поэта и писателя Ахсана Баянова (1927-2013). О том, что такой прием и тип повествования проявился в их творчестве не случайно, говорят и публицистические заметки обоих писателей, и поэтические мотивы и искания А. Баянова в лирических и лиро-эпических произведениях.

Общеизвестно, что Ч. Айтматов рассматривает восточную мудрость, философию, художественную и эстетическую мысль прошлых столетий как благодатный источник вдохновения и как пищу для своего творчества. Уже с первых повестей, принесших писателю известность, изображение жизни, прошлого киргизского народа сопровождается использованием вставных мотивных фольклорных комплексов, архетипических образов. Так, присутствие в повести «Прощай, Гульсары!» (1966) древнего киргизского плача «Карагул ботом», легенды об охотнике Коджожаше, а в «Белом пароходе» (1970) – легенды о ветре Сан-Таш, сказки о мальчике Чыплак, предания о Рогатой матери олене – указывают на стремление писателя привнести в тексты особую этническую эмоционально-смысловую нагрузку. «Проблема «культурного» и «природного» в человеке, спор и столкновение оппозиционных понятий «природа и цивилизация» в обществе – вот основное ядро авторского замысла в зрелых произведениях автора. Миф как «сгусток мудрости» древних, как поколениями проверенный опыт для Айтматова становится инструментом моделирования художественной картины мира, средством проникновения в глубины общественного разума» [12, с. 11].

Использование вставных мотивных фольклорных комплексов прослеживается и в первых повестях, поэмах («Букет-минарет» («Букет-манара», 1961); «Описание путешествия» («Сәяхәтнамә», 1969); «Памятник» («Һәйкәл» (1967–1970); «Золотая шапка» («Алтын кашбау» (1980–1986) и др.) А. Баянова, что было неоднозначно воспринято татарским литературоведением.

Отвечая на критику за непохожесть стиля, стремление связать эту технику с приемами, взятыми из зарубежных литератур, А. Баянов публикует серию статей, в которых подчеркивает, что по своему писательскому стилю он является преемником татарской литературы: «Да, каждую серьезную литературу, в частности, татарскую советскую прозу, невозможно представить без широкой традиционной эпичности, без повествований о суровой действительности. Ее исторически достигнутый уровень – крепость опорных столбов – доказывается большинством произведений Г. Ибрагимова: имеются в виду широкополотные романы «Молодые сердца», «Глубокие корни», «Наши дни» и рассказы. В то же время бессмысленно отрицать наличие в этих произведениях лирического начала. И тонкие душевные колебания добавляют в спокойное повествование-течение этих произведений ощутимую душевную силу» [3, с. 251-252].

В конце 1960-х годов писатель предлагает вниманию читателя несколько своих повестей, главной особенностью которых выступает изображение действительности через человеческие переживания. Если в повести «Ищу свою юность» («Яшьлегемне эзлим», 1966) две любовные истории излагаются в форме внутреннего монолога главного героя Аниса, то в повести «Четыре монолога» («Дүрт монолог», 1968) рождается полифонизм иного качества: четыре монолога – «потока сознания» четырех героев: Аниса, его брата Ильдархана, жены Ильдархана Нэркес, ее любимого Исенбека – сопоставляют позиции разных людей по отношению к одному и тому же событию. В «Повести горной стороны» («Тау ягы повесте», 1972) А. Баянова, лирико-экзистенциальный сюжет обрамляет «событийный» сюжет, посвященный поиску Табриком Тугашевым, воспитанным в приюте, своих родителей. Писатель обогащает его упоминанием коранического мифа о появлении человека из глины, информацией о древнем городе Булгаре, показывает уже позабытые обряды и праздники, свойственные народу привычки как обрядовый праздник, когда юношу приглашают в гости во все дома, а при отъезде задаривают подарками. В заключительной части повести, в «потоке сознания»

героя – при восхвалении «горной стороны! – результата труда «трех архитекторов: Солнца, Воды и Ветра» всплывает образ исчезнувших беркутов, когда-то гнездившихся здесь. Подобные мотивы указывают на то, что в тюркоязычных литературах параллельно шли поиски в одном и том же направлении – в «потоке» воспоминаний и переживаний человека отыскать родовую память и те самые главные ценности, которые присущи этносу.

«Поток сознания зверя» впервые проявляется в романе А. Баянова «Огонь и вода» («Ут һәм су», 1971). В нем изображается образ волка как носителя сознания всего живого на Земле, сознания природы, который в своих мыслях и переживаниях обращается к человеку. Как у волчицы Акбары и волка Ташчайнар в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день» (1980), «поток сознания» волка А. Баянова сконцентрирован на проблеме разрушения гармонии между человеком и природой. В обоих произведениях волк представляется как хранитель духовного богатства, стойкости, традиций и образа жизни народа. «В древние времена в этих лесах обитал медведь. Где он сейчас? Я тоже иду по его следам... Если и я умру, исчезнет и половина твоего мира. Половина – твой дух, твоя душа. Закончатся твои сказки, исчезнет волшебство. Те сказки, которые ты читал с детства, уйдут вместе со мною, с медведем, с лисой и зайцем, и что останется с тобой?» [5, с. 67], – обращается к человеку волк А. Баянова (Перевод наш – Д.З.). Тем самым и в романе Ч. Айтматова, и в романе А. Баянова человеческая память, человеческое сознание соединяется с природным, опасность потери природной памяти равняется потере исторической памяти.

Впервые в советской литературе эти произведения А. Баянова и Ч. Айтматова представляют «голос» животных, «поток сознания зверя» как чистую и первобытную картину мира, как мировоззрение древнего человека – без грязи и жестокости цивилизации, которыми оно обросло позже. Выбор образа волка тоже неслучаен: он – тотемное животное для тюрков. Тюркская легенда находит воплощение в романе Ч. Айтматова в мотиве похищения волчицей ребенка; в обращениях Акбары к покровительнице волков Бюри-Ане

в поисках защиты от жестокости людей. Истребление тотемного животного-первопредка, по замыслу и Ч. Айтматова, и А. Баянова, – это убийство человеческого в человеке, его духовной составляющей. Но если в романе Ч. Айтматова при помощи «потока сознания» человека и животного эта проблематика звучала на философско-мифологической высоте, в романе А. Баянова она имеет социальную направленность, мифологические мотивы и детали-образы становятся проводниками экологического предупреждения.

Такое различие особенно заметно при сравнении «потока сознания зверя» в романе Ч. Айтматова и повести А. Баянова «Голос – природный дар» («Тавыш – табигать бүлэге», 1975-1977). Произведение татарского писателя затрагивает проблему равнодушия, «безголосия» в обществе. Оно имеет сказочно-лирическое начало под названием «Медведь-путешественник», в котором повествование ведется от имени проснувшегося медведя, вышедшего на поиски двух своих медвежат и их матери-медведицы. Путь медведя напоминает путь Акбары: он проходит по новым землям, встречается с людьми, домами. В «потоке сознания» выясняется, что зверь ко всему относится с добротой, а люди его не понимают. Медведь боится людей, люди – медведей, и этот страх приводит к смерти последнего. Основное содержание повести, излагаемое в основном как «поток сознания» убившего медведя молодого ученого Назара Габбасова, еще раз интерпретирует это событие. В этом «потоке» есть многое: и то, что медведь «похож на самого Назара», и то, что страх вынудил его нажать на пусковой крючок, и сомнение по поводу того: «А правильно ли было встречать гостя пулей», и бытующее в этих краях мнение, что медведь «пришел из сказки», и то, что Назар сравнил себя с палачом.

Назар – не убийца и не трус. Писатель воссоздает особую ситуацию, раскрывая непростые переживания человека – друга природы, посвятившего всю свою жизнь охране природы, но по воле случая стреляющего в медведя. В день встречи с медведем Назар вышел на охоту на кабана, поскольку должен был сделать его чучело для Государственного музея. Это свое занятие мужчина

оценивает так: «Эти звери и птицы кажутся Назару родными и вечными друзьями. Они и сами, признавая Назара, смотрят на него по-человечески тепло – словно благодарят его за подаренную им вечную жизнь. Вскоре рядом с ними будет стоять и кабан, и он своими маленькими красными глазками будет излучать своему повелителю чувство благодарности. Конечно, сначала, при первой встрече, бестолковый кабан, не понимая своего будущего счастья, постарается убежать. Но... Но, Назар еще никогда не упускал животного, которого поставил целью раздобыть» [2, с. 7] (Перевод наш – Д.З.). Таким образом, писатель не выстраивает готовые клише «плохо-хорошо», он заставляет задуматься о ментальности, инстинктах человека, которые были заложены еще в древние времена, о его отношениях с природой, о том, что в этих отношениях претерпело изменения под тяжестью социально-политических догм.

Параллельное использование Ч. Айтматовым «потока сознания» человека и зверя в последнем его романе – «Когда падают горы (Вечная невеста)» (2006) рождает ощущение встречи с абсолютно новой картиной мира и новым типом художественного текста. В нем параллельно развиваются две сюжетные линии: первая связана с киргизским журналистом и сценаристом Арсеном Саманчиным; вторая – история снежного барса Жаабарса; в конце романа они трагически сходятся, и эта встреча оборачивается смертью обоих персонажей. «Поток сознания» обитающего «высоко в горах, в диких скалистых ущельях, поросших густыми арчевниками и покрытых по склонам, залеживающимся по полгода тeneвыми снегами» [1, с. 14], потому и названного снежным, барса раскрывает перед читателем красоту бытия барса. Ч. Айтматов подчеркивает, что снежные барсы являются обитателями «высотного мира», для которых главным является незыблемость этих гор, необходимость продолжения рода, жизни в гармонии с природой: «Шли дни, горы стояли на своих местах, как всегда, сияя вершинами, навечно закованными в снега и льды, менялась погода, миновали зимы и лета, и все так же пребывал в своем одиночестве, внешне не меняясь, тигроподобный пятнистый царь высокогорья Жаабарс» [1, с. 56].

Мысль о том, что основа бытия – в следовании традициям, прослеживается и усиливается при помощи второй легенды – легенды о Вечной невесте.

«Падение гор» – исторические катаклизмы приводят не только к гибели Жаабарса и Арсена, они уничтожают традиции. Предупреждающий об этом писатель рассказывает, о каких же этнических и общечеловеческих традициях идет речь, обеспечивая диалог с культурой тюркских народов.

«Судьба животных у Ч. Айтматова неразрывно связана с судьбой человека и, в символическом плане, с судьбой человечества. Близость человека и животного, мотивы их родственной связи зафиксированы в мифологии тюркских народов. Доминирующий пафос произведений Айтматова: человеку необходимо воспринимать себя как часть природы и стремиться к гармонии с ней. Животные в художественном мире Айтматова очеловечены, наделены психологическими качествами, и каждый из них обладает своей индивидуальной судьбой. Как отметил Г. Гачев, органическая связь человека и природы выражена через сближение тюркского эпического батыра и его коня с образом кентавра (Гульсары и Танабай, Каранар и Эдигей), когда мотив коня и всадника перетекает в мотив слияния человека и животного» [12, с. 7]. Это слияние преподносится как одна из незыблемых традиций тюркских народов.

Тот же мотив слияния человека и коня проявляется в повести А. Баянова «Между двумя летами» («Жэй белэн жэй арасы», 1991). По мнению писателя, одним из разрушительных последствий революционных катаклизмов стало то, что крестьянин остался безлошадным: «...для Ильяса (а может не только для него одного) однажды солнце стало светить значительно слабее, надо сказать, вдвое слабее. И это не преувеличение, тогда одно крыло Ильяса, действительно, сломалось. В один из дней, они вместе с мамой, взяв двух лошадей за поводья, своими руками привели на общий деревенский двор...» [4, с. 18]. Человеческая жизнь воссоздается параллельно с историей страны в XX веке. Утрата в условной модели собственности и чувства национальной идентичности (коня), красоты и любви равноценно тому, чтобы лишить человека, стремящегося к высокому, чистому, светлому, крыльев.

Итак, в творчестве Ч. Айтматова и А. Баянова мы наблюдаем параллелизм в представлении «потока сознания зверя» для раскрытия проблемы сохранения человеческого в человеке, тесно связанной с проблемой связи с традициями, историческими корнями, со своим родом, этносом. «Поток сознания зверя» в едином комплексе с древнетюркскими мифами, легендами, с одной стороны, позволяет воссоздавать в художественных текстах этническую историю и картину мира. С другой – для обоих миф служит развернутой метафорой, позволяющей изображать современную жизнь и человека: в результате «поток сознания» зверя и человека воспринимается как хронотоп прошлого и сегодняшнего. «Мифологическое начало в творчестве Айтматова – это закономерный и органичный этап осмысления человеком своей судьбы и своего места в истории через призму векового опыта, заложенного в мифах, как «сгустках» человеческой мудрости [12, с. 11]. У А. Баянова же социальная демифологизация направлена на осмысление великих потерь: человеком, страной, народом. Полифонизм, проявляющийся, в том числе и в слиянии «голоса» человеческого и животного, у обоих писателей формирует ощущение присутствия картины тюркского мировидения и мироустройства параллельно с общечеловеческими законами.

Список литературы

1. *Айтматов Ч.Т.* Когда падают горы (Вечная невеста): роман, повесть, новелла. СПб: Азбука-классика, 2007. 480 с.
2. *Баянов Ә.* Аязучан болытлы хава: повестьлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. 312 б.
3. *Баянов Ә.* Заман сурәтләре: Лирик язмалар, мәкаләләр, очерклар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1985. 271 б.
4. *Баянов Ә.* Урланган ай: повестьлар. Казан: Татар. кит. нәшр. 1997. 351 б.
5. *Баянов Ә.* Ут һәм су: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1973. 263 б.
6. *Васильев И.Е.* Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 320 с.

7. *Загидуллина Д.Ф.* Авангард в татарской литературе 1960-1980 гг.: причины возникновения и национальные особенности // Филология и культура. 2014. № 1 (36). С. 126-130.

8. *Загидуллина Д.Ф.* Авангардные явления в тюркоязычных литературах в середине XX века: Амирхан Еники и Чингиз Айтматов // Возрождение национальных литератур во второй половине XX века и Чингиз Айтматов: международная научно-практическая конференция, 12 декабря 2018 г., сб. материалов. Казань: ИЯЛИ, 2018. С. 6-15.

9. *Загидуллина Д.Ф.* 1960-1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш мәйданнары һәм авангард эзләнүләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 383 б.

10. *Зверев А.М.* «Поток сознания» // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. Стб. 773.

11. *Кулаков В.* Поэзия как факт. Статьи о стихах. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 400 с.

12. *Мускина М.С.* Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова: Автореф. дисс. ... канд.филол.наук. Томск, 2003. 11 с.

References

1. *Aitmatov Ch.* (2007). When the mountains fall, or the eternal bride. Saint-Petersburg: ABC-Classic. 480 p. (in Russian)

2. *Baiyanov Ah.* (1981). Bad weather: story. Kazan: Tatars.kn. ed. 312 p. (in Tatar)

3. *Baiyanov Ah.* (1985). The faces of time: story. Kazan: Tatars.kn. ed. 271 p. (in Tatar)

4. *Baiyanov Ah.* (1997). The stolen moon: story Kazan: Tatars.kn. ed. 351 p. (in Tatar)

5. *Baiyanov Ah.* (1973). Water and flame: roman Kazan: Tatars.kn. ed. 263 p. (in Tatar)

6. *Vasiliev I.E.* Russian poetic avant-garde of the twentieth century. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 320 p. (in Russian)

7. *Zagidullina D.F.* (2014). Avant-garde in Tatar literature of the 1960-1980's: causes and national characteristics // *Philology and culture*. № 1 (36). Pp. 126-130 (in Russian)

8. *Zagidullina D.F.* (2018). Avant-garde phenomena in Turkic-language literatures in the mid-twentieth century: Amirhan Eniki and Chyngyz Aitmatov // *Renaissance of national literature in the 2nd half of the XX century and Chyngyz Aitmatov international scientific and practical conference*. December 12. Kazan. 6-15 p. (in Russian)

9. *Zagidullina D.F.* (2015). In Tatar literature of the 1960-1980's: avant-garde experimentation. Kazan: Tatars.kn. ed. 383 p. (in Tatar)

10. *Zverev A.M.* (2001). Stream of consciousness // *Literary Encyclopedia of terms and concepts*. Moscow. 773 p. (in Russian)

11. *Kulakov B.* (1999). Poetry as a fact. Articles about poems. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 400 p. (in Russian)

12. *Muskina M.S.* (2003). Folklore and mythological motifs in prose in Ch. Aitmatov. Abstract. diss. ... cand. philol. sciences. Tomsk. 11 p. (in Russ.)

Автор публикации

*Загидуллина Дания Фатиховна –
доктор филологических наук, профессор
Академия наук Республики Татарстан
Казань, Россия
E-mail: zagik63@mail.ru*

Author of the publication

*Zagidullina Daniya Fatikhovna –
Doctor of Philology, Professor
Academy of Sciences of the Republic of
Tatarstan
Kazan, Russia
E-mail: zagik63@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 82.312-1

ПОНЯТИЕ ПОЗНАНИЯ В РОМАНЕ УМБЕРТО ЭКО «ИМЯ РОЗЫ»

А.М. Нигматуллина, И.И. Хафизова

lilijakhafizva@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие познания в романе Умберто Эко «Имя Розы». Проблема познания является одной из древнейших в философии, и именно раздел философии, занимающийся вопросом познания, заложил методологическую базу для всех остальных наук. На сегодняшний день теория познания представляет собой множество различных течений, противоречащих даже в центральном вопросе для познания – вопросе о возможности познания. Таким образом, рассмотрение вопроса познания остается актуальным и в наши дни. В целом на современном этапе развития теории познания выделяют классическую и неоклассическую теории познания. Переход к неоклассической теории познания отмечается с отходом от четырех фундаментальных принципов классической теории познания: критицизм, фундаментализм и нормативизм, наукоцентризм, субъектоцентризм. Умберто Эко – выдающийся ученый, своими исследованиями внесший вклад в развитие лингвистики, культурологии, семиотики, эстетики. В его работах также затрагиваются и вопросы философии. В частности, для исследования философских воззрений автора интерес представляют его романы, одним из самых известных является его роман «Имя Розы». В статье взгляды исследователя на познание раскрываются с точки зрения неоклассической теории познания на основе текста романа «Имя Розы».

Ключевые слова: Умберто Эко, «Имя Розы», теория познания, критицизм, фундаментализм и нормативизм, наукоцентризм, субъектоцентризм.

Для цитирования: Нигматуллина А.М., Хафизова И.И. Понятие познания в романе Умберто Эко «Имя Розы». *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1 (4): 38–47.

THE CONCEPT OF KNOWLEDGE BY UMBERTO ECO IN “THE NAME OF THE ROSE”

A.M. Nigmatullina, I.I. Khafizova,

lilijakhafizva@yandex.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. This article aims to describe the knowledge conception in the novel “The Name of the Rose” by Umberto Eco. The problem of knowledge is one of the oldest in history of philosophy. The branch of philosophy concerned with the issue of knowledge provided methodological base for all other sciences. Nowadays we can describe epistemology as a sum of contradictory currents that do not have unity even in the most basic issue for knowledge, the issue of possibility of knowledge. Thus, nowadays the topic of knowledge is as relevant as it was before. Overall at the present stage of epistemology’s development it can be divided in classical and neoclassical epistemology. Neoclassical epistemology denies criticism, fundamentalism and normativism, science-centrism, subject-centrism that are basic principles of classical epistemology.

Umberto Eco is an outstanding researcher whose works contributed to development of linguistics, culturology, semiotics, aesthetics. His works also concerns the issues of philosophy. Particularly, his novels are important to understand his philosophical ideas and one of his most famous novels is “The Name of the Rose”. In the article Umberto Eco’s ideas on knowledge are considered from the point of neoclassical epistemology on the base of the text of “The Name of the Rose”.

Keywords: Umberto Eco, “The Name of the Rose”, epistemology, criticism, fundamentalism and normativism, science-centrism, subject centrism.

For citation: Nigmatullina A.M., Khafizova I.I. The concept of knowledge by Umberto Eco in “The Name of the Rose”. *Kazan linguistic journal*. 2021; 1 (4): 38–47. (In Russ.)

Понятие познания является одним из центральных вопросов философии как науки. Неслучайно эта проблема выделяется в особый раздел философии – гносеологию. Именно рассмотрение вопросов познания делает философию «наукой всех наук», методологической базой других наук.

На сегодняшний день существует большое количество теорий познаний, которые можно отнести к трем основным течениям: гносеологический оптимизм (Г. Гегель, Л. Фейербах и др.), агностицизм (Д. Юм, И. Кант и др.), скептицизм (Пиррон, Протагор и др.) [1]. Это говорит о том, что до сих пор нет единого взгляда на проблему познания, по-прежнему сталкиваются различные мнения, возникают новые идеи, отражающие новые веяния и открытия в науке. Этим объясняется актуальность выбранной нами темы.

В данной статье будет рассмотрена проблема познания в произведении Умберто Эко «Имя Розы» в свете неоклассической теории познания. Умберто Эко (1932-2016) – итальянский ученый, внесший значительный вклад в развитие семиотики, эстетики, культурологии, а также философии. «Имя Розы» – его первый роман, описывающий события, разворачивающиеся в течение недели в бенедиктинском монастыре на севере Италии. В монастыре кто-то жестоко убивает монахов, главные же герои, францисканец Вильгельм Баскервильский и послушник-бенедиктинец Адсон, приехавшие в монастырь для подготовки встречи теологов папы Иоанна XXII и Людовика IV Баварского, пытаются найти виновного. Несмотря на то, что книга не является научным исследованием в строгом смысле этого слова, скорее это художественная литература, в ней поднимаются вопросы, затрагивающие область истории, философии, культурологии, семиотики. На это указывают и многие

исследователи, выделяя романы Эко в отдельный жанр философского романа: например, Е. Крупенина [3], Ю. Лотман [4], М. Суини [6].

Умберто Эко родился в переходный период: постмодернизм сменял модернизм, неоклассические философские теории сменяли классические. Это отразилось и на развитии идей относительно познания. В классической теории познания фундаментальными являлись следующие принципы: критицизм (обоснование нового знания на основе критики предыдущего), фундаментализм и нормативизм (опора на единый, универсальный фундамент при исследовании, признание существования норм знаний), субъектоцентризм (система опирается на факт существования субъекта и его сознание), наукоцентризм (наука – высшая форма знания) [2, с. 26]. Неоклассицизм изменяет основополагающие принципы классической теории познания: критицизм сменяет посткритицизм (признание необходимости опираться на уже существующие знания), происходит отказ от фундаментализма (изменчивость познавательных норм, отход от нормативности) и субъектоцентризма (субъект перестает быть данностью, перестает отделяться, он включается в реальный мир). Исследователи пытаются объяснить формирование индивидуального сознания, начинает признаваться важность ненаучного познания [2, с. 27]. Смена подходов отразилась и на идеях самого автора.

Как Умберто Эко определяет познание? Рассматривать процесс познания мы будем на примере воззрений Вильгельма Баскервильского, через которого выражает свои идеи сам автор, а также на основе высказываний некоторых других героев данной книги. Почему речь будет идти о постмодернистских концепциях познания, когда в книге описывается средневековье, спор о познании ведут схоласты и Вильгельм Баскервильский, опирающийся на дедуктивный метод? На этот вопрос легко ответить, если рассматривать монастырь и его порядки как аллегорию. Несмотря на довольно подробное и правдивое описание исторических событий того периода, можно найти прямые параллели с настоящим временем. Автор на примере Средневековья затронул аналогичные проблемы современной Европы: диктат определенных

идей, отсутствие свободы, страх - но оказалось, что модель аббатства хорошо раскрывает пороки не только европейского общества. Неслучайно книга долгое время была запрещена к издательству в СССР.

Теперь перейдем непосредственно к освещению проблемы познания в книге. В произведении делается акцент на том, что важен не только результат познания – знания, а важен сам процесс познания, стремление к познанию – это счастье. Вильгельм Баскервильский расследует убийства не для того, чтобы покарать убийцу, не для того, чтобы выполнить поручение аббата, гораздо сильнее его интересует возможность распутать создавшийся клубок: «Никто и никогда не понуждает знать, Адсон. Знать просто следует, вот и все. Даже если рискуешь понять неправильно» [7, с. 593]. Знание ради самого процесса получения знания.

Важным для понимания понятия познания У. Эко является проблема истины, возможности ею владеть, соотношения истины и знания. Вильгельм Баскервильский предстает не искателем единственно возможной истины, а ставящим все под сомнение исследователем. Знания – это не что-то конечное, бесспорное, а то, что изменяется, пополняется со временем и должно служить для будущего прогресса. Поэтому Вильгельм называет Бенция, стремившегося проникнуть в библиотеку только потому, что она была закрыта от простых монахов, сладострастным: «Бенций – это жертва. Жертва сладострастия [...]». Подобно многим другим ученым он сладострастно желает знать. Знание ради знания. [...]. Этого сладострастия нет у Рогира Бэкона. Тот стремился поставить науку на службу народа Божия, ради его счастья» [7, с. 521]. Он выступает антагонистом Хорхе, говорящего, что «знание, в силу своей божественности, полновесно и совершенно полно даже в самых началах, оно полновесно уже в истоке – в божественном Слове, которое высказывается само через себя. Охрана, говорю я, а не разыскание. Ибо знание, в силу своей человечности, целиком определилось и целиком исполнилось смысла уже в те столетия, которые протекли от проповеди пророков до толкований отцов церкви, ему нет продвижения, ему нет смены столетий, знание не нуждается

в прибавлении...» [7, с. 525]. С ненавистью он обращается и к нему: «Ты дьявол. [...]. Тебя обманули. Дьявол – это не победа плоти. Дьявол – это высокомерие духа. Это верование без улыбки. Это истина, никогда не подвергающаяся сомнению» [7, с. 626]. Вера в абсолютную истину, отсутствие сомнений, самоиронии, иронии приводят Хорхе к фанатизму и помешательству.

Знание не должно рождать страх у незнающих, знание не должно охраняться от массы, чтобы поддерживать этот страх: «Однако эта книга могла бы посеять в мире мысль, что освобождение от страха перед дьяволом – наука. [...]. Смех временно отрешает мужика от страха. Однако закон может быть утверждаем только с помощью страха, коего полное титулование – страх Божий» [7, с. 623]. Процесс познания нельзя путать с утверждением истины, они полностью противоположны. Там, где есть диктат чьей-либо «истины», не может быть познания. «Истина» сковывает и ограничивает, она может дать власть, но эта власть основывается на страхе. «Хорхе боялся второй книги Аристотеля потому, что она, вероятно, учила преобразжать любую истину, дабы не становиться рабами собственных убеждений. Должно быть, обязанность всякого, кто любит людей, - учить смеяться над истиной, учить смеяться самой истину, так как единственная твердая истина – что надо освободиться от нездоровой страсти к истине» [7, с. 645-646], - объясняет Вильгельм Адсону свое видение понятия «истина».

Важно также указать, что Умберто Эко представляет библиотеку, вокруг которой и происходит все действие романа, в виде ризоморфного лабиринта, то есть лабиринта, которому нет одного решения, где этого решения вообще не может быть: именно поэтому в конце Вильгельм так и не может получить злополучную книгу, Хорхе уничтожает ее [5]. Да и спор двух противостоящих героев, Вильгельма и Хорхе, заканчивается вничью. Это также подтверждает мысль, что истина недоступна человеческому познанию, мы можем лишь пытаться сопоставить какие-то факты, явления, но даже кажущиеся верными, они должны быть всегда под сомнением.

Исходя из вышеизложенного, хорошо объясняется и та роль, в которой выступает главный герой, Вильгельм. Вильгельм расследует убийство, но он не несет истину и разоблачение виновникам убийств, он всегда опаздывает, даже когда он находит конечную фигуру, стоящую за событиями в монастыре, его замысел уже оказывается претворен в жизнь. Вечно сомневающийся, но стремящийся найти ответ, хотя ответ ускользает от него в последнюю секунду – так можно охарактеризовать основные качества субъекта познания по У. Эко на примере Вильгельма.

У. Эко отходит от субъектоцентризма классической теории познания. Картина преступления, понимание внешнего мира и событий, происходящих в нем, у главного героя неустойчиво, подвержено постоянным изменениям. Интересно, как главный герой пришел к разгадке убийств, происходящих в монастыре. Он нашел убийцу, основываясь на апокалиптической версии (кто-то подстраивает убийства под пророчества Апокалипсиса), но потом сопоставляет эту картину, родившуюся в его сознании с реальностью и говорит: «Я дошел до Хорхе расследуя замысел извращенного и великоумного сознания, а замысла никакого не было, вернее сказать, сам Хорхе не смог соответствовать своему первоначальному замыслу, а потом началась цепь причин побочных, причин прямых, причин противоречивых, которые развивались уже самостоятельно и приводили к появлению связей, не зависящих ни от какого замысла» [7, с. 647]. То есть картина мира в сознании героя дополняется реальностью, изменяется, происходит отказ от субъектоцентризма.

Объектом познания по У. Эко всегда является лишь искусственная форма. Человек может познать лишь то, что создал сам, либо его сознание. «Чтобы существовало отражение мира, мир должен иметь форму» [7, с. 155], - говорит Вильгельм. Отражение мира – это знание, отображенное, в частности, в книгах. Мы не можем иметь истинного знания о мире, потому что не мы придали ему форму, но мы можем постепенно от отдельных идей идти к пониманию самих предметов: «...истинная наука не должна удовлетворяться идеями, которые

только знаки, но обязана заниматься вещами в их собственной единичной подлинности» [7, с. 415].

Понимание первопричины, то есть самого предмета, стоящего за той или иной идеей, сопоставление одного предмета с другим ведет к пониманию отдельных причинно-следственных связей: «Может быть, причина в том, что когда я как философ начинаю сомневаться, имеется ли в мире порядок, я очень радуюсь возможности доказать самому себе, что если не порядок, то хотя бы какая-то последовательность сцепления причин и следствий действительно осуществляется в мире...» [7, с. 519]. Тем не менее это не приводит нас к созданию определенной, единственно-верной системы:

«Но я отыскал Гнедка», - ответил Вильгельм.

«Значит, в мире есть система!» - объявил я, ликуя.

«Значит, есть немножко системы в этой бедной голове», - ответил Вильгельм» [7, с. 269].

Такой системы не может быть, все нужно ставить под сомнение. Это связано прежде всего с отходом автора от фундаментализма и нормативизма науки. Приведем еще одну цитату, подтверждающую это утверждение: «Тут мне вдруг стало совершенно ясно, какой способ рассуждения использует учитель, и я поразился, до чего невыгодно отличается этот способ от предложенного философом – то есть суждения на основании первопринципов, так чтобы разум рассуждающего почти что воспроизводил ход божественного разума. Я понял, что, когда у него нет ответа, Вильгельм придумывает их много и все между собой противоречат. Я был подавлен. «И я поймал себя на мысли: Хорошо хоть инквизиция вовремя подоспела!». Ибо мной овладела жажда истины» [7, с. 400]. Для Вильгельма нет норм и стандартов, почему та или иная версия должна быть более истинной, для него все варианты равны, и он рассматривает их все, чтобы найти ответ.

Вильгельм не отрицает идей своих оппонентов: они используют одни и те же источники для подтверждения своих идей. Даже когда речь идет о ересь, он находит здравую мысль в ереси вальденсов, он отличает их от катар, хотя все

остальные смешивают ереси в одну и видят в них только угрозу. Это дает возможность говорить о том, что Вильгельм основывает свои воззрения не на критике предшественников, а на анализе их идей, что является признаком пост-критицизма. Также мы можем найти примеры, иллюстрирующие отказ от наукоцентризма в данном произведении. Вильгельм для получения своих знаний опирается не только на научный опыт: Вильгельма к разрешению загадки подталкивает сон Адсона, основывающийся на пережитых им впечатлениях. Таким, образом, мы подтвердили еще две концепции постмодернизма.

Многие авторы пытаются отнести воззрения Умберто Эко к какому-то конкретному направлению: Клаудио Паолуччи со многими оговорками относит его воззрения к прагматизму [8], Крупенина Елена говорит, что его работы можно характеризовать в рамках неопрагматизма или постструктурализма [3, с. 7]. На наш взгляд, из-за широты интересов исследователя, его идеи трудно поддаются классификации. Тем не менее можно сказать, что Умберто Эко является ярким представителем постмодернистской мысли в своих взглядах на познание: он отказывается от системности знания, не претендует на истину, но все же опирается на отдельные факты и логику, помогающую увязать их, тем самым опираясь на четыре основных концепции постмодернистской теории познания.

Литература

1. *Бранская Е.В.* Философия. // URL: <https://studme.org/180113/filosofiya/filosofiya> (Дата обращения: 05.10.20).
2. *Быданов В.Е.* Неоклассическая эпистемология и теоретико-познавательные парадигмы XX века // Научно-технический вестник информационных технологий, механики, оптики. Спб.: Издательство ИТМО, 2001. Т. 1. №2. С. 24–29.
3. *Крупенина Е.В.* Философская проблематика в романах Умберто Эко. М., 2005.
4. *Лотман Ю.М.* Выход из лабиринта. // URL: <http://www.philology.ru/literature3/lotman-98.htm> (Дата обращения: 05.10.20).

5. *Сабаш Ю.С., Барма О.А.* Библиотека как ризоморфный лабиринт человеческого познания и догадки (на примере романа У. Эко «Имя Розы») // Вестник Мариупольского государственного университета. Мариуполь: Мариупольский государственный университет, 2012. №4. С. 76-80.

6. Суини М. Лекции по средневековой философии. // URL: <http://yakov.works/history/13/suini/page24.htm> (Дата обращения: 05.10.20).

7. Эко У. Имя Розы. М.: АСТ, 2016.

8. *Paolucci K.* Three Pragmatist Legacies in the Thoughts of Umberto Eco // European Journal of Pragmatism and American Philosophy. 2018. Vol. 10. P. 1–11.

References

1. *Branskaya E.V.* (2018) *Philosophy.* URL: <https://studme.org/180113/filosofiya/filosofiya> (Accessed: 05.10.20). (In Russian)

2. *Bydanov V.E.* Neoclassical Epistemology and XX Century's Theoretical and Cognitive Paradigms // Nauchno-tehnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki, optiki. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo ITMO, 2001. T. 1. №2. P. 24-29.

3. *Krupenina E.V.* (2005). *Phylosophical Problematic in Novels by Umberto Eco.* Moscow. (In Russian)

4. *Lotman Yu.M.* Exit the Labyrinth. // URL: <http://www.philology.ru/literature3/lotman-98.htm> (Accessed: 05.10.20). (In Russian)

5. *Sabadash Yu.S., Barma O.A.* (2012). The Library as Rhizomorphic labyrinth of Human Knowledge and Conjecture (on the Example of «The Name of the Rose» by Umberto Eco) // Vestnik Mariupol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Mariupol': Mariupol'skii gosudarstvennyi universitet. №4. P. 76-80.

6. *Suini M.* Lectures on Medieval Philosophy. <http://yakov.works/history/13/suini/page24.htm> (Accessed: 05.10.20). (In Russian)

7. *Eco U.* (2016). The name of the Rose. Moscow, AST.

8. *Paolucci K.* (2018). Three Pragmatist Legacies in the Thoughts of Umberto Eco // European Journal of Pragmatism and American Philosophy. Vol. 10. P. 1–11. (In English)

Авторы публикации

Нигматуллина Алсу Мансуровна –
 кандидат филологических наук, доцент
 Казанский (Приволжский) федеральный
 университет
 Казань, Россия
 E-mail: alsunigmatullina@mail.ru

Authors of the publication

Nigmatullina Alsu Mansurovna –
 PhD in Philology, Associate Professor
 Kazan Federal University
 Kazan, Russia
 E-mail: alsunigmatullina@mail.ru

Хафизова Ильсеяр Ильгамовна –
 магистрант
 Казанский (Приволжский) федеральный
 университет
 Казань, Россия
 E-mail: lilijakhafizva@yandex.ru

Khafizova Ilseyar Ilgamovna – master-student
 Kazan Federal University
 Kazan, Russia
 E-mail: lilijakhafizva@yandex.ru

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'33

«ГИПЕРПАЛИМПСЕСТ» ПЕРЕВОДА: МНОЖЕСТВЕННОСТЬ «СИЛЬНОГО» ДЕТЕКТИВНОГО ТЕКСТА

В.А. Разумовская

veronica_raz@hotmail.com

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Аннотация. Статья посвящена неокатегориям художественного перевода – неисчерпаемости оригинала и переводной множественности. Материалом анализа стали центры переводной аттракции, формируемые оригиналами «сильных» детективов А. Кристи – известного англоязычного автора детективов. Понимание перевода в широком смысле позволило включить в рассматриваемые центры вторичные тексты различной семиотической природы. Выдвигается гипотеза, что «сильный» художественный оригинал и его вторичные версии образуют сложный синкретический политекст («гиперпалимпсест»), имеющий гетерогенную семиотическую природу и представляющий собой уникальный семиотический объект. Сосуществование семиотических версий «сильного» текста в одном и более культурных пространствах обеспечивает возможность восприятия политекста в различных модальностях, реализуемое через один или несколько информационных каналов. Некоторые вторичные тексты обладают популярностью и «силой», которая может быть равной или превосходить «силу» оригинала, что отражается в проблематике определения первичности и первенства объекта культуры. Регулярная вторичность оригинала обеспечивает его культурную сохраняемость и продлевает жизнь «сильного» текста национальной литературы в мировом литературном и культурном наследии. Особое внимание уделяется художественному образу как единице перевода, относительно которой принимается решение на перевод.

Ключевые слова: «сильный» текст, перевод, неисчерпаемость оригинала, переводимость, переведённость, художественный образ, центр переводной аттракции.

Для цитирования: Разумовская В.А. «Гиперпалимпсест» перевода: множественность «сильного» детективного текста. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1 (4): 48–62.

TRANSLATION “HYPER-PALIMPSEST”: MULTIPLICITY OF A “STRONG” DETECTIVE TEXT

V.A. Razumovskaya

veronica_raz@hotmail.com

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the neocategories of literary translation – inexhaustibility of an original text and translation multiplicity. The centers of translation attraction formed by the “strong” original detectives of A. Christie – the famous English-language detective author, served as the material of the analysis. Understanding the translation in a broad sense made it possible to include secondary texts of different semiotic nature in the centers under consideration. The hypothesis is put forward that a “strong” literary original and its secondary versions form a complex syncretic polytext (“hyper-palimpsest”), which has a heterogeneous semiotic nature and represents

a unique semiotic object. The coexistence of semiotic versions of a “strong” text in one or more cultural spaces provides the possibility of polytext perception in different modalities implemented through one or more information channels. Some secondary texts have popularity and “strength” equal to or superior to the “strength” of their original text, which is reflected in the problematic issues of primacy and superiority clarification of a culture object. The regular secondary nature of an original text ensures its cultural preservation and prolongs the life of a “strong” text of national literature in the world literary and cultural heritage. Special attention is paid to the artistic image as a unit of translation, with respect to which the decision to translate is made.

Keywords: “strong” text. translation, original inexhaustibility, translatability, translatedness, artistic image, center of translation attraction.

For citation: Razumovskaya V.A. Translation “Hyper-palimpsest”: multiplicity of a “strong” detective text. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 1 (4): 48–62. (In Russ.)

В «жизни» каждого художественного текста представлены традиционные этапы: замысел, создание, публикация, существование в форме оригинала, переход во вторичную/ые форму/ы и бытование в формах вторичных текстов различной семиотической природы. Очевидно, что продолжительность и успех «жизни» оригинала не зависит исключительно от его эстетической ценности, обусловленной культурными, языковыми и литературными свойствами, а также от образов героев, тематики, сюжета, известности автора, обстоятельств издания (тираж, время и место издания), но и от всего сложного и широкого контекста существования текста в оригинальной и вторичных формах.

Оригинальное литературное произведение является сложным системно-структурным образованием, которое открыто к подражанию и обладает способностью к продолжению (дублированию, интерпретации, адаптации, даже фрактальному повторению) в «своей» и «чужих» культурах. Повторяемость и продолжаемость оригинала и всех возможных вторичных семиотических форм находятся в отношении комплементарности, а оригинал и его межъязыковые переводы – в отношении вариативности (прежде всего, языковой). Появления у художественного текста вторичных версий обеспечивает его сохранение в культурах оригинала и перевода, продлевает его жизнь, что особенно очевидно для «сильных» текстов литературы. К основным параметрам таких «сильных» текстов исследователи единодушно относят: их широкую известность среди представителей «своей» (в ряде случаев, мировой) культуры; высокую эстетическую ценность, которая позволяет

«сильным» текстам вступать в информационный резонанс со своими читателями и с другими «сильными» текстами; включение в программы различных уровней образования [5]. В контексте рассматриваемой проблематики к важнейшим свойствам «сильного» текста, бесспорно, относится способность к реинтерпретативности различными семиотическими системами [15], [16]. Указанная способность обеспечивает генерирование вторичных текстов, потенциальную вторичность оригинала, которая основана на его ингерентной информационной неоднозначности, обеспечивающей в дальнейшем важное информационное свойство неисчерпаемости художественного оригинала [6], [7]. Именно неисчерпаемость оригинала предполагает появление многочисленных (гипотетически бесконечных) вторичных версий. Интерпретаторами информации текста могут выступать его читатели, переводчики («сверхчитатели» по Г. Гадамеру) и все, кто ставит целью создание версии оригинала, определяемой в соответствии с любым яacobsonianским видом перевода [11].

Тексты художественной литературы и, прежде всего, тексты, являющиеся культурным достоянием отдельного народа, нации или всего человечества («сильные» тексты литературы и культуры) представлены в узлах «своих» культурных решеток [9] и обеспечивают жёсткость таких решеток. В силу своей культурной значимости и известности «сильные» тексты всегда будут оставаться «зоной риска» для переводчиков. Риск и связанные с ним трудности выбора наиболее эффективных стратегий и тактик перевода делают такие тексты притягательными для переводчиков. Исследователи явлений переводческой множественности и неисчерпаемости оригинала писали о таких текстах следующее: «с появлением оригинала возникает некое силовое поле, энергия которого может привести к появлению перевода» [7, с. 186]. В данном случае «сильный» оригинал выступает в роли аттрактора перевода, а все реально существующие и вероятные (гипотетически возможные) переводы конкретного литературного текста формируют поле переводимости данного аттрактора. Организацию поля можно описать через универсальные понятия

центра и периферии и позволяет определить совокупность оригинала и его переводов как центр переводной аттракции [18]. Ядром такого центра служит художественный оригинал, выступающий объектом перевода, а центральная часть представлена успешными (активными) вторичными текстами. В свою очередь, на периферии центра локализуются переводы, которые не получили признание читателей, пассивные (неопубликованные или гипотетически вероятные) версии, а также неполнотекстовые версии, и переводы, вышедшие из употребления по причине низкого качества или устаревания.

В каждой национальной культуре и литературе представлены «сильные» художественные произведения, которые регулярно интерпретируются, обладая всеми свойствами перечисленных выше текстов-аттракторов. Важно отметить, что по причине отсутствия надежных баз данных по различным видам перевода трудно найти точную информацию о версиях каждого «сильного» текста. Определенные выводы о степени межъязыковой переведенности «сильных» художественных текстов можно сделать на основе базы данных переводов, формируемой ЮНЕСКО с 1932 года (тогда Институт по интеллектуальному сотрудничеству Лиги Наций) [10]. Указанная база известна как единственный международный библиографический справочник по переводу (межъязыковому по Р. Якобсону) и включает около 2.000.000 указаний и более 250.000 авторов. В соответствии с Index Translationum лидирующую позицию в списке самых переводимых авторов занимает А. Кристи (7236 записи). Книги британской писательницы относятся к разряду и наиболее публикуемых (вслед за Библией и текстами У. Шекспира). Так, британский переводческий сайт Tomedes сообщает, что произведения А. Кристи переведены на 103 языка мира, а общий проданный тираж с момента первой публикации автора превысил два миллиарда копий [20].

Канон произведений А. Кристи включает более шестидесяти детективных романов и сборников рассказов, около тридцати пьес, ряд автобиографий и психологических романов, опубликованных под именем Мэри Уэстмакотт [19]. Бесспорно, что мировую известность автору принесли

детективы, среди которых центральное место занимают два основных цикла: о Эрколе Пуаро и Мисс Марпл. В 2020 году исполнилось сто лет с выхода в свет первого романа Кристи («The Mysterious Affair at Styles»), на страницах которого читатели впервые познакомились с образом детектива Пуаро. «Пуариада» составляет более половины детективного наследия писательницы и включает романы, которые считаются не только её лучшими произведениями, но и входят в сокровищницу детективных произведений мировой литературы. В 2019 году на сайте российской издательской компании ЭКСМО представлен список детективных историй обязательных к прочтению [4], включающий роман Кристи 1932 года «Peril at End House». Американский сайт Book Riot вносит А. Кристи в свой список десяти лучших авторов, писавших в детективном жанре, и рекомендует роман из «Пуариады» «Murder on the Orient Express», написанный в 1933 году и опубликованный годом позже [14].

В данной работе ограничимся информацией указанных сайтов, отметив при этом, что большинство рейтингов, составляемых издательскими домами и известными периодическими изданиями мира, демонстрируют единодушие в определении лучших романов из цикла о Эрколе Пуаро. Еще одним широко известным произведением, включенным в указанные списки, а также регулярно входящим в рейтинги самых известных книг всех времен и народов стал детективный роман-триллер «Десять негритят» 1939 года, впервые опубликованный под названием «Ten Little Niggers» и часто издаваемый в дальнейшем с другими версиями названия по причинам политкорректности («And Then There Were None», «Ten Little Indians»). В ряде иноязычных переводов (например, испанском, голландском, румынском, русском, сербском, болгарском, греческом) оригинальное название романа сохранено. Считаясь признанной вершиной детективного жанра, произведение при этом является «романом без героя-детектива» (полицейский инспектор Мейн появляется только в эпилоге) и не относится к двум указанным циклам. Автор считала «Негритят» своим лучшим произведением, но также и самым трудным в создании. Масштабные продажи оригинала и переводов обеспечили роману

четвертое место среди самых продаваемых книг всех времен и народов, а также почетный статус самого продаваемого криминального произведения. Роман входит в британский («The Top 100 Crime Novels of All Time») и американский («The Top 100 Mystery Novels of All Time») рейтинги лучших детективных произведений.

Как «сильный» текст англофонной культуры оригинал в течение своей долгой «жизни» остается сверхпопулярным объектом различных видов перевода и образует обширный центр переводной аттракции. Роман переведен на многие языки мира. Первые иноязычные версии появились сразу после публикации оригинала, что находит подтверждение в исследованиях ученых из Королевского университета Белфаста (The International Crime Fiction Research Group): первый финский перевод романа стал доступен читателям уже в 1940 году [8]. В статье, посвященной «судьбе» детектива в португалоязычной культуре, В. Лопес и Л. Ханес приводят данные о переводе текста Кристи на 44 иностранных языка [13]. В ряде случаев переводы были выполнены не с текста английского оригинала, а с других переводов. Например, узбекский перевод Х. Тешабаева 2016 года осуществлен с русского перевода [2]. «Сила» текста и связанное с этим свойством литературного произведения желание и стремление издателей, переводчиков, литературных критиков и критиков перевода, читателей получить «хорошую» иноязычную версию обусловили появление в рамках одной культуры его нескольких переводных версий. Так, роман неоднократно переводился на русский язык: Н. Уманец и С. Николаенко (1987), В. Селина (1992), А. Креснин (1992), В. Тирдатов (2002), Н. Екимов (2015). Наиболее известным и переиздаваемым на настоящий момент русским переводом стал вариант Л. Беспаловой (1989).

Интересным примером внутриязыкового (точнее, «межжанрового») перевода является адаптация романа в форме пьесы, выполненная самой А. Кристи для театральной постановки. В 1943 году автор создает для своего романа пьесу, которая с успехом шла несколько лет на сценах Великобритании и США под названием «And Then There Were None» (первый вариант названия

пьесы совпадал с оригиналом). Драматургическая авторская версия имела концовку, которая имела значительные отличия от концовки романа. Образы героев романа и пьесы также не имели полного совпадения. Интересно, что в 2005 году в Лондоне (Gielgud Theatre) была возобновлена постановка пьесы, для которой драматург К. Элиот и режиссер С. Пимлотт приняли решение вернуться к оригинальной развязке книги 1939 года.

Детективный роман неоднократно экранизировался, что стало случаями уже межсемиотического вида перевода. Автором первой киноверсии стал французский режиссер Р. Клером. Его фильм вышел на экраны в 1945 году в США и носил политкорректное название «And Then There Were None». Действие было перенесено с острова в австрийский горный курорт. И хотя данный фильм анонсировался как экранизация романа, но в соответствии с названием и измененной развязкой данный фильм в большей степени стал адаптацией пьесы 1943 года. Интересно, что на родине автора романа фильм назывался «Ten Little Indians». Последующие экранизации (1965, 1974 и 1989 годов) также в большей мере были основаны на пьесе, а не на оригинальном романе. Киноверсия Дж. Поллока (режиссер впервые воплотил в кинообраз мисс Джейн Марпл в 1961 году) 1965 года вышла под названием «Ten Little Indians», но действие было перенесено в заснеженные горы. Фильм, снятый интернациональной командой кинематографистов (Германия, Италия, Франция, Великобритания, Испания) в 1974 году, также имел отличия от оригинального романа в плане персонажей и вышел на киноэкраны европейских стран под следующими названиями «Ein Unbekannter rechnet ab / And Then There Were None / Ten Little Indians». Британская киноверсия 1989 года («Ten Little Indians») стала четвертым англоязычным фильмом, который был основан на сюжете Кристи (опять в большей степени на театральной версии), но его действие было перенесено на сафари в Африку. Считается, что наиболее близкой к оригинальному роману экранизацией стал российский двухсерийный фильм 1987 года С. Говорухина. В фильме сохранено название оригинала «Десять негритят», а также концовка и система персонажей романа

1939 года. Оригинальная концовка используется и в сериале BBC «And Then There Were None» (2015). В 2020 году состоялась премьера французского мини-сериала с английскими субтитрами режиссера П. Ложье «Ils étaient dix / They Were Ten». Указанные киноадаптации обнаруживают очевидную вариативность в сюжете и системе персонажей (включая их имена) и в определенном смысле могут быть определены не только как интерпретация и адаптация оригинального романа, но и созданных ранее (прецедентных) кинотекстов.

Особую страницу в «жизни» романа Кристи представляют его индийские киноадаптации. В 1965 году в Болливуде снимается фильм «Gumnaam / Unknown or Anonymous»), а другой индийской адаптацией стал фильм 1970 года «Nadu Iravil / In The Middle Of The Night», вышедший на тамильском языке. Очередная тамильская версия была снята в 2011 году и вышла на экраны под названием «Aduthathu / Next». Вслед за фильмом 2011 года на индийские экраны вышел фильм «Aatagara / Player», снятый на языке каннада. Свободной интерпретацией сюжета Кристи стал фильм 2004 года «Mindhunters», в котором действие происходит на небольшом американском острове, а героями оказываются будущие профайлеры ФБР. Известно несколько кинотекстов, с помощью которых адаптирован не оригинал, а его иноязычные переводы, что стало уже третичными версиями романа А. Кристи.

К межсемиотическим переводам оригинала романа также относятся радио- и телепостановки, мультфильмы, видеоигры, комиксы. Роман неоднократно становился объектом пародирования: ироническая пародия-кроссовер С. Ульева «Шерлок Холмс и десять негритят»; юмористический роман-пародия-детектив С. Ульева / Дж. Кента «Шерлок Холмс и все-все-все»; роман А. Смирнова «Центр Роста»; серия из американского телесериала «Приключения Бриско Каунти-младшего»; клип «Десятьдохлых енотов» в российском мультсериале «Масяня» режиссера О. Куваева.

Обратимся к еще одному центру переводной аттракции, характерному для творческого наследия королевы детективов. Ядром стал роман «Murder on the Orient Express», сюжет которого также «герметичен» - действие

происходит в закрытом пространстве (если в рассмотренном ранее тексте был остров, то теперь – остановившийся в снегах поезд). Основанный на реальных событиях детектив очень быстро приобрел и продолжает сохранять популярность. Он включен в список, составленный Ассоциацией детективных писателей США («The Top 100 Mystery Novels of All Time») в 1995 году. Роман традиционно входит во многие общие и специализированные рейтинги (по жанрам) наиболее популярных книг в мире. Как и другие лучшие детективы Кристи роман уже переведен на десятки иностранных языков и продолжает оставаться объектом межъязыкового перевода. Так, уже в год выхода в свет оригинала появился немецкий перевод (переводчик Э. ван Беббер), а в 1935 году публикуется итальянский перевод романа (подвергшийся значительному сокращению и цензуре) А. Питта. Одним из последних стал перевод на мэнский гэльский язык (переводчик Дж. Кейн) [15].

К разряду межсемиотических переводов романа относятся компьютерные игры, радиопостановки, театральная пьеса (адаптация 2017 года К. Людвиг), аудиокниги. Первая экранизация романа появилась через сорок лет после публикации оригинала. Ей стал британский фильм режиссера С. Люмета с сохраненным названием первичного текста и звездным актерским составом (многие актеры были или стали обладателями премии «Оскар»). После 1974 года на экран киноадаптации выходили в 2001, 2010, 2015 (японский фильм режиссера К. Кэйти) и 2017 годах. На киноэкране образ знаменитого детектива воплотили разные актеры, что имело результатом синкретичную визуализацию образа, появившегося впервые на страницах романа А. Кристи.

Романы о Пуаро неоднократно экранизировались в Англии и за ее пределами, становились радиоспектаклями и театральными постановками. Самым известным исполнителем роли Пуаро на киноэкране стал Д. Суше, снявшийся в британском телесериале «Agatha Christie's Poirot» (1989-2013), включающем 13 сезонов и 70 эпизодов. Интересно, что образ Пуаро, созданный Суше использован в нескольких компьютерных играх. Тем не менее, Д. Суше,

исполнявший роль бельгийского детектива почти 25 лет, что стало рекордом по длительности роли, не является единственным актером, который воплотил образ Пуаро на экране. Первым исполнителем роли Пуаро стал О. Тревор (1931 год). Сыщика также сыграли А. Фанни, Х. Гёбель, М. Габель, Х. Болман, П. Устинов, Дж. Малкович, А. Молина, А. Равикович, К. Райкин. Одними из последних киновоплощений Пуаро стали исполнения роли британским актером К. Брана в 2017 («Убийство в Восточном экспрессе») и 2020 («Смерть на Ниле») годах. В фильмографии Пуаро также представлены и пародии. Так, Э. Бегли пародировал героя Кристи (под измененным именем *Bascule Doirot*) в американском детективном сериале «*Burke's Law*» в 1964 году. Другой пародией стало исполнение американского комика Т. Рэндалла. Сайт, посвященный творчеству А. Кристи, сообщает, что существует более 35 театральных, экранных и радио воплощений Пуаро.

В 2013 году британская пресса проанонсировала выход в свет книги С. Ханна, использующей образ Пуаро. На данный момент Ханна опубликовала уже три романа, хронологически встроенных в «Пуариану» Кристи. В августе 2020 года планируется выход четвертой книги, в которой главным героем опять стал Пуаро. Тексты Ханна могут быть определены как пастиш.

При создании вторичных текстов художественный образ может быть рассмотрен как своего рода единица перевода, относительно которой переводчик принимает решение на перевод. В случае межъязыкового перевода задача переводчика состоит не только в нахождении адекватных иноязычных эквивалентов для языковых единиц, конструирующих художественный образ в языковой ткани оригинала, но и в воссоздании в процессе перевода всех эксплицитных и имплицитных связей, которыми данные единицы обладают. Перевод предполагает реконструирование в наиболее полном объеме всего информационного художественного комплекса, который создает сложную и неоднозначную информационную единицу художественного текста и единицу перевода – художественный образ. Художественный образ, являясь универсалией художественного текста, имеет буквальный смысл, хотя и характеризуется определенной степенью обобщения и расширения [1].

Вырастая из чувственного образа, художественный образ обладает семиотической потенцией и порождает разнообразные знаки и семиотические понятия, структура которых создается взаимодействием двух принципиально разных планов – плана содержания и плана выражения [3, с. 22].

Полученный материал исследования убедительно свидетельствует о том, что вербальный оригинал романа А. Кристи, его известные межъязыковые и межсемиотические переводы образуют центр переводной аттракции, в рамках которого моно- и полисемиотические типы вторичных текстов различной семиотической природы объединяются в сложный гипертекст, позволяющий обеспечить многомерное восприятие эстетической информации оригинала через различные информационные каналы, увеличить переводимость оригинала и его культурное сохранение. Информация всех вариантов «сильного» текста (первичного, вторичных, третичных и пр.) создает некий семиотический объект, который образно сопоставим с «палимпсест», а в отношении рассмотренных центров переводной аттракции – с «гиперпалимпсестом». Данная гипотеза в определенной мере созвучна с идеями В. Лопес и Л. Ханеса о том, что вторичные тексты известных произведений А. Кристи, выполняя роль межкультурных посредников, создают многогранную сеть отношений и образуют мировое пространство перевода (в оригинале – «world's transland») [12]. Трансформационные процессы, формирующие обширные центры переводной аттракции «сильных» художественных текстов, демонстрируют многомерность («тотальность») перевода как семиозиса в самом широком понимании.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Символ художественный // Краткая литературная энциклопедия. В 9 т., т. 6. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 826–831.
2. *Алиева М.С.* Узбекско-английские литературные взаимосвязи периода независимости // Молодой ученый. 2017. № 21 (155). С. 72–74 // URL: <https://moluch.ru/archive/155/43684/> (дата обращения: 28.02.2021).

3. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
4. *25 лучших детективов на все времена* // URL: <https://eksmo.ru/selections/25-luchshikh-detektivov-na-vse-vremena--ID3757813/> (дата обращения: 12.02.2021).
5. *Кузьмина Н.А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации: монография. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2009. 228 с.
6. *Лысенкова Е.Л.* Проза Р.М. Рильке в русских переводах. М.: Азбуковник. 2004. 216 с.
7. *Чайковский Р.Р.* Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов «Пантеры» Р.М. Рильке на 15 языков /Р.Р. Чайковский. Е.Л. Лысенкова. Магадан: Кордис, 2001. 211 с.
8. *Agatha Christie's Translations in Finland* // URL: <https://internationalcrimefiction.org/2015/06/04/agatha-christies-reception-in-finland/> (дата обращения: 28.02.2021).
9. *Bassnett S.* Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Topics in Translation. 11 / S. Bassnett, A. Lefevere. Clevedon: Multilingual Matters, 1998. 143 p.
10. *Index Translationum.* // URL: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx?crit1L=5&nTyp=min&topN=50> (дата обращения: 10.02.2021).
11. *Jakobson R.* On Linguistic Aspects of Translation // On Translation (ed. R.A. Bower). Cambridge: Harvard University Press, 1959. Pp. 232–239.
12. *Lopes V., Hanes L.* Between Continents: Agatha Christie's Translations as Intercultural Mediators. *Cadernos de Tradução*. 2017, vol. 37 (1) // URL: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2175-79682017000100208 (дата обращения: 28.02.2021).
13. *Lopes V., Hanes L.* The Retitling of Agatha Christie's *Ten Little Niggers* in Anglophone and Lusophone Markets // Translation and Literature. 2018. 27 (2). Pp.184–194.

14. *Martin E.* The 10 Best Mystery Authors of all Times // URL: <https://bookriot.com/best-mystery-authors/> (дата обращения: 12.02.2021).
15. *Murder on Orient Express Now in Manx* // URL: https://www.learnmanx.com/featured_article_362287.html (дата обращения: 28.02.2021).
16. *Razumovskaya V.A.* “Strong” Texts of Russian Culture and Centers of Translation Attraction // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2014. 5 (7). Pp. 834–846.
17. *Razumovskaya V.A.* “Strong” Texts of the Russian Literature in Translations: Cultural and Language Comprehension // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2018. 1 (11). Pp. 139–145.
18. *Razumovskaya V.A.* A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives // *MUNDO ESLAVO*. 2019. 18. Pp. 202–215.
19. *The Home of Agatha Christie*. // URL: <https://storage.googleapis.com/agatha-christie-assets/archive/pdfs/christie-reading-list.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).
20. *Tirosh O.* Who is the world’s most translated author? // URL: <https://www.tomedes.com/translator-hub/most-translated-author.php> (дата обращения: 10.02.2021).

References

1. *Averintsev S.S.* (1968). The symbol of art // *Brief Literary Encyclopedia*. In 9 vols., vol. 6. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Pp. 826–831. (in Russian)
2. *Alieva M.S.* (2017). Uzbek-English literary relations of the period of independence // *Molodoi uchenyi*. 21 (155). Pp. 72–74. (in Russian)
3. *Arutyunova N.D.* (1990). Metaphor and discourse // *Theory of Metaphor*. Moscow, Progress. Pp. 5–32. (in Russian)
4. The Best 25 Detectives of All Times // URL: <https://eksmo.ru/selections/25-luchshikh-detektivov-na-vse-vremena--ID3757813/> (accessed: 12.02.2021). (in Russian)

5. Kuz'mina N.A. (2009). *Intertext: a theme with variations. Phenomena of culture and language in intertextual interpretation: monograph.* 228 p. Omsk, Omsk State University Publishing House. (in Russian)
6. Lysenkova E.L. (2004). *Prose of R.M. Rilke in Russian translations.* 216 p. Moscow, Azbukovnik. (in Russian)
7. Chaikovskii R.R., Lysenkov, E.L. (2001). *The inexhaustibility of the original. 100 translations of R.M. Rilke's "Panther" into 15 languages.* 211 p. Magadan, Kordis. (in Russian)
8. Agatha Christie's Translations in Finland // URL: <https://internationalcrimefiction.org/2015/06/04/agatha-christies-reception-in-finland/> (accessed: 28.02.2021). (in English)
9. Bassnett S., Lefevere A. (1998). *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Topics in Translation. Clevedon: Multilingual Matters.* 143 p. (in English)
10. *Index Translationum.* // URL: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatexp.aspx?crit1 L=5&nTyp=min&topN=50> (accessed: 10.02.2021). (in English)
11. Jakobson R. (1959). *On Linguistic Aspects of Translation // On Translation* (ed. R.A. Bower). Cambridge: Harvard University Press. Pp. 232–239. (in English)
12. Lopes V., Hanes L. (2017). *Between Continents: Agatha Christie's Translations as Intercultural Mediators // Cadernos de Tradução.* Vol. 37 (1) // URL: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2175-79682017000100208 (accessed: 28.02.2021). (in English)
13. Lopes V., Hanes L. (2018). *The Retitling of Agatha Christie's Ten Little Niggers in Anglophone and Lusophone Markets // Translation and Literature.* 27 (2). Pp. 184–194. (in English)
14. Martin E. *The 10 Best Mystery Authors of all Times* // URL: <https://bookriot.com/best-mystery-authors/> (accessed: 12.02.2021). (in English)
15. *Murder on Orient Express Now in Manx* // URL: https://www.learnmanx.com/featured_article_362287.html (accessed: 28.02.2021). (in English)

16. Razumovskaya V.A. (2014). "Strong" Texts of Russian Culture and Centers of Translation Attraction // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 5 (7). Pp. 834–846. (in English)
17. Razumovskaya V.A. (2018). "Strong" Texts of the Russian Literature in Translations: Cultural and Language Comprehension // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 1 (11). Pp. 139–145. (in English)
18. Razumovskaya V.A. (2019). A Center of Translation Attraction as the Tower of Babel Replica: Intersemiotic Translation Perspectives // MUNDO ESLAVO. 18. Pp. 202–215. (in English)
19. The Home of Agatha Christie. // URL: <https://storage.googleapis.com/agatha-christie-assets/archive/pdfs/christie-reading-list.pdf> (accessed: 10.02.2021). (in English)
20. Tirosh O. Who is the world's most translated author? // URL: <https://www.tomedes.com/translator-hub/most-translated-author.php> (accessed: 10.02.2021). (in English)

Автор публикации

*Разумовская Вероника Адольфовна –
к. филол. н., профессор
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0751-7964>
Email: veronica_raz@hotmail.com*

Author of the publication

*Veronica A. Razumovskaya –
Cand. of Sciences (Philology), Prof.
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russia
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0751-7964>
Email: veronica_raz@hotmail.com*

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.33

РЕАЛИЗАЦИЯ МАТРИЧНОГО ПОДХОДА В ПОДГОТОВКЕ ПЕРЕВОДЧИКОВ: ИНДУКТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ АНДРЕЯ ФАЛАЛЕЕВА

И.С. Алексеева

i.s.alexeeva@gmail.com

РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Обучение переводчиков-синхронистов нуждается сегодня в модернизации, поскольку требования к ним повышаются. В статье подробно рассматривается один из инновационных авторских методических комплексов – индуктивно-лингвистическая концепция известного переводчика и преподавателя Андрея Фалалеева. Предлагаемый в цикле из 10 книг обширный материал организован по принципу так называемой «рассеянной матрицы», на фоне которой происходят «сгущения» похожих приемов, образующие отдельные участки «плотной матрицы». Именно они приводят потом к аналитическим выводам, и образуют прочный профессиональный фундамент. Метафорический мета-код скрепляет гигантскую обучающую матрицу в единую мозаичную картину, облегчает понимание, но главное – снимает пороговые страхи освоения. Большинство метафорических терминов находит соответствие в известных понятиях теории перевода (генерализация, антонимический перевод, описательный перевод) и общей лингвистики (актуальное членение и фокус ремы, стилевой регистр, оценочная семантика, экспрессивная окраска), часть же из них являются новыми и представляют собой стратегические и тактические приемы процесса перевода. Дается подробный комментарий к составу каждой из книг и оценка предлагаемых упражнений с точки зрения их эффективности для профессионального роста переводчика.

Ключевые слова: методика преподавания перевода, матричный подход к обучению, теория перевода, индуктивно-лингвистический путь, устный перевод с английского на русский.

Для цитирования: Алексеева И.С. Реализация матричного подхода в подготовке переводчиков: индуктивно-лингвистическая концепция Андрея Фалалеева. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1 (4): 63–79.

MATRIX PRINCIPLE IN INTERPRETER TRAINING: ANDREY FALALEYEV'S INDUCTIVE LINGUISTIC MODEL

I.S. Alexeeva

i.s.alexeeva@gmail.com

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Abstract. In today's world, as the requirements for interpreter services grow, the interpreter training is in need of modernization. The article looks into one of the innovative authorial teaching

methods – the inductive linguistic method developed by Andrey Falaleyev, renown interpreter and trainer. The training materials presented in the series of 10 books are organized according to the so-called “diffused matrix” principle, where similar interpretation patterns come together to form “a solid matrix”, which allows for drawing analytical conclusions to form a strong professional foundation. The metaphorical meta-code fuses the huge teaching matrix in a mosaic picture, which makes its understanding easier and removes the initial fears of learning interpretation. Most metaphorical terms correlate with the established terms in the translation theory (generalization, antonymous interpretation, descriptive translation) and general linguistics (theme and rheme/focus, stylistic register, evaluative semantics, expressive colouring), while others are new and present strategic and tactic methods in interpreting. The article gives a detailed commentary about the contents of each book and evaluates them from the point of view of their efficiency for the interpreter’s professional growth.

Keywords: interpreter training methods, matrix principle in teaching, theory of translation, inductive linguistic method, English-Russian interpretation. .

For citation: Alexeeva I.S. Matrix principle in interpreter training: Andrey Falaleyev’s inductive linguistic model. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 1 (4): 63–79. (In Russ.)

1. Вступление

Когда Андрей Фалалеев в 90-е годы привез в Санкт-Петербургский университет коробку с аудиокассетами, на которых записаны были десятки тысяч англо-русских соответствий, коллеги встретили его благосклонно, но с полным непониманием. В конце концов, он подарил их кафедре английской филологии и перевода. Их использовали отдельные энтузиасты, а сам Андрей потихоньку читал лекции по синхронному переводу, учил студентов в Монтерейском институте, вел все больше семинаров в России, потому что подспудно росла волна интереса, волна захватывала, тащила за собой не только практиков и юнцов, но и университетских людей, ведь академический снобизм изживается постепенно. Есть даже люди, которые преодолеть его не могут, и им Фалалеев категорически противопоказан.

Но соблазн, господа, соблазн... Бомба замедленного действия.

Сравнение искусства перевода с боевыми искусствами ошеломляло: да, странное какое-то сближение... Оно добавляло энергии и чуть брутальной силы, выводило профессию из словесной эквилибристики в совсем другие сферы. При смутных представлениях о ней. Ведь рост спроса на устный перевод скакнул вверх именно тогда, а живых, активно действующих переводчиков в Питере было совсем немного.

Но главным все-таки было другое. Отказ от примата теории над практикой. Отказ от теории вообще. Как говорится – то, о чем вы мечтали, но боялись сказать... Нет, конечно, тогда все поголовно были против мнения Фалалеева. Редкое исключение составлял, пожалуй, негосударственный питерский вуз под названием Институт иностранных языков, где А. Фалалеев выступал регулярно, и где уже тогда формировался матричный подход к преподаванию перевода, предполагающий совмещение самых разнообразных методик. Все прочие поголовно высказывались в том ключе, что в Америке просто не понимают, что теория нужна, и что, мол, она у них там не развита.

Причем все эти разговоры про Америку были лишь наполовину просто советской привычкой ругать Америку. Собака была зарыта глубже. Во-первых, существовала поголовная глубокая убежденность, что в любом деле сначала – много теории, потом – практика. И хотя быстро становилось очевидно, что ДО практики теория как-то туго усваивается, все продолжали верить в доктрину. Во-вторых, - очевидно, считая эту доктрину нерушимой – переводчики-практики все как один тактично внушали студентам, что именно в сфере перевода теория и практика – это совершенно разные вещи, и они друг другу не нужны. Заявление по сути чудовищное, если вдуматься (то есть теория занятия не нужна для самого занятия), но это был колоссальный шаг вперед: ведь вариант, что на деле в профессии обходятся без теории, следует отсюда напрямую!

Налицо был слом прежних догматических представлений. Запрос на перемены пришел извне, от практика: этим практиком был Андрей Фалалеев. А с 2016 года концепция Фалалеева стала оформляться в виде серии учебников небольшого объема. Но только это – своего рода антиучебники, потому что в них нет привычной нам схемы: теория, вводные упражнения, закрепление и т.п. Здесь – только описан сам принцип упражнения, и далее – бездна материала, тренируйся сколько хочешь! И убеждайся, что закономерность существует.

И вообще: где еще вы видели учебник в полторы тысячи страниц? (и еще неизвестно, сколько добавится: список дел самосовершенствования открыт всегда!). Небольшими дозами подается бесконечный и бесценный материал личного опыта.

Это действительно учебник нового типа, не только интерактивный, но и динамический, растущий на наших глазах – не из тех, которые переиздаются, а из тех которые продолжаются, и что немаловажно – саморазвиваются, внутри них есть пружина, выталкивающая к обучающимся все новый и новый материал.

Все книги серии, составляющие этот учебник, носят подзаголовок «самоучитель устного перевода». Это – мощное заявление. Во-первых, потому что «самоучитель» – прямая заявка на возможность освоения профессии в самой дальней глуши, отказ от претензии на столичную элитарность. Во-вторых, такое заявление – ответ на современный запрос по отношению к любому обучению, которое сегодня – не кормление с ложечки, а личный колоссальный труд и вклад в собственное развитие. Самоучитель означает не то, что учитель не нужен, а то, что основные усилия – твои.

2. Методическая система Фалалеева

2.1 Анализ в ходе перевода. Система Фалалеева построена на обилии тренингового материала. Но автор не призывает к натаскиванию до состояния бездумного автоматизма. Напротив, на каждом шагу нас исподволь подводят к самостоятельным обобщениям. Аналитическая работа положена в методике Фалалеева во главу угла. Вот один из главных лозунгов: «Любой перевод начинается с анализа, этим анализом мы сейчас и займемся». [5, с. 81]

2.2 Матричный подход в освоении стратегии и техники перевода. Авторы предлагают нам не систему, а матрицу – открытый список равноположенных переводческих возможностей. Языковой материал и осваиваемые приемы принципиально НЕ организованы тематически, они – разной сложности, но при сопоставлении выпусков мы видим, что обучение плавно продвигается по пути развития все более масштабного стратегического

мышления. Разнородность материала и задач – лишь мнимая; он организован по принципу так называемой «рассеянной матрицы», на фоне которой происходят «сгущения» похожих приемов, образующие отдельные участки «плотной матрицы». Именно они приводят потом к аналитическим выводам, и образуют прочный профессиональный фундамент.

2.3 Метафорический мета-код. У всех книг серии есть образное название: «Зеленое яблоко», «Умильные мордочки енотов», «Японский клен»... В этих образах нет никакого тайного смысла – это всего лишь первые слова из материала первого упражнения. Но они служат яркой эмблемой закономерностей предложенного типа и удобным способом обобщения явлений данной ячейки матрицы.

Безошибочно выбран метафорический путь освоения незнакомого материала – исконный и безусловный, который, как известно, гораздо эффективнее логического при познании нового; ведь логика забудется, а метафора, содержащая изобразительный символ, надолго останется в памяти. Метафорический мета-код «прошивает» всю эту гигантскую обучающую матрицу, скрепляет в единое лоскутное одеяло, которое больше похоже на гармоничную мозаичную картину, но главное – снимает пороговые страхи освоения.

Есть в этом образном мета-языке и случаи, когда условное название помогает разобраться в сути явления, определить его главную специфическую черту. Это касается метафорических названий упражнений: «Переворот», «Мальчик и девочка», «Громоотводы», «Мертвые пары», «Маневр обхода», «Цепные ядра», «Делатель», «Анатомия», «Растяжки». Такие упражнения вполне уживаются с теми, для названия которых использованы традиционные термины лингвистики и логики: «Антонимы», «Субъект – Объект», «А значит?» и др. Эффективное сочетание разнородного – также примета инновационного матричного подхода.

Правда, есть еще один основополагающий – причем однозначно отрицательный, хотя и не агрессивный – метафорический образ всей серии: это

«гипноз» – гипноз слов, оборотов, речевых привычек исходного языка, который переводчику нужно преодолеть.

Образ прекрасный. «Гипноз» – понятие гораздо более точное и современное, чем употребляемый обычно для тех же целей буквализм. Ведь гипноз – это замирание, пассивность, отсутствие деятельности интеллекта, а не только замороженность словами и структурами подлинника. В нем есть отчетливое человеческое (нынче говорят: антропологическое) начало.

2.4 Анализ матричной структуры

Давайте пробежимся по ячейкам матрицы, начиная с первого выпуска². Не удастся ли нам выявить алгоритм? Вот общая схема:

I. **«Зеленое яблоко»:** 1) Упр. «Зеленое яблоко»: АБ/А1Б1(= равнозначное соответствие); 2) Упр. «Переворот»: АБ/Б1А1(= позиционная трансформация); 3) Упр. «Мальчик и девочка»: А и Б / А1 и Б1(= разложимые, но фразеологизированные парные словосочетания); 4) Упр. «Один-два-три»: АБВ³/А1Б1В1(= равнозначное соответствие); 5) Упр. «Громоотводы»: М⁴/М1; 6) Упр. «А значит?»: А / антоним А + отрицание (=антонимический перевод), либо: А + отрицание / антоним А (то же) ; 7) Упр. «Действующее лицо»: А субъект, Б объект / Б субъект, А объект (= субъектно-объектная замена); 8) Упр. «Стрелки»: С⁵ градуальная семантика улучшения, ухудшения, равенства, отсутствие градуальности / С1 любая другая градуальность (= варианты соответствия при переводе градуальность не сохраняются); 9) Советы начинающему переводчику; тема: ответственность (= профессиональная этика); анонс задач второй книги.

II. **«Вертолет береговой охраны»:** 1) Упр. «Три-один-два»: АБВ / В1А1Б1(= позиционная трансформация); 2) Упр. «Латинизмы»: А с латинским корнем / А1 с исконным корнем (= «ложные друзья переводчика»); 3) Упр. «Мертвые пары»: А не соответствует А1 по семантике (= другие

² В круглых скобках со знаком «=» будем обозначать суть задачи на языке традиционной лингвистики/теории перевода.

³ А, Б, В – лексика (существительные, прилагательные, причастия)

⁴ М – модальность высказывания

⁵ С - сказуемое

вариантные соответствия, фразеологизированные, соответствие НЕ однозначное); 4) Упр. “Although”: «Хотя ... (придаточное), тем не менее/но (главное)» / «(Главное), хотя/но/всё же (придаточное, или 2я часть сложносочиненного)» (=перенос уступки/условия в конец; придаточное уступительное становится главным, т.е. позиционная трансформация); 5) Упр. “As”: «По мере того, как..., когда, как только..., (главное)» / «(Главное), следовательно / значит ...» (= перенос придаточного следствия, времени, пропорциональности с 1-го на 2-е место, тоже позиционная трансформация); 6) Упр. “While”: «Несмотря на, пусть... (придаточное уступки), тем не менее / но (главное)» / «(Главное), хотя/но/всё же (придаточное, или 2я часть сложносочиненного)» (=перенос уступки/условия в конец; придаточное уступительное становится главным); 7) Упр. “With”: переброс придаточного причины в позицию после главного (= синтаксическая трансформация); 8) Упр. “Despite, Unless и др.”: переброс уступительной именной конструкции в позицию после основных членов предложения (= синтаксическая трансформация). 9) рекомендация начинающему переводчику: настраиваться на конкретный зал и анонс задач следующей книги.

III. «Умильные мордочки енотов»: 1) Упр. «Один-три-два»: АБВ / А1В1Б1(= позиционная трансформация); 2) Упр. «Маневр обхода»: 1 единая фраза со сложным материалом в середине предложения (числительные, термины, образы) / 2 фразы (сложный материал – во второй); 3) Упр. «Цепные ядра»: Фраза 1. Фраза 2 / Фраза 1-1 – ситуация – Фраза 2-1 (учет ситуации перевода); 4) Упр. «Формальная правота»: замена термина, редкого слова или аллюзивного имени на генерализирующий синоним в переводе в ходе настройки на конкретную аудиторию (=генерализация); 5) Упр. «Названия»: в отсутствии контекста – генерализировать; 6) Упр. «Именительный падеж»: Все косвенные падежи и предложные сочетания в начале предложения заменять на именительный падеж (= субъектно-объектная замена, в основном); 7) «Глаголы»: перевод глаголов в сочетании с существительным (= вариантное соответствие лексическое); 8). Анонс упражнения «Субъект – Объект».

IV. «**Ваза династии Мин**»: 1) Упр. «Три-два-один»: АБВ / В1Б1А1 (= позиционная трансформация); 2) Упр. «Два-один»: АБ / В (= неравнозначное соответствие); 3) Упр. «Делатель»: А отглагольное сущ. со значением деятеля (агенса) / БВГД (= описательный перевод с расширением лексического состава); 4) Упр. «Субъект – объект»: А субъект / А1 объект (субъектно-объектная замена); 5) Упр. «Аs в середине фразы»: сложноподчиненное с придаточным причины в постпозиции / выведение содержание придаточного в отдельное предложение в постпозиции к бывшему главному или в придаточное причины и др. т- но всегда в конечной позиции в предложении (= синтаксическая трансформация); 6) Упр. «Присутствие человека»: А субъект неодушевленный / А1 субъект одушевленный (=лексическая замена; субъектно-объектная замена); 7) Упр. «Замена глагола»: Г / Г1 (= вариантное соответствие в зависимости от семантической сочетаемости и/или стилового регистра всего выступления); 8) Упр. «Смысл»: А+Б+В образный оборот / Д+Е+Ж... по смыслу (=вариантное соответствие без сохранения образа; иногда – лексическая компенсация); 9) Анонс основной идеи следующей книги.

V. «**Русский малахит**»: 1) Упр. «Ориентирование» (ранжирование, компрессия, ориентирование = свобода формы): решения на уровне текста (= текст как минимальная единица перевода; параметры: стилового регистр, длина фразы, экспрессия, глубина аллюзий, мера идиоматичности и пр.) – 1485 примеров; 2) Описание профессионального мировоззрения устного переводчика; анонс задач следующей книги.

VI. «**Камея**»: 1) Упр. «Определения»: Описательный текст на языке В / одно слово на языке А (= задача, обратная описательному переводу); 2) Упр. «Полюса»: А антоним Б + Б антоним А в одной фразе / А1 антоним Б1 + Б1 антоним А1 в одной фразе (= лексическое упражнение на прогнозирование антонима в контексте; контекстуальные антонимы; 3) Упр. «Антонимы»: А на языке В / Б на языке А (= тренинг на активное знание лексикализированных антонимов); 4) Упр. «Минус»: А+Б / А1+ Б1(= контрастное усиление отрицательной информации в фокусе ремы с помощью лексики – подбора

синонимов отрицательной оценочности - и места в предложении без расширения текста); 5) Упр. «Незнакомое слово»: А незнакомое / А1 синоним, либо А1+Б1+В... - описательный перевод (= замена лексемы на генеральный синоним, либо компенсация описательным переводом; 6) Упр. «Незнакомое значение»: А / А1 в контексте (= вариантное значение, НЕ генеральный синоним); 7) Анонс диапазона упражнений типа «Полюс» в следующей книге.

VII. **«Медоносная пчела»:** 1) Упр. «Неожиданные эквиваленты»: АБ/А1Б1 (= равнозначное соответствие контрастивного типа) 2) Упр. “mis”: АБ / А1Б1(=уточнение отрицательной характеристики с помощью контекста); 3) Упр. «Не использовать латинизмы»: А греко-латинское / А1 исконное (= вариантное соответствие из числа исконных слов); 4) Упр. «Анатомия»: А / А1 с другим образом или без образа (= вариантное соответствие с другим клишированным образом, или без образа); 5) Упр. «Определение полюса»: А оценочное / А1 с усилением оценки (= подбор вариантных соответствий всего лексического наполнения фразы в зависимости от оценочной семы ключевого слова); 6) Упр. «Пропуск глагола»: подстановочное упражнение с опорой на контекст; 7) Упр. «Сближение понятий»: АБ / А1Б1 (= подбор пар контекстуальных синонимов из возможных вариантных соответствий со сходным семным составом); 8) Анонс и комментарий к упражнениям следующей книги, в частности, на идиомы.

VIII. **«Японский клен»:** 1) Упр. «Пропуск существительного»: подстановочное упражнение с опорой на контекст; 2) Упр. «Короткие фразы»: Фраза / Фраза 1 (= варианты соответствия на уровне предложения, представляющие собой формулы контакта или диалогические клише); 3) Упр. «Плюс»: А / А1(= контрастное усиление положительной информации в фокусе ремы с помощью лексики – подбора синонимов положительной оценочности – и места в предложении без расширения текста); 4) Упр. «Второй полюс»: А антоним Б + Б антоним А в одной фразе / А1 антоним Б1 + Б1 антоним А1 в одной фразе, но Б надо найти самостоятельно (= лексическое упражнение на прогнозирование антонима в контексте; контекстуальные

антонимы; 5) Маневр обхода-2»: 1 единая фраза со сложным материалом (числительные, термины, образы) в начале / 2 фразы (сложный материал – во второй); 6) Упр. «Растяжки»: Фраза с придаточным причины/следствия в конце / Фраза 1 простое предложение + фраза 2 с причинно-следственной связью в начале (= синтаксическая трансформация, преобразование сложноподчиненного предложения в два простых); 7) Рекомендации по подготовке к переводу речи; 8) Перевод речи; 9) Анализ перевода речи; 10) Анонс следующей книги с обозначением основной темы: дробление длинных английских фраз при переводе на русский язык.

IX. «Глазунья»: 1) Упр. «Икс-один»: АВВ.../ Д1, или N / 1 (= сочетание из 2-3 и более слов переводится однозначным соответствием в виде одного слова); 2) Упр. «Знаки»: лексический тест на знание оценочных слов; 3) Упр. «Дробилка»: Одна фраза / 2-3 фразы (= синтаксическая трансформация с упрощением синтаксической структуры); 4) Упр. «Начало фразы»: Клише языка В / клише языка А (= тренинг активного владения нейтральными по стилю и общими по содержанию клише начал фраз); 5) Упр. «Середина фразы»: Клише языка В / клише языка А (= тренинг активного владения нейтральными по стилю и общими по содержанию клише середин фраз); 6) Упр. «Конец фразы»: перевод завершающего придаточного в нейтральном стиле (= варианты соответствия нейтрального стиля, учитывая отсутствие контекста); 7) Упр. «Штампы»: АВ / А1Б1 (= клишированные словосочетания из 2-х слов со стершейся образностью); 8) Упр. «Фразеологизмы»: Ф / Ф1 (= нахождение эквивалентов для любых устойчивых оборотов речи: идиомы, пословицы и поговорки, цитаты и афоризмы); 9) Рекомендации по подготовке к переводу речи; 10) Перевод речи; 11) Анализ перевода речи; 12) Общие соображения об оригинале и переводе; 13) Анонс следующей книги.

Итак, краткий обзор завершен. Удалось ли нам проследить алгоритм? Да, удалось. Но его не так просто разглядеть, ведь он матричный. Правда, с небольшой долей системности. Она заключается, например, в том, что некоторые более простые упражнения в следующих выпусках повторяются

в более сложном варианте, а также в том, что авторы следят за степенью сложности задач, и эта степень увеличивается постепенно. И все больше места отводится анализу готовых переводов речей: ценнейший материал, нигде вы его больше не найдете.

Преимущества же матричного подхода для успеха обучения очевидны. Описав упражнения, авторы отсылают обучающихся к другим упражнениям и рекомендациям совершенно разного рода, из которых складывается общая профессиональная стратегия и которые совершенно не следуют одно из другого (нет системной зависимости). Например, в предисловии к упражнению «Дробилка» – ссылка на упр. «Именительный падеж» из «Енотов», а также – на «Предисловие к выступлению» из «Японского клена». Алгоритм методики Фалалеева ⁶ – в постепенном приближении к профессиональному уровню. Неторопливо, маленькими шагами, но неуклонно.

Внутренняя структура каждой из книг – разная, нет типовой последовательности, что опять-таки характерно для матричного подхода. И что позволяет особо выделяться таким книгам серии, как пятая – «Русский малахит», где предложено всего два вида занятий: около 1500 примеров, где решения должны приниматься на уровне текста, и сведения о профессиональном поведении переводчика – для размышления и дискуссии. И это как раз означает, что с учетом уже пройденного в первых четырех книгах можно начать работу над более сложными вещами, зафиксировав свой прогресс в продвижении по лестнице профессионализма.

Объем материала в каждом упражнении разный, но примерный бюджет времени всегда обозначен: 90 минут или меньше; для наиболее важных упражнений предусмотрены две пары по 90 минут (тогда у упражнения две части), или же еще больше. Одни – на скорость (блистательное упражнение из «Клена» «Короткие фразы»), другие – на вдумчивость.

⁶ Всякий раз, называя имя Фалалеева, я имею в виду и соавтора – Алену Малофееву; без нее основные методические принципы и приемы Андрея Фалалеева не обрели бы своего законченного вида. Это у нас своего рода двойная звезда Алголь.

3. Индуктивно-лингвистическая концепция

И вот самое главное открытие: вырабатывая свою методику и делая обобщения, Андрей Фалалеев создает свою собственную науку о переводе, на сто процентов вытекающую из практики, со своими яркими, образными терминами, со своей внутренней логикой. Квинтэссенция проверенных обобщений – вот что такое наука Фалалеева. Так что рекомендую снисходительно отнестись к мантре: «Авторы не теоретики, поэтому никакой теории в самоучителе нет», которую они повторяют в аннотации к каждому выпуску. Это не так. Они не теоретики с точки зрения прежних представлений о науке как кабинетном занятии, далеком от практики, как статичном и одностороннем элитном теоретизировании. И прекрасные теоретики в плане создания концепций и моделей переводческой деятельности, которую они успешно конвертируют в обучающую модель.

Любопытная вещь: когда мы в скобках со знаком «равно» (=) прокомментировали упражнения учебника Фалалеева / Малофеевой в терминах традиционной теории перевода, обнаружилось очень много схождений. Это весь арсенал терминов теории соответствий и трансформаций: «однозначное соответствие», «вариантное соответствие», «лексическая замена», «позиционная трансформация», «синтаксическая трансформация», «генерализация», «антонимический перевод», «описательный перевод» и др., а также ряд понятий современной лингвистики: актуальное членение и фокус ремы, стилевой регистр, оценочная семантика, экспрессивная окраска и т.д.

Зачем нужны тогда метафорические термины Фалалеева? Нельзя ли обойтись без них? Нет, нельзя. Авторы показывают не феномен, а путь к его выявлению на профессиональном пути, принципиально отказываясь демонстрировать какие-либо обобщения до опыта. Путь к собственной теории, добытой индуктивным путем, к собственному познанию на базе речевого опыта в рамках двух языков. И в отказе от привычных терминов – большой методический посыл, и, наверное, главный залог успеха обучения для тех, кто примет вызов: сначала окупись в стихию опыта, а выводы ты сделаешь сам.

Но есть и уникальные компоненты у Фалалеева, которые не ассоциируются с уже известными нам приемами. Это прежде всего технические приемы препарирования текста на ходу, во время синхронного перевода: «Маневр обхода», «Дробилка», «Растяжки», «Пропуск существительного», «Цепные ядра». Для создания этих упражнений потребовался колоссальный опыт и особый навык отстраненного самонаблюдения.

С лингвистической точки зрения метод Андрея Фалалеева базируется на том, что живой язык (русский, английский и др. языки), в отличие от языка как абстракции, состоит не из отдельных слов, а из словосочетаний, на том, что есть некий банк словосочетаний в каждом языке, и переводчику его надо знать, если его профессия состоит в том, чтобы создавать переведенные тексты. Он не ограничивает этот банк одними только лексическими группами, а затрагивает также и более крупные структуры, вплоть до предложения. Это далеко не тривиальное утверждение; традиционно считалось, что переводчику нужен обширный лексический запас в активном употреблении, то есть по умолчанию – запас слов, терминов, а не словосочетаний. Фалалеев же на первый план выдвигает знание словосочетаний.

Именно по этой причине словосочетания Фалалеева принципиально выстроены в списки, лишённые тематического принципа: тема не важна, тренируемые сочетания могут быть на любую тему.

И по той же причине примеры предлагаются из всех сфер жизни, а стилевой регистр – по преимуществу нейтральный; тем самым задается мысль об универсальности соответствий, с одной стороны, и о том, что устный переводчик, как правило, оперирует литературной нормой языка, с другой стороны. Жаргонных вариантов, или, наоборот, очень возвышенных, авторы не приводят. Вместе с тем внутри публичного поля диапазон допустимых регистров весьма широк, и авторы настоятельно советуют ориентироваться на определенного слушателя: «...важно работать на конкретный зал. У ученых один регистр, у военных другой. И у разных поколений разные регистры.

И на разных социальных уровнях тоже разные регистры. ... В устном переводе мы работаем на конкретный зал, и умение говорить языком именно этого зала – это один из наших профессиональных навыков.» [5, с. 126]

4. Заключение

Итак, подведем итоги обсуждения методики А. Фалалеева.

В ней предложен матричный подход и к материалу, и к процессу его освоения, предполагающий индуктивный путь постоянного анализа своих действий на всех этапах освоения переводческой профессии и работы с лингвистическим материалом.

А. Фалалеев показал, с какой ответственностью и обдуманностью работает профессиональный переводчик. Показал, что такой труд неизбежно приводит к обобщениям, и он ими готов поделиться. Его вариант формализации подкупает постмодернистской метафоричностью и интерактивным характером отношений между автором методики и его подопечными. А. Фалалеев предлагает метафору боевых искусств и пространственное мышление для описания работы переводчика («стрелки», «полюса», «громоотводы»).

Но главное, конечно, это пример рождения теоретических обобщений прямо из практики. Демонстрация того, что у каждого может быть свой интеллектуальный «компьютер» в голове – и, соответственно, своя теория. Зачем? Очень просто: в теории, отдельной от практики, много лишнего, ненужного, и главное – не проверенного. А чужая теория часто кажется именно такой. Тем более что алгоритм чужой логики для тебя не обязательно самый оптимальный.

Литература

1. Беллос Д. Что за рыбка в вашем ухе? Удивительные приключения перевода. Серия: Человек Мыслящий. Идеи, способные изменить мир. Изд-во: Колибри. 2019. 416 с.
2. Бродский М.Ю. Устный перевод: история и современность: учебное пособие /Екатеринбург: АМБ, 2012. 261 с.

3. *Дуглас Робинсон*. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода. пер. с англ. М. В. Скуратовская. 2-е изд. Санкт-Петербург: Кудиц-Образ, 2005. 304 с.

4. *Фалалеев А.* Упражнения для синхрониста. Зеленое яблоко. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский / А. Фалалеев, А. Малофеева. СПб: Перспектива, Юникс, 2014. 187 с. (Серия «Высшая школа перевода»).

5. *Фалалеев А.* Упражнения для синхрониста. Вертолет береговой охраны. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский / А. Фалалеев, А. Малофеева. СПб: Перспектива, Юникс, 2015. 192 с. (Серия «Высшая школа перевода»).

6. *Фалалеев А.* Упражнения для синхрониста. Умильные мордочки енотов. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский / А. Фалалеев, А. Малофеева. СПб: Перспектива, Юникс, 2016. 176 с. (Серия «Высшая школа перевода»).

7. *Фалалеев А.* Упражнения для синхрониста. Ваза династии Мин. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский / А. Фалалеев, А. Малофеева. СПб: Перспектива, Юникс, 2016. 176 с. (Серия «Высшая школа перевода»).

8. *Фалалеев А.* Упражнения для синхрониста. Русский малахит. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский / А. Фалалеев, А. Малофеева. СПб: Перспектива, Юникс, 2016. 192 с. (Серия «Высшая школа перевода»).

9. *Фалалеев А.* Упражнения для синхрониста. Камея. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский / А. Фалалеев, А. Малофеева. СПб: Перспектива, Юникс, 2017. 208 с. (Серия «Высшая школа перевода»).

10. *Фалалеев А.* Упражнения для синхрониста. Медоносная пчела. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский / А. Фалалеев, А. Малофеева. СПб: Перспектива, Юникс, 2018. 176 с. (Серия «Высшая школа перевода»).

10. *Фалалеев А.* Упражнения для синхрониста. Японский клен. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский С./ А. Фалалеев, А. Малофеева. СПб: Перспектива, Юникс, 2019. 176 с. (Серия «Высшая школа перевода»).

11. *Фалалеев А.* Упражнения для синхрониста. Глазунья. Самоучитель устного перевода с английского языка на русский. / А. Фалалеев, А. Малофеева. СПб: Перспектива, Юникс, 2020. 176 с. (Серия «Высшая школа перевода»).

12. *Chesterman A. & Wagner E.* Can theory help translators? A dialogue between the Ivory Tower and the Wordface. Manchester, UK and Northampton, MA: St. Jerome, 2002. 148 pp.

Reference

1. *Bellos David* (2019). Is What a Fish in Your Ear? The Amazing Adventures of Translation/ *Seriya: Chelovek Myslyashchii. Idei, sposobnye izmenit' mir.* Moscow: Izd-vo Kolibri. 416 p. (in Russian)

2. *Brodskii M.Yu.* (2012). *Ustnyi perevod: istoriya i sovremennost': uchebnoe posobie* /Ekaterinburg: AMB, 2012. 261 p. (in Russian)

3. *Robinson Douglas* (2005). *Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation. Second Edition.* per. s angl. M.V. Skuratovskaya. St. Petersburg: Kudits-Obraz. 304 p. (in Russian)

4. *Falaleev A.* (2014). *Uprazhneniya dlya sinkhronista. Zelenoe yabloko. Samouchitel' ustnogo perevoda s angliiskogo yazyka na russkii* / A. Falaleev, A. Malofeeva. St. Petersburg: Perspektiva, Yuniks, 187 s. (Seriya «Vysshaya shkola perevoda»). (in Russian)

5. *Falaleev A.* (2015). *Uprazhneniya dlya sinkhronista. Vertolet beregovoi okhrany. Samouchitel' ustnogo perevoda s angliiskogo yazyka na russkii* / A. Falaleev, A. Malofeeva. St. Petersburg: Perspektiva, Yuniks. 192 s. (Seriya «Vysshaya shkola perevoda»). (in Russian)

6. *Falaleev A.* (2016). *Uprazhneniya dlya sinkhronista. Umil'nye mordochki enotov. Samouchitel' ustnogo perevoda s angliiskogo yazyka na russkii* / A. Falaleev,

A. Malofeeva. St. Petersburg: Perspektiva, Yuniks. 176 s. (Seriya «Vysshaya shkola perevoda»). (in Russian)

7. *Falaleev A.* (2016). Uprazhneniya dlya sinkhronista. Vaza dinastii Min. Samouchitel' ustnogo perevoda s angliiskogo yazyka na russkii / A. Falaleev, A. Malofeeva. St. Petersburg: Perspektiva, Yuniks. 176 s. (Seriya «Vysshaya shkola perevoda»). (in Russian)

8. *Falaleev A.* (2016). Uprazhneniya dlya sinkhronista. Russkii malakhit . Samouchitel' ustnogo perevoda s angliiskogo yazyka na russkii / A. Falaleev, A. Malofeeva. St. Petersburg: Perspektiva, Yuniks. 192 s. (Seriya «Vysshaya shkola perevoda»). (in Russian)

9. *Falaleev A.* (2017). Uprazhneniya dlya sinkhronista. Kameya. Samouchitel' ustnogo perevoda s angliiskogo yazyka na russkii / A. Falaleev, A. Malofeeva. St. Petersburg: Perspektiva, Yuniks. 208 s. (Seriya «Vysshaya shkola perevoda»). (in Russian)

10. *Falaleev A.* (2018). Uprazhneniya dlya sinkhronista. Medonosnaya pchela. Samouchitel' ustnogo perevoda s angliiskogo yazyka na russkii / A. Falaleev, A. Malofeeva. St. Petersburg: Perspektiva, Yuniks. 176 s. (Seriya «Vysshaya shkola perevoda»). (in Russian)

11. *Falaleev A.* (2019). Uprazhneniya dlya sinkhronista. Yaponskii klen. Samouchitel' ustnogo perevoda s angliiskogo yazyka na russkii / A. Falaleev, A. Malofeeva. St. Petersburg: Perspektiva, Yuniks. 176 s. (Seriya «Vysshaya shkola perevoda»). (in Russian)

12. *Falaleev A.* (2020). Uprazhneniya dlya sinkhronista. Glazun'ya. Samouchitel' ustnogo perevoda s angliiskogo yazyka na russkii S. / A. Falaleev, A. Malofeeva. St. Petersburg: Perspektiva, Yuniks. 176 s. (Seriya «Vysshaya shkola perevoda»). (in Russian)

13. *Chesterman A. & Wagner E.* (2002). Can theory help translators? A dialogue between the Ivory Tower and the Wordface. Manchester, UK and Northampton, MA: St. Jerome. 148 pp. (In English)

Автор публикации

Алексеева Ирина Сергеевна –
кандидат филологических наук, доцент
РГПУ им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: i.s.alexeeva@gmail.com

Author of the publication

Alexeeva Irina Sergeevna –
PhD in Philology, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Peterburg, Russia
E-mail: i.s.alexeeva@gmail.com

УДК 81'373.47

ВЕБ-СЛЕНГ И ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ЕГО РАЗВИТИЯ**А.В. Агеева, Н.Р. Дементьев***anastasia_ageeva@mail.ru***Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия**

Аннотация. Настоящая статья рассматривает основные механизмы формирования и эволюции веб-сленга на материале разноструктурных языков (английского, французского и русского). Целью настоящего исследования явилось описание структурных и функциональных черт современного веб-сленга. Материалом работы послужили данные онлайн-словарей компьютерного сленга, компьютерных форумов, текстовых и аудиовизуальных документов соответствующей тематики (гайдов, стримов и инструкций). В статье уточняется понятие «сленг» и приводятся его основные черты. Авторы исследования устанавливают дифференциальные характеристики веб-сленга: обилие англицизмов, тенденция к сокращению, эмоциональность. На основании подробного компаративного анализа лексических единиц трех языковых систем авторы делают выводы о взаимосвязи между функциональной нагрузкой данного лексического пласта и способами его образования. Устанавливаются алло- и изоморфные черты сленгообразования в трех языках. Так, все три языковых системы образуют новую лексику веб-сферы посредством семантических трансформаций. Французскому и русскому языку свойственно заимствование (включая калькирование и гибридизацию заимствованной лексики, т.е. аффиксальную деривацию заимствованных основ), тогда как английский язык образует новые слова в большей степени путем сокращения (аббревиации либо усечения основ) или конверсии.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, французский язык, лексика веб-сферы, веб-сленг, заимствование, сокращение, семантическое развитие.

Для цитирования: Агеева А.В., Дементьев Н.Р. Веб-сленг и основные тренды его развития. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1 (4): 81–92.

WEB SLANG AND THE MAIN TRENDS OF ITS DEVELOPMENT**A.V. Ageeva, N.R. Dementyev***anastasia_ageeva@mail.ru***Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia**

Abstract. The article identifies the main ways of web slang units formation and evolution, basing its conclusions on the material of languages different in their structure (English, French and Russian). The purpose of this study was to describe the structural and functional features of modern web slang. The material for the study was data from online dictionaries of computer slang, computer forums, text and audiovisual documents of the relevant subject matter. The article clarifies the concept of “slang” and provides its main features. The authors of the study define the differential characteristics of web slang: the abundance of Anglicisms, the tendency for word shortening, emotionality. The authors draw conclusions about the relationship between the functional load of this given lexical layer and the ways of its formation on the basis of a detailed comparative analysis of the lexical units belonging to these three language systems. Allo- and isomorphic features of slang formation in three languages are identified in this paper. Thus, all three language systems form the new web sphere vocabulary by means of semantic transformations. Borrowing is a specific feature of French and Russian languages (including calquing (modelling words and

constructions after foreign patterns) and hybridization of borrowed vocabulary, i.e. affix derivation of borrowed stems), while English language forms new words to a greater extent by means of clipping (abbreviation or truncation of word stems) or conversion.

Keywords: English language, Russian language, French language, web sphere vocabulary, web slang, lexical borrowing, clipping, semantic development

For citation: Ageeva A.V., Dementyev N.R. Web slang and the main trends of its development. *Kazan linguistic journal*. 2021; 1 (4): 81–92. (In Russ.)

Компьютер и Интернет-технологии к концу XX века стали неотъемлемой частью жизни практически каждого человека. Вместе с ними появились и специалисты в области IT: «компьютерщики», т.е. программисты, веб-разработчики и гейм-дизайнеры, а также хакеры и геймеры – и число их непрерывно растет вот уже три десятилетия. По мере развития IT-сферы у представителей вышеназванных групп (комьюнити) возникает необходимость в общении друг с другом с целью в максимально сжатой и экономичной форме кооперировать и координировать свои действия. Так и появляется компьютерный **сленг**, иначе называемый **веб-сленгом**.

С выпуском новых видов компьютеров и развитием компьютерной индустрии этот вид сленга становится все более распространенным явлением, а база сленговых единиц и выражений расширяется. В настоящее время веб-сленгу посвящаются многочисленные словари и сборники компьютерных терминов, статьи Интернет-ресурсов, призванные помочь разобраться в различных ситуациях общения между компьютерщиками.

В отечественной лингвистике, однако, веб-сленг чаще всего обходят стороной по нескольким причинам. Во-первых, в силу его относительной новизны, динамичности и вариативности, компьютерный сленг довольно сложен для системного изучения и категоризации, так как критерии последней до сих пор не определены. Во-вторых, до недавнего времени веб-сленг использовался только узкой группой людей и почти не проникал в повседневную речь, вследствие чего его изучение представляло интерес лишь в рамках описания различных типов профарго. Но в наши дни разноуровневая профессиональная лексика (включая субстандарт) нередко переходит в общеустановленные формы литературной и разговорной речи [1; 2]

и используется в художественных произведениях и публицистике [4], что и определяет актуальность нашей работы.

Цель настоящего исследования заключается в изучении некоторых механизмов становления и развития веб-сленга в разноструктурных языках. **Материалом** работы послужили данные сплошной выборки из онлайн-словарей компьютерного сленга, компьютерных форумов, разного рода текстовых и аудиовизуальных документов, содержащих руководства по работе с компьютером (стримы, гайды и т.п.).

Разумеется, изучение сленга невозможно без уточнения его определения. В разное время дать определение этому понятию пытались такие отечественные ученые, как И.Р. Гальперин, О.С. Ахманова, М.В. Арапов, Л.И. Скворцов, В.А. Хомяков и другие. Среди зарубежных ученых можно выделить Р. Спирса, Ч. Фриза, А. Дж. Лайтера, Э. Партриджа, О. Есперсена и других.

Наиболее популярна в отечественной лингвистике характеристика сленга, данная В.А. Хомяковым, который, называя его «компонентом экспрессивного просторечия», выделяет следующие системные черты:

1. Устойчивость. В рамках определенного периода сленг характеризуется как устойчивое и достаточно сбалансированное целое.
2. Широкая употребляемость. Как средство профессиональной (социальной) коммуникации данный лексический пласт способен выполнить свое предназначение лишь в условиях максимально широкого распространения в среде всех причастных к данной сфере.
3. Стилистическая маркированность. Сленгизмы обладают ярко выраженным сниженным характером, т.е. причисляются к субстандарту.
4. Коннотация. Сленгизмы обладают легко «считываемой» пейоративной экспрессией.
5. Гетерогенность. Лексические единицы, входящие в состав сленга, весьма неоднородны с точки зрения этимологии [6, с. 43–44].

С функциональной же точки зрения сленг, как и язык в целом,

- коммуникативен (позволяет индивидам выражать свои мысли, осознавать чужие и реагировать на них),
- когнитивен (несет в себе дополнительную информацию, отсутствующую в стандартных обозначениях),
- номинативен (явления окружающего мира получают собственные номинации, отличные от стандарта),
- экономичен (позволяет сэкономить языковые средства),
- конспиративен (позволяет классифицировать говорящего по признаку «свой/чужой»),
- эмоционально-экспрессивен (выражает определенное отношение к явлениям, оценивает их) [5, с. 209].

Итак, под веб-сленгом следует понимать лексическую подсистему, имеющую широкое распространение в речи людей, чья профессиональная деятельность и/или повседневная жизнь непосредственно связаны с компьютерной техникой. Важным моментом является тот факт, что веб-сленг, отличаясь разговорной и, в некоторых случаях, грубо-фамильярной окраской, практически полностью заменяет профессиональную лексику [3, с. 79]

Функциональный репертуар веб-сленга обусловил его лингвистическую специфику, касающуюся в первую очередь механизмов его наполнения и эволюции. Выделим некоторые доминирующие черты:

1. Обилие англицизмов. Англицизмы, т.е. заимствования из английского языка, активно начали проникать в другие языки в связи с процессом глобализации и «стирания» четких границ между культурами разных народов. США являются не просто «исторической родиной» высоких технологий, они остаются мировым гегемоном в данной области, что, разумеется, не может не способствовать активному проникновению английской лексики в профессиональный подязык специалистов в области ИТ. Немаловажную роль играет динамика данной сферы, характеризующаяся крайне высокими темпами развития. Нами проанализировано более тысячи сленгизмов в английском, французском и русском языках, на основании чего мы можем заключить, что

в двух последних (русском и французском) заимствование лексических единиц из первого (английского) является доминирующей тенденцией. Приведем примеры:

Cracker / Cracker / Кракер – a person who breaks in to a computer through a network, without authorization and with mischievous or destructive intent 'человек, взламывающий компьютер через сеть без авторизации и со злым умыслом или разрушительным намерением' – *здесь и далее перевод наш. Н.Д., А.А.* В целом во всех трех языках семантика слова совпадает, за некоторыми нюансами: так, ни во французском, ни в русском языке сема «со злым умыслом» не фиксируется, она подразумевается по умолчанию. В русском определении уточняется: человек, взламывающий системы защиты (**часто их ошибочно называют хакерами**) – *выделено нами. Н.Д., А.А.* Хакер (*hacker*) – слово с более широким значением, которое сформировалось в ходе долгой истории и подразумевает как киберпреступников, так и специалистов по информационной безопасности – и даже шире – любого специалиста по компьютерам.

Login / Login / Логин – a set of credentials used to gain access to an area requiring proper authorization 'набор учетных данных, используемых для получения доступа к области, требующей надлежащей авторизации'. Здесь следует отметить, что семантика английского фиксирует более широкое понятие: most logins consist of both a username and password and may be further protected by 2FA 'большинство логинов состоят из имени пользователя и пароля и могут быть дополнительно защищены с помощью двухфакторной аутентификации', т.е. *login* в английском языке – это *учетная запись* (или *учетка*) полностью. Во французском языке *login* – это лишь *nom d'utilisateur qui permet d'identifier un utilisateur qui se connecte sur un ordinateur ou un site internet*. Le login **est associé à un mot de passe** (password) 'имя пользователя, которое идентифицирует его при входе в учетную запись на компьютере или веб-сайте. Логин **связан с паролем**'. Русское определение еще более лаконично: имя учётной записи пользователя в любой форме. Интересно, что слово *login* было

заимствовано обоими языками в самом конкретном значении «имя пользователя». Мы предполагаем, что данный факт обусловлен тем, что при входе на сайт / в приложение, где требуется авторизация, слово *login* фигурирует в той строке, где нужно указать ник, т.е. имя пользователя. Сама же процедура называется чаще *enter (sign in) / entrer / войти*.

Newbie (noob) / Noob / Нуб – (new beginner) Internet slang for someone who hasn't been using computers or the internet long '(сокращение от new beginner – новичок) Интернет-сленгизм, обозначающий человека, недавно начавшего пользоваться компьютерами или Интернетом'. Слово фигурирует и во французском, и в русском языках во второй (усеченной) *noob / нуб* в том же значении «новичок или человек у которого ничего не получается, или он не знает, как правильно что-то сделать». Во французском языке пейоративный характер слова выражен еще более ярко: *un débutant, parfois jugé d'incompétent. C'est bien souvent une façon de bizuter un nouvel arrivant dans un jeu vidéo par exemple. 'новичок, иногда – некомпетентный. Например, часто это способ поиздеваться над новичком в видеоигре'*.

Причиной данного явления является тот факт, что английское слово короче и французского, и, тем более русского, что, безусловно, отвечает закону экономии языковых средств, свойственному любой лингвистической системе. Однако следует отметить также, что в силу более синтетического характера морфологической системы русского языка, процент т.н. «чистых» лексических заимствований несколько выше во французском сленге, тогда как русскому сленгу характерна гибридизация иноязычной лексики, т.е. ее оформление посредством словообразовательных аффиксов принимающей системы: префиксов и суффиксов: *пофиксить* – изменить что-либо, *аппликуха* – приложение, *демка* – демонстрационный фрагмент, *гифка* – файл в формате GIF, *бэкапить* – сохранять и т.д. Во французском языке аффиксация служит лишь для того, чтобы встроить заимствованный глагол в систему спряжения: *to click – cliquer, to fix – fixer*. Английскому языку суффиксальная деривация свойственна в меньшей степени, традиционно здесь преобладают

аналитические способы образования лексики, напр., конверсия *(to) zip*, *(to) fix*, *(to) back up*.

2. Тенденция к сокращению. Традиционно под сокращением понимается как аббревиация, так и усечение слова. Рассмотрим их отдельно.

а. Аббревиация. В данном случае мы снова, при схожести общей тенденции к аккумуляции аббревиатур и акронимов среди сленгизмов, наблюдаем расхождение в деталях: во французском и в русском языках регистрируется высокий процент заимствованных из английского языка аббревиатур (зачастую они даже не транслитерируются в русском): *HD / HDD*, *CPU / ЦПУ* – тогда как в английском языке они представляют результат собственного словотворчества.

б. Усечение основы. Доминирующей тенденцией здесь является усечение конечных слогов (апокопа) во всех трех языках: *bro / бро* 'от англ. brother' – друг, брат; *admin / админ* 'от англ. administrator' – системный администратор; *аттач* 'от англ. attachment' – файл, прикрепленный к электронному письму; *demo / дэмо / демо* 'от англ. demonstration' – неполная (ознакомительная) версия программы или игры и *app(s)* – прикладное программное обеспечение.

3. Эмоциональность игрового сленга. Причиной этого служит то, что человеку необходимо выразить свои эмоции, накопившиеся в ходе напряженной работы (зачастую командной) или игры. Веб-сленг позволяет проследить две полярные тенденции:

- компьютерной технике или ее комплектующим (т.н. «железу») свойственно развитие уменьшительно-ласкательных значений, например, *процек* – процессор, *клава* – клавиатура, *моник* – монитор;

- сниженной, откровенно пейоративной коннотацией часто обладают сленгизмы, именующие людей: *нуб* / *нубяра* / *нубас* – бестолковый новичок, *троль* / *трололо* – провокатор.

Помимо аффиксальной деривации эмоционально-окрашенная лексика во всех трех языках образуется за счет семантического развития:

driver (англ.) – 1. group of files that enable one or more hardware devices to communicate with the computer's operating system; 2. software that allows computer hardware, such as printers, to work with the operating system '1. группа файлов, позволяющих одному или нескольким аппаратным устройствам взаимодействовать с операционной системой компьютера; 2. программное обеспечение, позволяющее компьютерному оборудованию, например, принтерам, работать с операционной системой'. Перенос по сходству функций: водитель, управляющий автомобилем – файл, управляющий работой компьютера;

troll (англ.) – in Internet terminology, a troll is a person who posts offensive or off-topic comments online. These comments are often made to incite arguments or emotional responses from other users. Trolling, as it is called, may take place in Web forums, in blog comment sections, and in social networking websites 'в Интернет-терминологии «тролль» – это человек, публикующий в Интернете оскорбительные или не относящиеся к теме комментарии. Эти комментарии часто публикуются с целью спровоцировать споры или эмоциональную реакцию со стороны других пользователей. Троллинг, как называется это явление, может происходить на веб-форумах, в разделах комментариев блогов и на сайтах социальных сетей'. Тролль – злобное существо из скандинавской мифологии, отталкивающее внешне и не отличающееся умом. Данная номинация отчетливо указывает на отношение к подобным пользователям сети со стороны интернет-комьюнити;

zip (англ.) – to zip files is to archive and compress them into one file of smaller size using a program such as WinZip. It's a handy way to make files smaller before sending them via email 'заархивировать файлы – значит добавить их в архив и сжать в один файл меньшего размера с помощью такой программы, как WinZip. Это удобный способ уменьшить размер файлов перед их отправкой по электронной почте'. То zip – букв. застегивать на молнию, компактно упаковывать;

pilote (фр.) – ensemble de fichiers système permettant l'identification et l'utilisation des périphériques connectés à un ordinateur. Un pilote est non seulement spécifique à un équipement mais également au système utilisé dans l'ordinateur. Parvenir à brancher un nouvel équipement (appareil, imprimante...) sur l'ordinateur ne suffit pas à le rendre utilisable. Il faut disposer d'un programme dans l'ordinateur permettant de contrôler l'équipement: le pilote 'набор системных файлов, позволяющих идентифицировать и использовать периферийные устройства, подключенные к компьютеру. Выбор драйвера обуславливается не только подключаемым устройством, но и используемой компьютером операционной системой. Подключить к компьютеру новое оборудование (устройство, принтер...) недостаточно для начала его использования. Необходимо установить на компьютер программу для управления оборудованием: драйвер'. Принцип переноса значения тот же, что и у английского слова *driver*, т.е. по сходству функций: пилот (тот, кто управляет транспортным средством – пилот (системные файлы, управляющие работой компьютера);

sauvegarde (фр. сохранение) – la sauvegarde est une opération qui permet de copier les données sur un autre support. L'objectif de la sauvegarde est de pouvoir récupérer ces données si besoin (par exemple, suite au plantage d'un disque dur, suite à l'effacement de fichiers par erreur, etc). Pour sauvegarder les données, il est recommandé de stocker les sauvegardes dans un autre lieu et donc pas dans le même ordinateur. En effet, si vous sauvegardez vos données sur un autre disque dur dans le même ordinateur, vous ne pourrez pas récupérer les données si votre ordinateur est volé ou si le bâtiment dans lequel il est stocké prend feu! Maintenant avec Internet, il parfois judicieux de stocker ses sauvegardes sur le cloud 'sauvegarde – резервное копирование – это операция, позволяющая копировать данные на другой носитель. Цель резервного копирования – восстановить эти данные при необходимости (например, после сбоя жесткого диска, ошибочного удаления файлов и т. д.). Для резервного копирования данных рекомендуется хранить резервные копии в другом месте и, следовательно, не на том же компьютере.

Действительно, если вы сохраните данные на другом жестком диске того же компьютера, вы не сможете восстановить данные, если ваш компьютер будет украден или если здание, в котором они хранятся, загорится! Теперь, когда есть Интернет, в некоторых случаях разумно хранить резервные копии в «облаке»¹;

дрова (рус., от англ. driver) – драйверы. В данном случае семантическое развитие комбинируется с фонетической мимикрией (английское слово драйвер созвучно с русским словом дрова, что и послужило формальной основой переноса значения), тем не менее признаки метафорического переноса неоспоримы (как дрова нужны для того, чтобы разжечь костер, так и компьютер не будет работать без драйверов);

заворачивать (рус.) – архивировать, т.е. базой для переноса послужило значение «компактно упаковать». Интересно, что обратный процесс будет называться не *разворачивать*, а *распаковывать*, т.е. аналогия прослеживается еще более четко;

запилить / залить / слить (рус.) – загрузить, выставить на всеобщее обозрение. Причем два первых глагола имеют скорее позитивную коннотацию, например, *запилить видосик в YouTube* = *загрузил видео в YouTube*, тогда как последний – *слить* – несет четко выраженный негативный нюанс: сливают (разглашают) информацию, компромат, персональные данные и т.д.

Таким образом, подводя итоги нашего исследования, мы можем с уверенностью утверждать, что механизмы лексического наполнения веб-сленга в первую очередь регулируются его функциональной нагрузкой. Наиболее продуктивными источниками его развития в русском и французском языках являются заимствование и сокращение слов, что обусловлено несколькими факторами одновременно: потребностью в номинации и коммуникации между игроками разных национальностей, идентификации по признаку свой/чужой, экономии языковых средств. Выявленные нами случаи семантического развития как средства образования новых единиц обусловлены чаще всего потребностью в средствах экспрессии, которая возможна лишь на базе родного языка.

Литература

1. *Агеева А.В., Кашефразова К.Р.* Английская лексика в языке пользователей компьютерных онлайн-игр: анализ основных тенденций (на материале русского и французского языков) // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Казань, 2015. С. 27-29.
2. *Дементьев Н.Р.* Сленг сетевых игр: формирование и развитие (на материале французского сектора FPS) // Молодежь и актуальные проблемы современной науки. Ставрополь: Филиал МИРЕА в г. Ставрополе, 2018. С. 18-22.
3. *Зиятдинов А.М.* Сленг геймеров // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей по материалам III Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием (8 февраля 2013 г.). Ч. 1. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 77-82.
4. *Знамеровская А.О.* Краудсорсинг в локализации (на материале компьютерной игры "Bioshock Infinite") // Современные проблемы филологии, педагогики и методики преподавания языков. Казань: Изд-во КНИТУ-КАИ им. А. Н. Туполева, 2019. С. 116-122.
5. *Колесниченко А.Н.* Функции сленга в повести Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 5. С. 82-86.
6. *Хомяков В.А.* Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980. 168 с.

References

1. *Ageeva A.V., Kashefrazova K.R.* (2015). Angliiskaya leksika v yazyke pol'zovatelei komp'yuternykh onlain-igr: analiz osnovnykh tendentsii (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) // I. A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika. Kazan'. S. 27-29. (In Russian)
2. *Dement'ev N.R.* (2018). Sleng setevykh igr: formirovanie i razvitie (na materiale frantsuzskogo sektora FPS) // Molodezh' i aktual'nye problemy sovremennoi nauki. Stavropol': Filial MIREA v g. Stavropole. S. 18-22.
3. *Ziyatdinov A.M.* (2013). Sleng geimerov // Aktual'nye voprosy

filologicheskoi nauki XXI veka: sbornik statei po materialam III Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem (8 fevralya 2013 g.). Ch. 1. Ekaterinburg: UrFU. S. 77-82.

4. *Znamerovskaya A.O.* (2019). Crowdsourcing in localization (based on material of the computer game "Bioshock Infinite") // *Sovremennye problemy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya yazykov*. Kazan': Izd-vo KNITU-KAI im. A. N. Tupoleva. Pp. 116-122.

5. *Kolesnichenko A.N.* (2007). Funktsii slenga v povesti D. Selindzhera «Nad propast'yu vo rzhi» // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 5. S. 82-86.

6. *Khomyakov V.A.* (1980). *Nestandartnaya leksika v strukture angliiskogo yazyka natsional'nogo perioda*. L.: Izd-vo LGU. 168 s.

Авторы публикации

*Агеева Анастасия Владимировна –
доктор филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
E-mail: anastasia_ageeva@mail.ru*

*Дементьев Никита Романович –
магистрант
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия
E-mail: nrd1997@mail.ru*

Authors of publication

*Ageeva Anastasia Vladimirovna –
Dr, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: anastasia_ageeva@mail.ru*

*Dementyev Nikita Romanovich –
master
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: nrd1997@mail.ru*

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ И АФРИКИ

УДК 811.4

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ ГАНА

Д.Р. Сабирова, Р. Тенкоранг

Diana. Sabirova@kpfu.ru

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Поликультурное пространство Республики Гана отражает языковую ситуацию, сложившуюся в большинстве африканских стран, и проблема многоязычия в таком контексте представляет большой интерес не только для лингвистов, но и для представителей большинства гуманитарных и социальных наук. В последнее время повышается интерес носителей других культур к африканскому континенту, благодаря чему появляется значительное количество англоязычных описаний экзотических лингвокультур африканских народов. Исторические нарративы доказывают особенность африканского континента как примера мирового региона с наибольшим количеством представленных языков в мире. Настоящее исследование направлено на описание текущей языковой ситуации в Республике Гана с опорой на анализ состояния, функционирования и взаимоотношения языков и культур коренных народов в условиях англизации африканского континента, выявление степени воздействия языковой ситуации в стране на формирование английского языка как языка межкультурного общения, направленного на описание культуры Ганы.

Осуществленный исторический экскурс позволяет акцентировать меры, которые были предприняты для развития и сохранения языков коренных народов, предотвращения их вымирания (обязательное изучение местных языков в школах; возможности диалога культур в полилингвальной коммуникативной среде; активизация внеклассной работы с целью устойчивого развития локальных языков; начало реализации ряда языковых проектов по обучению грамоте родного языка и т.д.).

Ключевые слова: английский язык, лингвокультура, язык коренных народов, взаимоотношения языка и культуры, языковая ситуация, диалог культур, коммуникативные среды.

Для цитирования: Сабирова Д.Р., Тенкоранг Р. Сохранение и развитие языков коренных народов в Республике Гана. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1 (4): 93–110. (In Eng.)

PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF INDIGENOUS LANGUAGES IN THE REPUBLIC OF GHANA

Sabirova D.R., Tenkorang R.

Diana. Sabirova@kpfu.ru

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The multicultural space of the Republic of Ghana is a reflection of the linguistic situation, which prevails in most African countries, and the question of multilingualism in the

African context is of great interest, not only to linguists but to the representatives of other humanitarian and social sciences as well.

Recently, the interest of people from other cultural backgrounds in the African continent has increased, and as a result, a significant number of English-language descriptions of the exotic African linguistic cultures has appeared. Historical narratives have proven the uniqueness of the African continent as the region with the highest number of languages in the world. This study is aimed at describing the current language situation in the Republic of Ghana, by analyzing the state, functioning and language and culture interconnection of the indigenous languages in the context of anglicizing the African continent, identifying the degree at which the language situation in the country has influenced the formation of the English language as the language of intercultural communication describing the Ghanaian culture.

The historical analysis helps accentuate the measures which have been taken for the development and preservation of the indigenous languages in order to prevent their extinction (the compulsory study of the indigenous languages in schools; opportunities for dialogue between cultures in a multilingual communication environment; activation of the extracurricular activities aimed at the sustainable development of the local languages; the start of a number of language projects to enhance the provision of literacy in the indigenous language, etc).

Keywords: English language, linguistic culture, indigenous language, language and culture interconnection, language situation, dialogue between cultures, communication environment.

For citation: Sabirova D.R., Tenkorang R. Preservation and development of indigenous languages in the Republic of Ghana. *Kazan linguistic journal*. 2021; 1 (4): 93–110.

Located in the western region of the African continent, Ghana is a country which was once known as the Gold Coast before attaining independence, and since July 1960 has officially been known as the Republic of Ghana. Like other African countries, the Republic of Ghana was under colonial rule, until the 6th of March 1957, when under the leadership of Dr. Kwame Nkrumah, the country's first prime minister and president, it received independence. Ghana is the first country in the West African region to have attained independence from colonial power [5]. However, just like most former colonies, Ghana even after colonization had long ended, did not completely sever colonial ties and almost 64 years after independence, still maintains the language of its former colonial past, the British as the official language. Thus, in spite of the fact that there are over 80 indigenous languages spoken by the Ghanaian population, the English language is the official language of governance and administration in all sectors and hence, it is the language of instruction in all levels of education as well.

As stated above, there are over 80 indigenous languages which are native languages to different citizens of Ghana residing in various regions, and out of the

lot, 11 languages have written forms and are approved and sponsored by the government, to be taught in Ghanaian schools. The 11 indigenous languages of the Ghanaian population with written forms, in which formal literacy can be received are Akuapem Twi, Asante Twi, Mfantse, Ewe, Ga, Dangme, Dagbani, Nzema, Gonja, Dagaare and Kasem. The Akuapem Twi, Asante Twi and Mfantse are all the dialects of the Akan language. Genetically speaking, most Ghanaian languages trace their root to the Niger-Congo language family.

With the exception of the official English language and the multiple indigenous languages spoken in Ghana, mainly due to the reasons of migration and trade, there are other foreign languages spoken by a part of the Ghanaian population, these languages are Hausa, Arabic, the Chadic language, the language of the Muslim community, spoken and taught in special Islamic schools and French, which happens to be a school subject taught in Ghanaian schools, particularly in the urban centres.

The multilingual and, undoubtedly, multicultural character of the Republic of Ghana becomes clearer. Since the aim of this article is mainly to highlight the state of the indigenous languages, the following paragraphs will be focused on answering the questions pertaining to why the English language seems to dominate in spite of a large number of indigenous languages, if there is a possibility of adopting and adapting a national language out of the many indigenous languages, and also, some efforts being made generally to not only preserve the various indigenous languages from extinction, but also their further development will be discussed.

Why is the English language dominating at the expense of the indigenous languages?

The accurate answer to this question is yet to be found. However, upon observation, we have come to the understanding that the issue of English dominance is more of a political and economic nature than the linguistic one. This is so because, just as it is the case of other African countries who were once the colonies, there are multiple local languages native to the citizens but yet, the language of the former colonial power, which is native to none, remains the language of authority. The literal root for this phenomena can be traced mainly to globalization.

Globalization, according to the Cambridge online dictionary, can be defined as “the increase of trade around the world, especially by large companies producing and trading goods in many different countries” [3]. Politically and geographically, globalization can be defined as the phenomenon through which the world, as wide and diverse as it is, is gradually (if not completely) converting into a “village” and as typical of any village, there is a common language spoken by its members, and in this case, the English language is that chosen language, spoken by the members of the “global village”.

The question of the role of the English language in the globalization process has been studied by a number of social scholars, but for the purpose of this paper, a British linguist, David Crystal, and his book “English as a global language” should be mentioned. In application to the African context, contacts with the British empire introduced English to the African continent and the English dominance over the indigenous languages of anglophone African countries, in our opinion, is as a result of the position of people, fluent in the English language held from the colonial era till the present day [4].

Relating it to the Ghanaian context, we come to realize that, though there is a wide range of indigenous languages to choose from, the English language is the preferred most “prestigious” language of the masses, so much preferred that, even those who are not so fluent in the English language, would rather speak the diminutive form of the language, which is known as the pidgin English, than communicate in their own native language. Hence, though it is said that, there is power in numbers, this obviously does not apply to the indigenous languages in the Republic of Ghana, since as numerous as they are, the English language remains the dominant language. So, we came to the conclusion that, the power of the English language is not because of the number of its native or fluent speakers in Ghana, but rather, the authority possessed by a few who are literate in the language in the country. To further buttress this point, the Ghanaian parliament is a reserve of literates in the English language. There is no place for a Ghana citizen, who has no mastery of the English language in the Parliament House, regardless of how

patriotic and zealous he may be to contribute to the national development. This is because, sessions in the house of government is carried out in none other but the English language.

Amongst other reasons, not excluding the lack of the effective implementation of the language-in-education policy, after observations and studies, we may conclude, that the preference of the English language over the indigenous languages by the general Ghanaian population can be duly considered a major reason behind the inconsistency in the implementation of the language-in-education policy since its introduction.

Before going further, let us briefly look into the language-in-education policy mentioned above. This policy was aimed at promoting bilingual education, thus the use of both the official language and the indigenous language in the education process. Initial attempts at the implementation of this policy date back to the time between 1539 and 1925, thus the period before and during colonization. During this period, different European countries were in power in different regions of the country and hence, the education offered at all levels in the respective regions was in the indigenous language of the region and either English, Portuguese, Dutch or the Danish language, depending on the language spoken by the rulers of the region.

During the colonial period, however, the English language became the official language of education but from the first grade through to the third grade, the indigenous language of the region was used as the language of instruction and the English language was taught as a school subject.

After attaining independence, this policy has endured a lot of adjustment even to the point that, in the period after independence until 1966, the indigenous language was completely scrubbed off from the school system as the language of instruction, while the English language was maintained and happened again in May 2002 up to 2006. However, between 1957 and April 2002, the policy experienced some level of stability with the most stable period being 1970–1973, when the indigenous languages were used as languages of instruction in various regions across the country from the first grade through to the fourth grade [1].

Regardless of the instability of the language-in-education policy, with the knowledge of the necessity in maintaining and promoting literacy in the indigenous languages, and its subsequent benefit on the general human resource and national development, in the year 2009, the National Literacy Acceleration Program (NALAP) was launched to help support literacy in the indigenous languages and ensure that quality education is provided to kindergarten pupils through to grade 3 in the local language. This program in comparison with the previous attempts at promoting literacy in the indigenous languages, is the most effective, as it was not only theoretically implemented, but practical steps were taken to effect the implementation and success of the program, which includes the provision of the needed teaching and learning materials in the local languages, as well as the provision of training sessions to the teachers and school administrators, to equip them with the needed knowledge in order to adjust to the program accordingly.

In spite of the existence of the NALAP and its registered success, the Ghanaian population's preference of the English language over the use of the indigenous language weakens the essence of the program as it did with the initial language-in-education-policy.

Circling in on the issue of globalization giving the English language dominance over the indigenous languages is based on our observations. Parents are the stakeholders in the educational process and hence their cooperation or refusal to cooperate plays a key role in the success of any given educational program, regardless of how well-structured the program or policy may be. With this knowledge, we observed and realized, that most parents do not support the use of local languages in schools commenting that, there is no need in spending resources to educate their children in a language he or she may well learn from his environment, but with the knowledge and literacy in the English language, their children will be properly equipped to be able to fit into the global village.

The desire of a parent to provide his or her child with a quality future is natural and there is no reason for them to be apologetic about that. So, we suggest that, beyond providing the needed teaching and learning materials and educating teachers

on how to adopt and adapt to the NALAP scheme, in order for the program to achieve the purpose for which it was launched, there is the need to include and educate the parents on the importance of the program and what benefits it would provide for their wards. Thus, the general public must be educated and constantly reminded through the media and all possible channels, that the NALAP program is worth supporting, because it does not only aim at protecting and promoting the indigenous languages and cultures, but most importantly, it is aimed at helping their children to receive quality literacy in their native languages and subsequently transition to the use of the English language. Thus, rather than having certain unfamiliar concepts introduced and taught in an unfamiliar language to the child, the concepts in the earlier stages of education are introduced in the native language of the child, to enhance quality comprehension of the concept, before further studies in the English language. Parents must be made to understand, that, this way, their child's level of literacy in the early stages of education is not neglected but rather, it is gradually being developed, so that the general education process will not only be relatively easier on their ward, but effective.

Still on the educational sector, there are course programs offered in the indigenous languages at the undergraduate and postgraduate levels. However, due to the fact that tertiary education is expensive, parents or guardians are unwilling to foot the bill involved in educating their wards in those courses because they do not see their investments yielding any “prestigious” profits in the future. Hence, a fully functional scholarship scheme, funded by the Ghanaian government would in no doubt go a long way in promoting research and knowledge acquisition in the indigenous languages.

With that said, in the following paragraphs, some ways of protection and development of the indigenous languages in Ghana will be discussed.

The first of which is the existence of media communication platforms whose mode of transmission is the indigenous language of the citizens of Ghana. Before recent times, the English language which inhibited the majority of Ghanaians from understanding and being a part of national debates was dominantly the language

of the mass media. The main indigenous languages used by these mainly private radio and television stations are Akan, Ga, Hausa, Ewe and Dagbani. In recent years, the National Media Commission (NMC) has registered a number of indigenous radio stations, where entertainment, sport and issues of national interests are discussed in the main indigenous languages of the various ethnic groups. Not only does this boost nationwide involvement in the democratic and nation-building process, but it also helps promote literacy in the indigenous languages.

Regardless of the fact that, these media houses have experienced criticisms of media scholars and even the general public, for their work and mainly for the use of vulgar and other words which are culturally considered as linguistic taboos in various indigenous languages, they are still the choice of a majority of the Ghanaian population (regardless of their literacy in English or the lack thereof) as their primary source of information. The print media, however, continues to use the English language.

Still on the issue of how the media is playing a pivotal role in the preservation and development of indigenous languages, we would like to make examples from Ogbonu FM, Peace FM and UTV. These radio and TV stations host programs where they educate their audience on the culture of the people of Ghana. Peace FM for example, every Sunday evening, hosts a proverb competition in the Akan language, under the name “wo bu be aa, minsu mitsi be” which can be literally translated as “if you are good at speaking in proverbs, I also understand proverbs”, where guests are invited to give proverbs and the one with the highest amount of rightly spoken proverbs wins. Ogbonu FM on the other hand, hosts their programs in Ga, and promote the culture of the Ga people, whereas United TV, hosts the Heritage Ghana show, which is dedicated to the education of the public on everything pertaining to the Ghanaian cultural heritage.

We are of the opinion that, the media houses, though not ideal, considering the fact that they are still growing, are indeed helping in the sustenance of the indigenous languages, and with adequate regulations, there is the need for the support of the emergence and development of more media bodies that, that will promote the other

indigenous languages, thereby extending the number of local languages used in broadcasting.

While in the media sphere, we will be looking at the cinema and the entertainment industry in Ghana, and how it contributes to the preservation and development of indigenous languages. The Ghanaian music industry is diverse, not only linguistically but in terms of genre as well. Most religious and cultural songs are in the indigenous languages and of recent times, contemporary musicians who rap and sing in local languages are topping the charts in the country and even outside the country. Michael Owusu Addo, known in showbiz as Sarkodie is one of such contemporary musicians who sings and raps in the indigenous language.

However, there have been criticisms with regards to the use of, once again, vulgar and culturally inappropriate words especially by the Ghanaian hip life and hip-hop artists. Though, this is a setback, we are of the view point that, with the right control measures and policies put in place, this problem can be curbed and through music, the indigenous languages will be preserved from extinction. To add, considering the sector of cinematography, the local movie industry has also contributed to the sustenance of the local languages. This sector, however has suffered in recent years, due to the preference of other movies produced in the English language. But this, in our opinion is a problem that can be curbed if the quality of the local movies is improved, to match up with the other movies.

The next sector to be discussed is the sector of local governance. As stated earlier, the Republic of Ghana is divided into regions and in each region, there are arms of local governance which run through to the grassroots. Thus, every village has a chief who is responsible for governance at the village level, and at the village level, administration is done solely in the indigenous language of the members of the village. Regardless of the fact that, the chief and some members of his royal panel may have received formal education and hence are literate in the English language, their governance and decision-making procedures are done in the native language of the set region. Also, yearly festivals are organized and in this way, not only is the history and culture of the people preserved, but it is also passed on from generations

to generations and this, in our opinion plays a very important role in the preservation of the indigenous languages and cultures of the people of the Republic of Ghana.

Furthermore, the Ghanaian population is not only diverse in terms of language, but in terms of religious beliefs as well, there are three main religions popularly recognized and practiced in the Republic of Ghana, and they are; the Christian religion, the Islamic religion and the traditional religion. Though these religions are completely different in their belief systems, they unite in the Ghanaian context on the grounds that, the language they use is mainly native to their members. Thus, on a typical Sunday, when most Christians go to their various places of worship, the sermons are preached mainly in the language, native to the indigenes. In the urban context, however, sermons in some churches are offered in English, while translations are made available, mainly in either Akan and Ga, or Akan and Ewe. Whereas in the Islamic community, the language used is Arabic but in the traditional religious system, the language for rituals and rites is solely the indigenous language.

To elaborate this point and how it helps promote and preserve the indigenous languages from extinction, we will be focusing on the Christian religion, because, with an approximated percentage of 71%, the Christian religion is, without a doubt the belief system of a majority of the Ghanaian population [7, p. 63]. The existence of the Ghana Institute of Linguistics, Literacy and Bible Translation (GILLBT) is a key factor in explaining how religion has a role to play in the preservation and development of indigenous languages in the Republic of Ghana. The Christian religion, before the arrival of foreign missionaries to the shores of the Gold Coast in the early eighteenth century, was foreign to the people of Ghana. The belief system practiced then, was the traditional ancestral worship. Now, the Christian religion, which was once foreign is the most popular religion practiced in Ghana, consisting of multiple denominations. Circling in on how indigenous languages are being preserved and promoted through this belief system, we will be looking at the GILLBT mentioned earlier.

The Ghana Institute of Linguistics, Literacy and Bible Translation, is an organization which is affiliated with the Institute of African Studies in the University of Ghana, Legon and in the quest to spread Christianity, is involved

in translating the Bible into the minority languages, in order to make it accessible to the Ghanaian people who are not literate in the English language, but are Christians and hence have a need for the Bible for their spiritual growth. The organization, since its inception in the twentieth century, has been able to translate the Bible into 30 indigenous Ghanaian languages. This, in our opinion is a great feat, considering the fact that, it is a non-governmental organization, just like the Bible Society of Ghana, and hence is not funded by the government of Ghana. The latter, however has currently been able to translate the Bible into 8 indigenous languages. To add, the GILLBT, in collaboration with the National Commission for Civic Education (NCCE), a body, accredited by the government for the education of Ghanaian citizens on laws and policies amongst other things, have translated the 1992 Constitution of Ghana into 30 minority languages. Also, the GILLBT, in support of the rights of women and to help curb domestic violence, collaborated with the International Federation of Women Lawyers, to translate the Rights of Ghanaian Women into minority languages, hence empowering women to be able to stand for their rites.

Considering the achievement of the GILLBT, mentioned above, and also the fact that, with the exception of Bible translation, they are also involved in providing mother tongue literacy to children who, mainly for financial reasons are not in school, we suggest the need for the Ghanaian government to adopt this organization and make it a part of the Bureau of Ghana Languages (BGL), support and fund it, tasking the organization in conjunction with the Ministry of Education, with the responsibility of providing teaching and learning materials in more of the indigenous languages. Though, this may come across as financially strenuous, we recommend the adoption of GILLBT as part of the Bureau of Ghana Languages (BGL), because, in our opinion, they are in solidarity with regards to the indigenous languages, thus they both aim at providing and promoting literacy in the indigenous languages, irrespective of the fact that, the approach of the GILLBT is religion oriented.

The process of preserving and promoting the indigenous languages, is a tedious task, financially and even theoretically, so a cooperative work between the GILLBT,

BGL and the Ministry of Education, in our opinion will go a long way in easing the strain in the attainment of the set goal, thus the preservation and development of the indigenous languages. Bearing in mind that, there is strength in numbers, we are of the opinion that, this way, with the combined forces of the various experts in the respective organizations, written and other documented materials in the indigenous languages will be made available at a relatively faster pace, and over time, they will be gradually developed and incorporated into the educational system, subsequently increasing the number of indigenous languages, in which literacy can be acquired. To add, regardless of the fact that, it may take a lot of time to be able to incorporate new languages into the educational system, there is the need for the documentation of the indigenous languages, most especially the ones that are spoken by the minority, and in this way, the language and undoubtedly, the culture of the minority is preserved and subsequently developed over time.

Is the adoption and adaptation of an indigenous language as a national language a means of redemption?

In the proceeding paragraphs, the issue of adopting and adapting an indigenous language as a national language and how it may facilitate the process of protecting and developing the indigenous languages in the Republic of Ghana is discussed. As well as some factors that may inhibit the process of selecting one of the indigenous languages as a national language.

A national language, can simply be defined as a recognized language or group of languages, spoken by the majority of people in a given country and instrumental in socioeconomic activities and development.

Before any further discussions on the importance of having a national language, we would be considering the possibility of adopting a particular indigenous language as the national language of the Republic of Ghana. This issue, we are aware, bears a politically sensitive character and must be addressed with caution. This is because, delegating a particular language out of the multiple indigenous languages, indirectly means relegating power, both political and economic to the speakers of that

language. This may also imply the biased development of that selected language and the subsequent negligence of the other indigenous languages.

The Republic of Ghana is administratively divided into 16 regions and it comprises of over 70 ethnic groups. The majority of the ethnic groups, in order of size are Akan, Mole-Dagbon, Ewe, Ga-Dangme, Gurma, Guang, the Kusaasi and the Konkomba people. Since the attainment of independence, 5 population censuses have been conducted in the Republic of Ghana, and the most recent one was conducted in 2010. A summarized representation of the data accumulated from the 2010 Population and Housing Census (PHC), presenting the population of the Republic of Ghana according to 5 major ethnic groups, has it that, 47.5% of the total Ghanaian population belong to the Akan ethnic group, the Mole-Dagbon ethnic group with 16.6% of the total population is next, followed by the Ewe, Ga-Dangme, Gurma and Guan ethnic groups with percentages of 13.9, 5.7 and 3.7 respectively [7, p.62].

Typically, based on the data presented in the previous paragraph, one could easily suggest the Akan language as the best and indisputable candidate to be chosen as the national language out of the multiple indigenous languages, however, in reference to the previous paragraph which highlights the politically sensitive nature of this question, selecting the Akan language as the national language without adequate and careful education and preparation of the citizens has a great tendency of creating ethnic conflicts, because the other ethnic groups are without a doubt, going to express their displeasure as to why one language is preferred to theirs. And as said earlier, this selection, if not thought through properly, may lead to ethnic conflicts.

This, in our opinion is the underlying factor, explaining why most former colonies who are multilingual in nature, prefer to just stick with the language of the former colonial time, in spite of the fact that they are literally spoilt for choice with regards to languages. We hold this opinion because, institutionally, maintaining the language of the former colonial time seems to be the only viable and relatively easy way to avoid the Tower of Babel experience. Thus, this language being the official

language of administration, serves the purpose of unifying the entire nation to strive together for national development.

However, according to a study conducted by Mohammed Sadat and Abigail Ayiglo Kuwornu on the streets of Accra, most of the respondents were of the opinion that, adopting a native language and adapting it as a national language would be a good choice, and when asked which of the indigenous languages to be selected, the Akan language was the obvious choice of the majority of respondents [4]. This is to say, that, adopting a national language from the multiple choices, would be welcomed in the Republic of Ghana, but ahead of the adoption and implementation process, in order to avoid the emergence of any displeasure on the part of other ethnic groups who are speakers of different indigenous languages, there is the need for nationwide education and sensitization on the fact that, selecting a particular language does not mean that the speakers of that language are superior to the speakers of the other languages. To add, there would also be the need to assure the members of the relatively minority ethnic groups that, the fact that the language of a particular ethnic group has been selected, does not mean they are neglected. This assurance, however should not be in just words, put through the implementation and promotion of policies and programs to help develop the other languages. We suggest the development of the other indigenous languages even when Akan or any other language has been selected, because it would be historically and linguistically disappointing to concentrate on just the selected national language and just watch the rest of the indigenous languages die out.

Another option, with respect to the issue of adopting an indigenous national language, not being oblivious to the possibility of it provoking an ethnic conflict, is a theoretical pluralistic approach, known as linguistic pluralism which, in plain words can be defined as giving all languages equal rights in all spheres of life. This approach, though not exactly cost-effective, would be pivotal, not only in the protection of indigenous languages from extinction, but also in the prevention of a possible conflict that may result from the selection of just a particular language

or languages out of the multiple languages, and bestowing upon it the socioeconomically prestigious tag of a national language [2].

Thus, the option of adopting and adapting an indigenous language as a national language, though nationalistic and may help highlight the importance of the indigenous languages, bears a politically sensitive nature and if not handled properly, may do more harm than the good it was intended to achieve.

Language preservation and development is a long-term project that, in our opinion has no end. It requires a lot of time and investment, mainly financial. But regardless of how strenuous it is, it is worth every iota of energy invested in it, because bearing in mind the interconnection of language and culture, the extinction of a language is not just the death of a particular language, but it implies the erosion of the history and the culture of the people that once spoke the language. In the Ghanaian context, efforts are being made to preserve the indigenous languages and as mentioned and already elaborated in the previous paragraphs, these efforts include the NALAP program, which, like the previous language-in-education policy, is aimed at promoting bilingual education, mainly at the lower primary level of education.

Some other things, mentioned in the preceding paragraphs which in our opinion have helped salvage the indigenous languages from extinction are its use in broadcasting, entertainment, local governance and for religious purposes.

The issue of adopting and adapting an indigenous language as a national language was also addressed, but the politically sensitive nature of this topic, in our opinion is a major drawback and hence we support a more pluralistic approach of giving all indigenous languages equal attention, in all spheres of life, as much as possible. This, we are aware is an expensive approach, especially considering the provision of printed materials to support literacy in all the indigenous languages. Hence, we recommend a gradual increase in the number of formal local languages, as much as it will be financially feasible.

Some recommendations made to help salvage the indigenous languages from extinction and to support their development include the provision of scholarship programs to subsidize the cost of education, mainly at the tertiary level, for students

who are pursuing course programs in any of the local languages. This way, there will be motivation of students to take up these courses and eventually graduate and become teachers of the various local languages, research personnel, or broadcasters, who will make up for the deficit of teaching staff in the educational sector, produce literature materials in the indigenous languages and promote the importance of the indigenous languages. To add, we recommend a cooperative approach on the part of all interested bodies in the promotion of literacy in the indigenous languages. And we made mention of the GILLBT, BGL and the Ministry of Education. We also recommended the need for the promotion of the private broadcasting and entertainment industries, since they also contribute to the salvation process of the indigenous languages from extinction.

Regardless of everything mentioned above, we understand that, the cooperation or the lack thereof of the Ghanaian population is pivotal in the preservation, revitalization and subsequent development of the indigenous languages and hence, we recommend a sensitization and education program of the general public on the need to protect their respective indigenous languages, because it is their identity as individuals and losing the language implies losing their identity. This, we consider is very vital because, even if all the policies are put in place administratively to support indigenous languages in education, indigenous language broadcasting and all other things mentioned above, that are aimed at the preservation and development of indigenous languages, and yet there is no mental shift on the part of the citizenry with regards to their outlook on the importance of the indigenous languages, then all the efforts would be futile. Therefore, there is the need for the Ghanaian population, to come to the realization that, bilingualism in education and even multilingualism in other spheres of life, is not a question of “either or”, hence educating children in English does not imply the need to neglect literacy in the indigenous languages, and likewise, literacy in the indigenous languages is not a synonym for illiteracy in the English language.

Литература

1. *Сабирова Д. Р., Тенкоранг Р.* Языковая ситуация в поликультурном образовательном пространстве Республики Гана // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 2. // URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29738> (дата обращения: 09.02.2021)
2. *Agyekum K.* Linguistic Imperialism and Language Decolonisation in Africa through Documentation and Preservation// In African Linguistics on the Prairie (pp. 87-104). Berlin: Language Science Press. 2018. // URL: <http://doi.org/10.5281/zenodo.1251718> (accessed: 10.02.2021).
3. Cambridge dictionary // URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/globalization> (accessed: 08.02.2021)
4. *Crystal D.* English as a Global Language, 2nd Edition. Cambridge University Press, 2012. pp. 1–25.
5. New world encyclopedias // URL: https://www.newworldencyclopedia.org/entry/Western_Africa (accessed: 08.02.2021).
6. *Sadat M., Kuwornu A.A.* Views from the Streets of Accra on Language Policy in Ghana// Journal of Education and Practice. Vol.8, № 2, 2017.
7. 2010 Population and Housing Census// National Analytical Report. Ghana Statistical Service, May 2013.

References

1. *Sabirova D.R., Tenkorang R.* Language situation in a multicultural educational space of the republic of Ghana // Modern Problems of Science and Education. 2020. № 2. // URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29738> (дата обращения: 09.02.2021). (In Russian)
2. *Agyekum K.* (2018). Linguistic Imperialism and Language Decolonisation in Africa through Documentation and Preservation// In African Linguistics on the Prairie (pp. 87–104). Berlin: Language Science Press. // URL: <http://doi.org/10.5281/zenodo.1251718> (accessed:10.02.2021). (In English)

3. Cambridge dictionary // URL:
<https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/globalization> (accessed:
 08.02.2021) (In English)

4. *Crystal D.* (2012). English as a Global Language, 2nd Edition. Cambridge University Press. pp. 1–25. (In English)

5. New world encyclopedias // URL:
https://www.newworldencyclopedia.org/entry/Western_Africa (accessed:
 08.02.2021). (In English)

6. *Sadat M., Kuwornu A.A.* (2017). Views from the Streets of Accra on Language Policy in Ghana// Journal of Education and Practice. Vol.8, № 2. (In English)

7. 2010 Population and Housing Census// National Analytical Report. Ghana Statistical Service, May 2013. (In English)

Авторы публикации

Сабирова Диана Рустамовна –
 доктор педагогических наук, доцент
 декан Высшей школы
 иностранных языков и перевода
 Казанский федеральный университет
 Казань, Россия
 E-mail: Diana.Sabirova@kpfu.ru

Тенкоранг Рита –
 магистрант Высшей школы
 иностранных языков и перевода
 Казанский федеральный университет
 Казань, Россия
 E-mail: rtenkorang001@st.ug.edu.gh

Authors of the publication

Sabirova Diana Rustamovna –
 Doctor of Pedagogics, Associate Professor
 Head of the Higher School
 of Foreign Languages and Translation Studies
 Kazan Federal University
 Kazan, Russia
 E-mail: Diana.Sabirova@kpfu.ru

Tenkorang Rita –
 Master's Degree Student
 of the Higher School
 of Foreign Languages and Translation Studies
 Kazan Federal University
 Kazan, Russia
 E-mail: rtenkorang001@st.ug.edu.gh

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.146

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ УДАЛЕННОГО ОБУЧЕНИЯ

Н.В. Тихонова

nvtikhonova@kpfu.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Вынужденный переход системы высшего образования во всем мире на дистанционный формат обучения в связи с пандемией COVID-19 вызвал целый ряд организационных, технических, педагогических и психологических проблем. Одним из самых дискуссионных вопросов в контексте организации удаленного обучения стал поиск адекватных форм оценки знаний и компетенций студентов. Обострилась проблема академической нечестности и низкой эффективности традиционных форм контроля, основанных на воспроизведении заученного материала.

Целью настоящей статьи является анализ основных проблем организации промежуточной и итоговой аттестации в высшей школе в условиях удаленного обучения, в том числе этические и технические проблемы онлайн-экзаменов. На основе опыта разных стран в период карантина обсуждаются новые подходы к оценке образовательных результатов студентов в условиях удаленного обучения. Особое внимание уделяется пересмотру и совершенствованию контрольно-измерительных материалов, необходимости использования гибких режимов оценивания и повышению значимости текущего контроля, а также внедрению альтернативных форм оценивания, направленных на развитие творческого и критического мышления студентов, таких как проектная работа, цифровое портфолио, «экзамен с открытой книгой» и др.

Ключевые слова: оценка знаний, пандемия, дистанционное обучение, онлайн-обучение, онлайн-экзамен, аутентичное оценивание.

Для цитирования: Тихонова Н.В. Организация контроля знаний студентов в условиях удаленного обучения. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1 (4): 111–125.

STUDENTS' KNOWLEDGE ASSESSMENT IN ONLINE LEARNING

N.V. Tikhonova

nvtikhonova@kpfu.ru

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The sudden transition of the higher education institutions around the world to e-learning in the time of COVID-19 pandemic has raised significant challenges. A particular challenge in the context of remote learning has been the search for valid online assessment tools, measuring student knowledge and skills and organizing student examinations on line. Academic dishonesty and poor performance of traditional assessment methods based on the mechanical reproduction of memorized learning materials have become increasingly challenging issues.

The purpose of this paper is to analyze the challenges, including ethical and technical issues, related to conducting assessments activities and end-of-term examinations from a distance. Based on the experience of different countries during the global health crisis, various strategies and

solutions for online student knowledge assessment are discussed. Particular attention is paid to the redesigning and improving the mainstream measurement methods, the introducing of flexible modes of examination, the using of alternative assessments aimed at developing students' creativity and critical thinking, such as project work, digital portfolios, open book exams, and the increasing the importance of multiple and regular assessments throughout the duration of a course.

Keywords: knowledge assessment, pandemic, distance learning, online learning, online exam, alternative assessment.

For citation: Tikhonova N.V. Students' knowledge assessment in online learning. *Kazan Linguistic Journal*. 2021; 1 (4): 111–125. (In Russ.)

После вынужденного перехода системы образования во всем мире на «домашнее обучение», произошедшего весной 2020 года, всем очевидным стал тот факт, что полного возврата к традиционной системе высшего образования уже не будет. Мы намеренно не называем обучение, проводимое в условиях пандемии, дистанционным, поскольку дистанционное обучение в его классическом понимании предусматривает четкое планирование учебного процесса в дистанционном формате. В условиях вынужденного перехода на онлайн формат такое планирование было невозможно в силу отсутствия времени на корректирование программ очного обучения. Преподавателям пришлось перестраиваться «на ходу», осваивать новые образовательные ресурсы, менять стиль и методы работы, внедрять новые формы контроля, так как часть традиционных форм обучения и контроля стали абсолютно неэффективными в электронном формате [8, с.1].

Многочисленные социологические опросы в прессе и анкетирования, проводимые вузами, свидетельствуют о том, что переход на удаленное обучение был сложным как для преподавателей, так для студентов, и сопровождался целым рядом организационных, технических, педагогических, психологических и иных проблем [2]. Все это не могло не сказаться на качестве обучения. С наименьшими потерями для качества прошли этот период те вузы, где еще до карантина активно внедрялись цифровые технологии в образовательный процесс, и там, где преподаватели и студенты смогли сравнительно безболезненно и быстро адаптироваться к новому формату обучения. Однако, если сам образовательный процесс в большинстве случаев

был более-менее успешно реализован, проведение экзаменов вызвало ряд серьезных трудностей.

Основными проблемами, обсуждаемыми в контексте проведения онлайн-экзаменов, стали следующие: 1) как преподаватели могут проверить, что студенты самостоятельно выполняют задания, 2) как оценить результаты обучения в тех прикладных областях, где сложно продемонстрировать знания на расстоянии, 3) какие формы контроля могут обеспечить корректную и объективную оценку знаний студентов в онлайн формате [11, с.2]. Сложность этих вопросов и отсутствие однозначных ответов привели к тому, что многие вузы отказались от проведения итоговой аттестации в конце года. В России ряд вузов, в том числе КФУ, ограничились защитой выпускных квалификационных работ.

В условиях риска нового этапа удаленного обучения, вопросы обеспечения качества образовательного процесса и использования адекватных средств оценки знаний онлайн остаются весьма актуальными.

Целью настоящей статьи является анализ основных проблем, связанных с организацией и проведением экзаменов в вузах в условиях удаленного обучения, а также возможных вариантов решения этих проблем, которые могут быть в дальнейшем использованы в традиционном и смешанном форматах обучения и будут способствовать развитию профессиональных и личностных качеств студентов.

Материалом исследования послужили статьи зарубежных и отечественных авторов, публикации Организации экономического сотрудничества и развития и ЮНЕСКО по теме исследования, результаты опроса студентов Казанского федерального университета и личный опыт автора статьи.

Прежде всего, стоит отметить, что контроль знаний является одной из наиболее острых и дискуссионных проблем организации дистанционного обучения. В научной литературе выделяют два противоположных подхода к проведению мониторинга знаний в удаленном формате: тотальный контроль

и свободное использование любых средств, у каждого из которых есть свои достоинства и недостатки [3, с.384].

Интерес представляет, в связи с этим, опрос мнения студентов, проведенный во время карантина весной 2020 года среди студентов 1-го курса, обучающихся по направлению «Лингвистика» в Институте международных отношений КФУ. По мнению студентов, самыми объективными средствами контроля знаний в условиях удаленного обучения являются устное собеседование с преподавателем (42%), онлайн-тесты (41%) и проектные и творческие задания (33%). При этом 20% опрошенных ответили, что в условиях дистанционного обучения невозможно объективно проверить знания. Подобной точки зрения придерживаются и многие преподаватели.

Однако, мы не можем в полной мере согласиться с данным утверждением. Скорее, оно отражает идею о том, что традиционные формы контроля знаний и навыков малоэффективны в удаленном формате, но, если принять во внимание все ограничения дистанционного формата и пересмотреть стратегию проведения экзаменов, безусловно, можно найти оптимальные средства контроля образовательных результатов студентов, которые были бы эффективны в удаленном формате обучения. Разумеется, мы не говорим сейчас о таких практико-ориентированных направлениях обучения, где это в принципе невозможно в силу специфики профессии.

На самом деле, часть проблем, связанных с дистанционными онлайн-экзаменами, существовала и до закрытия университетских кампусов, но они были усугублены в условиях санитарного кризиса. К ним, в частности, относится проблема *академической нечестности студентов*, которая на практике проявляется в обманах, списываниях и плагиате [9, 12].

В обычной ситуации учебные заведения и преподаватели имеют возможность контролировать студентов, по крайней мере, при сдаче экзаменов. В условиях удаленного обучения возможность контроля студентов преподавателями была ограничена. Студенты, сдавая экзамен из дома, могли воспользоваться

шпаргалками и различными ресурсами, обращаться за помощью к третьим лицам или даже просить их сдать за них экзамены.

При этом, важно понимать, что академическое мошенничество не просто снижает качество и эффективность образования, оно превращает образовательный процесс в его имитацию, поэтому решение данной проблемы имеет важное значение для любого вуза и для общества в целом [5, с.100].

Второй проблемой является *оценка практических знаний и навыков*. В определенных направлениях обучения (искусство, медицина, физическое воспитание и др.) для оценки сформированности компетенций студентов требуется непосредственное наблюдение за фактической способностью учащихся выполнять практическое действие либо использование лабораторного и иного оборудования. Проведение тестов и письменных работ в таких случаях не отражает уровень приобретенных навыков.

В настоящее время ведется активная работа по разработке и внедрению альтернативных форм оценивания практических навыков студентов при помощи виртуальных тренажеров и цифровых симуляторов, которые позволяют имитировать различные процессы и устройства в виртуальной среде. Виртуальные тренажеры эффективно применяются в медицинском, инженерном и даже педагогическом образовании [4], однако, в настоящее время они не получили широкого распространения в силу высокой стоимости подобного оборудования или невозможности его использования для целей онлайн-образования.

Невозможность *обеспечения равных условий обучения* для всех стала одной из серьезных проблем дистанционного формата. При очном обучении все студенты сдают экзамены в одинаковых условиях. При реализации удаленного обучения многие студенты столкнулись с различными бытовыми и техническими проблемами: отсутствие отдельной комнаты для учебы и сдачи экзаменов, разное качество гаджетов, скорость интернета и т.д. В ходе проведения занятий и экзаменов онлайн в нашей практике были случаи, когда студент, проживающий в общежитии, не мог полноценно участвовать

в занятии, потому что рядом параллельно учились студенты из других групп. Безусловно, это отрицательно воздействовало на качество ответов, так как студенту трудно было сосредоточиться, он нервничал и отвлекался на посторонние шумы.

Адекватная и стабильная техническая инфраструктура является ключевым условием для проведения онлайн-экзаменов. Для учебных заведений это означает наличие хороших серверов, компьютеров и бесперебойного интернет-соединения. То же самое относится к студентам и преподавателям. Но даже при наличии передовой технологической инфраструктуры никто не застрахован от возникновения возможных *технических сбоев* во время проведения экзамена. Достаточно отказа одного из компонентов системы (образовательная платформа учебного заведения, индивидуальные компьютеры студентов или преподавателей, локальные Интернет-провайдеры), чтобы поставить под угрозу законность экспертизы. Кроме того, эта ситуация обостряет проблему нечестного поведения студентов, когда они могут оправдать низкие результаты, полученные на экзамене, техническими неисправностями, плохой связью и т.д.

Как показала практика, в разных странах вузы использовали разные подходы к решению вышеупомянутых проблем. Например, во Франции вузы решили отказаться от проведения выпускных экзаменов, и оценка была выставлена по текущим результатам. Нужно отметить, что *отмена или перенос экзаменов на более поздний срок*, стала одной из самых распространенных стратегий во всем мире.

При этом всем было ясно, что отмена экзамена – это временная мера, и она, возможно, была наиболее адекватным решением в краткосрочной перспективе, но не решила полностью проблему оценки знаний в дистанционном формате, а лишь позволила отсрочить ее решение. Ситуация с повторным переходом на карантин многих вузов осенью 2020 года лишь подтвердила необходимость поиска других путей.

Ряд вузов решили проблему организации текущих экзаменов путем пересмотра учебных планов и программ. В удаленном формате были проведены преимущественно теоретические курсы, а лабораторные занятия и практика были перенесены на более поздние семестры. Некоторые учреждения организовали так называемые «периоды наверстывания» во время летних каникул, чтобы дать студентам шанс закрыть семестр [10].

Во многих странах были также вузы, которые приняли решение не отменять экзамены, а провести их с использованием специализированных систем наблюдения за экзаменом в удаленном формате - *онлайн-прокторинга*. Данная система является одним из способов противодействия академической нечестности студентов, она позволяет проверить личность тестируемого перед началом экзамена и вести видеозапись на протяжении всей процедуры. При необходимости процесс контролируется администратором (преподавателем или внешним экспертом), который наблюдает за действиями экзаменуемого и видит, что происходит на мониторе его компьютера и в его комнате. При обнаружении необычных или подозрительных действий студенту делается предупреждение. Система онлайн-прокторинга была успешно использована в ряде российских вузов во время проведения государственной итоговой аттестации в период карантина и позволила провести объективный контроль над процедурой экзаменов [6, с.75-76].

Тем не менее, ряд авторов отмечают, что онлайн-прокторинг не является идеальным решением для предотвращения нечестного поведения. Студенты, при желании, всегда найдут возможность обмануть систему. Кроме того, подобный контроль увеличивает беспокойство и стресс при сдаче экзамена. Существует также проблема конфиденциальности и защиты данных учащихся в случае аудио- и видеозаписи. И, наконец, технология онлайн-прокторинга требует стабильного функционирования ИТ-систем, серверов, компьютеров и Интернета. Возможные технические сбои могут иметь серьезные последствия для признания результатов экзаменов [11, 5].

Учитывая все эти потенциальные риски, а также высокие финансовые и человеческие затраты, которые несет онлайн-прокторинг, мы считаем, что целесообразно пытаться предотвратить академическую нечестность другими способами, например, при помощи *изменения формата экзамена*. Далее представлены наиболее распространенные в научной литературе стратегии проведения экзаменов, которые были апробированы вузами в период пандемии COVID-19:

- Экзамены, которые изначально планировались как письменные, могут быть проведены в *устной форме*. Это частично решает проблему нечестного поведения студентов и дает возможность учесть бытовые и технические условия каждого студента. Одним из вариантов проведения онлайн-экзамена, обеспечивающим максимально близкое к реальной ситуации оценивание знаний учащихся, может быть тестирование в прямом эфире, когда преподаватель демонстрирует вопрос в режиме видео-конференции, и студент отвечает устно непосредственно преподавателю [1, с.61]. Такой метод, с одной стороны, гарантирует, что студент отвечает самостоятельно без посторонней помощи, но с другой стороны, существенно увеличивает трудозатраты преподавателя.

Нужно отметить, что устные экзамены всегда требуют значительных временных затрат от преподавателей, особенно когда речь идет об оценивании больших групп студентов. В таких обстоятельствах альтернативным решением может быть, привлечение дополнительного преподавательского состава для оценки студентов (например, магистров или аспирантов), сокращение продолжительности экзаменов или, в областях, где это возможно, – проведение групповых устных экзаменов. Этот вариант приемлем, в частности, в случае с иностранным языком, так как, именно в процессе непосредственного общения со студентами преподавателю проще всего определить уровень их владения иностранным языком.

- Зарубежные авторы предлагают использовать *гибкие режимы оценивания*, что предполагает предоставление студентам возможности выбирать формат

экзамена между различными вариантами, например, устный экзамен или письменный тест под наблюдением. Содержание экзаменов, разумеется, должно быть сопоставимым и иметь одинаковый уровень сложности. Этот вариант позволяет учитывать индивидуальные особенности студентов, снизить уровень стресса и предотвратить нечестное поведение [9]. Среди отрицательных моментов стоит еще раз упомянуть увеличение нагрузки для преподавателя, связанное с разработкой дополнительных вариантов заданий.

- *Установление более жестких временных рамок* также является способом предотвращения нечестного поведения в случае, если время, потраченное на поиск обходных путей, конкурирует с временем, необходимым для ответа на экзаменационный вопрос. Данный вариант был апробирован автором статьи в ходе текущего контроля в период весеннего семестра 2020 года, однако, не показал своей эффективности в силу проявившихся технических ограничений (разной скорости подключения к Интернету, «зависания» платформы, гаджетов и др.), о которых упомянули большинство обучающихся. В итоге это привело к повышению уровня беспокойства и низким результатам.
- В современных условиях открытого доступа к любой информации наиболее прогрессивным подходом к оцениванию образовательных результатов является *экзамен с открытой книгой* (англ. open book examination). Смысл его состоит в том, что преподаватель таким образом формулирует задания и вопросы, чтобы ответ не мог быть напрямую списан из учебника или скопирован из сети Интернет, а требовал понимания учебного материала или анализа личного опыта студента. Это может быть написание эссе на спорный или актуальный вопрос современности. При этом, студентам разрешается пользоваться любыми источниками информации. Такой подход очень эффективен для оценки аналитического и критического мышления обучаемых, но абсолютно не применим в тех дисциплинах, когда экзаменационные вопросы подразумевают необходимость запоминания информации наизусть [12, 2002]. Таким образом, данный формат экзамена соответствует парадигме «формирующего оценивания» и способствует развитию личностных качеств обучаемых и их профессиональных компетенций.

Еще одним сравнительно новым вариантом организации процедуры оценивания в удаленном формате является использование *альтернативных или аутентичных форм оценивания*. В отличие от изменения формата экзамена, в данном случае происходит полное переосмысление методов и средств оценки студентов в рамках курса, например, замена итогового экзамена на *исследовательский проект*, который студенты выполняют в течение всего семестра.

Проект может быть индивидуальным или групповым. Реализация его развивающего и обучающего потенциала во многом зависит от продуманного задания и грамотно сформулированных критериев оценки. Презентацию результатов можно проводить синхронно перед группой или асинхронно через видеозаписи или любые другие виды мультимедиа.

Использование проектных заданий в качестве средства оценивания имеет ряд преимуществ. Во-первых, нет необходимости контролировать самостоятельность выполнения проекта, поскольку студентам разрешается использовать любые ресурсы и общаться с коллегами в процессе подготовки. Во-вторых, студенты могут работать над выполнением проекта в любое удобное время. В-третьих, процесс создания оригинального продукта положительно влияет на развитие навыков исследовательской и творческой деятельности, способствует успешной реализации личностно-ориентированного и компетентностного подходов [7, с.142]. Групповые проекты также способствуют развитию коммуникативных навыков и навыков работы в команде.

С целью снижения риска нечестного поведения важно формулировать задание таким образом, чтобы оно было связано с личным опытом студента, и одним из критериев оценки должно быть качество публичной защиты результатов проекта и ответов на вопросы преподавателя.

К инновационным средствам оценки учебных достижений студентов можно также отнести создание *электронного или цифрового портфолио*, представляющего собой портфель творческих и исследовательских работ обучающихся. Эффективность этого средства оценки зависит от направления

обучения. На наш взгляд, потенциал е-портфолио может быть успешно реализован в ходе текущего контроля. Его создание требует от студентов рефлексии, критического и аналитического мышления, творческого подхода и самооценки. Однако если говорить об итоговом контроле, по нашему мнению, цифровое портфолио может служить средством оценки только в том случае, если продуман этап его презентации, в процессе которого преподаватель имеет возможность задать студенту вопросы как по содержанию материалов портфолио, так и по процессу их подготовки и т.д.

Несомненным преимуществом онлайн-обучения является большое количество «цифровых следов», оставляемых студентами на образовательных платформах, что создает возможность для непрерывного мониторинга усвоения материала на протяжении всего семестра. Промежуточные тесты, онлайн-опросы по пройденным темам, презентации, различные виды заданий, выполняемых в синхронном формате, повышают значимость *текущего контроля* успеваемости студентов. Онлайн-среда позволяет преподавателям применять методы и формы оценки, которые не могут быть использованы в процессе очного обучения: обучающие приложения и программы, удобные форматы для обратной связи и сбора дополнительных данных, возможность поделиться ссылкой на любой ресурс в реальном времени и даже вести видеозапись занятия.

Увеличение количества промежуточных оценок, влияющих на итоговый результат, снижает стресс при сдаче экзаменов, мотивирует к систематической работе в течение семестра и к постоянной вовлеченности в учебный процесс. Кроме того, регулярный контроль знаний дает преподавателю представление об эффективности его деятельности и позволяет вовремя скорректировать формат работы. Однако, стоит отметить, что текущий контроль носит формирующий характер только в том случае, если студент регулярно получает обратную связь от преподавателя.

В опросе, проведенном среди студентов КФУ, упомянутом выше, самым важным аспектом общения с преподавателем в удаленном формате студенты

назвали получение своевременных «фидбэков» от преподавателя (60% опрошенных), на втором месте – необходимость получения одобрения и положительных комментариев (33%). В условиях нехватки живого контакта с педагогом обостряется важность обратной связи. Причем, в идеале это должна быть не просто оценка, а конструктивный комментарий, обязательно содержащий положительный компонент.

Если речь идет о больших группах, когда у преподавателя нет физической возможности дать каждому студенту обратную связь, зарубежные методисты рекомендуют использовать компьютерные технологии на базе искусственного интеллекта для автоматизированного формулирования ответов [13]. Преподаватели могут также использовать взаимное оценивание студентов, чтобы увеличить число отзывов по результатам их работы.

В заключение стоит отметить, что адаптация экзаменов к онлайн-формату требует от учебных заведений и преподавателей тщательного учета нескольких параметров: характера учебных дисциплин и направлений подготовки, анализа ожидаемых результатов обучения, собственных ресурсов и индивидуальных особенностей обучающихся.

Чтобы максимально полно использовать возможности онлайн-среды, преподавателям необходимо переосмыслить весь процесс оценивания, чтобы, с одной стороны, постараться нейтрализовать основные проблемы данного формата, а с другой стороны, использовать этот опыт для совершенствования и обновления традиционных форм контроля. Если мы ждем, что студенты высших учебных заведений станут творческими людьми, мыслящими критически и решающими реальные проблемы, тогда экзамены необходимо использовать для развития и оценки этих навыков. Это не только будет способствовать росту доверия к системе высшего образования, но и положительно повлияет на качество учебного процесса и профессиональное становление студентов.

Литература

1. *Бова Т.И., Дроздович Е.Н, Кузьменко О.И.* Чему учит дистанционное образование? // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2020. № 9. С. 61–63.
2. *Гафуров И.Р., Ибрагимов Г.И., Калимуллин А.М., Алишев Т.Б.* Трансформация обучения в высшей школе во время пандемии: болевые точки // *Высшее образование в России*. 2020. Т. 29. № 10. С. 101–112.
3. *Гоглачев А.В., Лойко А.Э., Гоглачев А.А.* Требования к дистанционному обучению и оценке его результатов // *Сборник статей XII международной научно-методической конференции «Новые образовательные технологии в вузе»*. Екатеринбург, 2015. С. 383–385.
4. *Жигалова О.П., Копусь Т.Л.* К вопросу об использовании симулятора в системе профессиональной подготовки учителя // *Современные проблемы науки и образования*. 2018. № 3. С. 141.
5. *Иоголевич Н.И., Лободенко Е.И.* Академическая недобросовестность студентов технического вуза: масштабы проблемы и пути решения // *Педагогика. Вопросы теории и практики*. 2020. Том 5. Выпуск 1. С. 99–106.
6. *Назарова Л.И., Симан А.С., Лямина И.М., Колоскова Г.А.* Организация прокторинга в дистанционном обучении студентов аграрного вуза // *Агроинженерия*. 2020. № 4 (98). С. 72–77.
7. *Никонорова Л.М., Мамина Л.В.* Использование проектного обучения в профессионально-ориентированном обучении иностранному языку студентов в техническом вузе. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 3 (2): 136–143.
8. *Detroz P, Tessaro W., Younès N.* Edito: Évaluer en temps de pandémie // *Évaluer – Journal international de recherche en éducation et formation*. 2020. Numéro Hors-série, 1. Pp. 1–3.
9. *Hollinger R., Lanza-Kaduce L.* Academic Dishonesty and the Perceived Effectiveness of Countermeasures: An Empirical Survey of Cheating at a Major Public University // *NASPA Journal*, 2009. Vol. 46/4. Pp. 587–602.

10. UNESCO Exams and assessments in COVID-19 crisis: fairness at the centre, 2020 // URL: <https://en.unesco.org/news/exams-and-assessments-covid-19-crisis-fairness-centre> (дата обращения: 26.11.20).

11. OECD Remote online exams in higher education during the COVID-19 crisis // OECD Education Policy Perspectives, 2020. 13 p.

12. Olt M. Ethics and Distance Education: Strategies for Minimizing Academic Dishonesty in Online Assessment // Online Journal of Distance Learning Administration, 2002. Vol. 5/3. Pp. 1–7.

13. Vincent-Lancrin S. Coronavirus and the future of learning: What AI could have made possible // OECD Education and Skills Today, Paris. 2020. URL: <https://oecdeditoday.com/coronavirus-future-learningartificial-intelligence-ai/> (дата обращения: 26.11.20).

References

1. Bova T.I., Drozdovich E.N., Kuzmenko O.I. (2020). What Does Distance Education Teach? // Alma mater (Vestnik Vysshei Shkoly). N 9. Pp. 61–63. (In Russian)

2. Gafurov I.R., Ibragimov H.I., Kalimullin A.M., Alishev T.B. (2020). Transformation of Higher Education During the Pandemic: Pain Points. Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. Vol. 29, no. 10, pp. 101–112. (In Russian)

3. Goglachev A.V., Loiko A.E., Goglachev A.A. (2015). Trebovaniya k distantsionnomu obucheniyu i otsenke ego rezul'tatov // Sbornik statei XII mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii «Novye obrazovatel'nye tekhnologii v vuze». Ekaterinburg. Pp. 383–385. (In Russian)

4. Zhigalova O.P., Kopus T.L. (2008). To the question of the use of the simulator in the professional training system of the teacher // Modern problems of science education. N 3. Pp. 141. (In Russian)

4. Iogolevich N.I., Lobodenko E.I. (2020). Academic Dishonesty among Technical Students: Scale of the Problem and Solutions // Pedagogy. Theory & Practice. Volume 5. Issue 1. P. 99–106. (In Russian)

5. *Nazarova L.I., Siman A.S., Lyamina I.M., Koloskova G.A.* (2020). Organization of proctoring in distance learning for agricultural students // *Agricultural Engineering*. N. 4 (98): 72–77. (In Russian)
6. *Nikonorova L.M., Maminova L.V.* (2019). The use of project-based learning in professionally-oriented foreign language teaching of students in a technical university. *Kazan Linguistics Journal*. N. 3 (2): 136–143. (In Russian)
8. *Detroz P, Tessaro W., Younès N.* (2020). Edito: Évaluer en temps de pandémie. Évaluer – Journal international de recherche en éducation et formation, Numéro Hors-série, 1, 1–3. (In French)
10. *Hollinger R., Lanza-Kaduce L.* (2009). Academic Dishonesty and the Perceived Effectiveness of Countermeasures: An Empirical Survey of Cheating at a Major Public University, *NASPA Journal*, Vol. 46/4, pp. 587–602. (In English)
11. UNESCO (2020). Exams and assessments in COVID-19 crisis: fairness at the centre // URL: <https://en.unesco.org/news/exams-and-assessments-covid-19-crisis-fairness-centre> (accessed: 26.11.20). (In English)
12. OECD (2020). Remote online exams in higher education during the COVID-19 crisis, *OECD Education Policy Perspectives*, 13 p. (In English)
13. *Olt M.* (2002). Ethics and Distance Education: Strategies for Minimizing Academic Dishonesty in Online Assessment, *Online Journal of Distance Learning Administration*, Vol. 5/3, pp. 1–7. (In English)
14. *Vincent-Lancrin S.* (2020). Coronavirus and the future of learning: What AI could have made possible, *OECD Education and Skills Today*, Paris, URL: <https://oecdeditoday.com/coronavirus-future-learningartificial-intelligence-ai/> (accessed: 26.11.20). (In English)

Авторы публикации

Тихонова Наталья Владимировна –
старший преподаватель
Казанский федеральный университет
г. Казань, Россия.
E-mail: nvtihonova@kpfu.ru

Authors of the publication

Tikhonova Nataliya Vladimirovna –
Senior Lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Russia.
E-mail: nvtihonova@kpfu.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

УДК 372.881.161.1

**СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ КАК
ПЕРСПЕКТИВНЫЙ РЕСУРС ПРОЕКТНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Ю.Ю. Данилова, Я.А. Солунова

isolunova@mail.ru

*Казанский Федеральный Университет, Елабужский институт»,
г. Елабуга, Россия*

Аннотация. В современном образовательном процессе все большее значение приобретают технологии и методы, направленные на активизацию самостоятельности и познавательного поиска. Широкие возможности использования проектно-исследовательской деятельности в качестве таковой технологии не вызывают сомнения. Однако проектно-исследовательская деятельность в этом смысле не должна быть общепредметной – необходимо разграничивать формы, методы, тематику и т.п. для каждой отдельной дисциплины, что позволит использовать эту технологию более эффективно. В рамках данной статьи определяется место и значение проектно-исследовательской деятельности в современной педагогической науке и лингводидактике. Рассматривается и подвергается анализу методический потенциал направлений современного языкознания в качестве узконаправленного профильного средства организации проектно-исследовательской деятельности на уроках русского языка в школе. Актуальность исследования обусловлена не вполне четким пониманием о том, как правильно организовать и структурировать проектно-исследовательскую деятельность для достижения качественно высоких и продуктивных результатов в рамках изучения того или иного предмета в школе. Приводится краткий обзор проектов и исследований, реализованных в действительной образовательной практике по тому или иному лингвистическому направлению. Делается и подкрепляется объективными доводами вывод о том, что необходимо разграничивать общепредметные направления проектно-исследовательской деятельности и узкопредметные направления.

Ключевые слова: проектно-исследовательская деятельность, лингводидактика, современные направления языкознания, проект, исследование

Для цитирования: Данилова Ю.Ю., Солунова Я.А. Современные направления языкознания как перспективный ресурс проектно-исследовательской деятельности на уроках русского языка. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1 (4): 126–137.

MODERN DIRECTIONS OF LINGUISTICS AS A PROMISING RESOURCE OF PROJECT-RESEARCH ACTIVITY AS PART OF THE RUSSIAN LANGUAGE LEARNING

Yu.Yu. Danilova, Ya.A. Solunova

isolunova@mail.ru

Kazan Federal University, Yelabuga Institute, Elabuga, Russia

Abstract. In the modern educational process, technologies and methods aimed at enhancing independence and cognitive search are becoming increasingly important. The wide possibilities of using project-research activity as such this type of technology are beyond doubt. However, project-research activity in this sense should not be general subject - it is necessary to distinguish forms, methods, topics, etc. for each individual discipline, which will allow you to use this technology more effectively. In the work, the place and significance of project-research activity in modern pedagogical science and language teaching methods is determined. The methodological potential of the directions of modern linguistics as a narrowly focused specialized means of organizing design and research activities in the studying of the Russian at school are considered and analyzed. The relevance of the study is due to a not quite clear understanding of how to properly organize and structure project-research activity to achieve qualitatively high and productive results in the study of a particular subject at school. A brief overview of projects and research implemented in actual educational practice in a particular linguistic direction is provided. The conclusion that it is necessary to distinguish between general subject areas and narrow subject areas of project-research activity is made and supported by objective arguments.

Keywords: project-research activity, language education, modern directions of linguistics, project, research.

For citation: Danilova Yu.Yu., Solunova Ya.A. Modern directions of linguistics as a promising resource of project-research activity as part of the Russian language learning. *Kazan Linguistic journal*. 2021; 1 (4): 126–137. (In Russ.)

В эпоху бурной модернизации системы школьного обучения и стремления повысить самостоятельную активность учеников в образовательном процессе, приобретают широкую популярность и значение дидактические методы и технологии, способствующие развитию личности, ее познавательных и созидательных возможностей, получению системно-комплексных знаний и умений. Особое место среди таких технологий принадлежит проектно-исследовательской деятельности.

Проектно-исследовательская деятельность получила большое признание в современной дидактике в связи с тем, что с помощью нее может быть сформирована содержательная и многовариантная база для стимуляции

познавательно-исследовательской самостоятельности учеников – следовательно, получены знания и умения на качественно более высоком уровне. Несмотря на большой интерес исследователей (А.В. Леонтович, С.А. Новоселов, Т.В. Зверева, О.В. Брыкова) к этой технологии, она остается относительно новым методом как в дидактической, так и в лингвистической науке, требующим дополнительных как теоретических, так и специальных практических исследований.

Один из наиболее разработанных аспектов в его изучении – классификация проектно-исследовательской деятельности. Типология форм организации проектно-исследовательской деятельности может иметь разные основания классификации. В педагогической науке довольно часто как одна из самых теоретически обоснованных используется классификация, предложенная Е.С. Полат и классифицирующая проектно-исследовательскую деятельность по доминирующему методу, характеру координации, контактов, количеству участников, продолжительности проекта [8, с. 60]. Такая классификация является общедисциплинарной, т.е. универсальной и релевантной для всех школьных дисциплин – именно в этом русле создается большинство классификаций проектно-исследовательской деятельности. Однако подобный подход не исключает и другого – выделения направлений данной деятельности в узкоспециальных рамках (на уроке русского языка, литературы, математики и проч.). Заметим, что эти подходы не должны являться взаимоисключающими, а наоборот призваны существовать в неразрывном единстве, обеспечивающим целостность содержания проекта или исследования. Следовательно, научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые предпринята попытка дать опорные пункты классификации проектно-исследовательской деятельности, берущей за основу современную научную парадигму языкознания и являющейся узкопредметной (русский язык).

Цель исследования – проанализировать и описать современные направления языкознания как перспективный классификационный ресурс

узкоспециальной проектно-исследовательской деятельности с опорой на сформированные компетенции обучающихся в урочной и внеурочной деятельности при изучении русского языка.

Современная научная парадигма языкознания включает в себя множество направлений, в рамках которых могут быть реализованы те или иные проектно-исследовательские работы. Анализ литературных и Интернет-источников выявил, что, хотя в них и присутствуют косвенные упоминания тех или иных лингвистических направлений (например, при формулировке тем: «Лингвокультурологический словарь к художественным текстам», «История имён собственных» [9]), конкретного указания на работу в рамках какого-либо направления, а также указания на его актуальность и перспективность авторы (как ученые-исследователи, так и практикующие учителя), как правило, не предоставляют. Вследствие этого мы считаем необходимым самостоятельно определить данные направления и обосновать степень целесообразности работы в рамках каждой отдельной отрасли языкознания.

По степени целесообразности и значимости в достижении предметных результатов на уроках русского языка нами выделено 5 основных направлений языкознания (здесь и далее в качестве ориентира на предметные результаты использован ФГОС основного общего образования [14]).

1. История языка (диахронный подход к описанию и анализу различных фактов языка). Рассматриваемое направление дано первым, поскольку оно во многом выступает как историческая справка к разнообразным процессам, отраженным в современном русском литературном языке и влияющим на него в синхронии. Диахронный аспект в процессе проектно-исследовательской деятельности обуславливает достижение трех значимых предметных результатов в рамках изучения русского языка: формирование представления о языке как о целостной взаимосвязанной системе и понимания взаимосвязи его уровней и единиц; проведение различных видов анализа слова, в частности, фонетического и морфемного; закрепление знаний по какой-либо теме, более тщательное усвоение материала по ней (например, при изучении темы

«беглые» гласные в 5 классе с помощью метода проектов возможно добиться формирования представления о процессе падения редуцированных, понимания его механизмов и влияния на современный строй русского языка). Также это направление расширяет базу знаний учеников об этимологии слов, понятии внутренней формы слова и фразеологизма. Кроме того, вопросы, связанные с историей языка, частотны на олимпиадах по предмету [3], поэтому данное направление в рамках проектно-исследовательской деятельности делает возможным привлечение обучающихся к научно-практической деятельности на более качественном содержательном уровне.

В качестве примера проекта, выполненного в рамках данного направления, может быть приведен следующий: «Альбом правил «Кто командует корнями?» – практико-ориентированный проект ученицы 2 «Б» класса Гавриловой Д.А. (г. Оренбург, Гимназия №7), учитель русского языка и литературы Белоусова О.Ю. Своей целью авторы видят создание альбома, способствующего быстрому и прочному запоминанию правил, необходимых для проверки чередующихся гласных в корнях [4].

2. Еще одно перспективное (точнее – популярное) направление в современной лингвистике, потенциал которого может быть использован при организации проектно-исследовательской деятельности – коммуникативная лингвистика, основными задачами которого, по Э.С. Ветровой, являются: формирование знаний о коммуникативных процессах и движении информации в коммуникации; организация средств языка в различных коммуникативных ситуациях; изучение отношений между людьми в экстремальных, конфликтных условиях, в бесконфликтном общении <...>; анализ коммуникативных ситуаций повседневной жизни» [2, с. 135]. В связи с этим указанное направление видится нам как основополагающее при формировании и совершенствовании у учеников навыков говорения, восприятия и анализа речи на слух и письма, а также успешно развивающее коммуникативную и речевую компетенции учащихся. Коммуникативная лингвистика в рамках проектно-исследовательской деятельности направлена на достижение следующих предметных результатов: способность свободно, правильно

излагать свои мысли в устной и письменной форме, соблюдать нормы построения текста (логичность, последовательность, связность, соответствие теме и др.), адекватно выражать своё отношение к фактам и явлениям окружающей действительности, к прочитанному, услышанному, увиденному; способность участвовать в речевом общении с соблюдением норм речевого этикета; уместно пользоваться внеязыковыми средствами общения в различных жизненных ситуациях общения; осуществление речевого самоконтроля.

С опорой на фундаментальные положения коммуникативной лингвистики был реализован прикладной проект учениц 9 класса Максимовой С.П., Мавриной М.С. («Волжская СОШ» Курманаевского района) «Юный корреспондент. Студия Юнкор» под руководством учителя русского языка и литературы Полянина Е.А. Цель проекта определена следующим образом: разработка плана деятельности школьного кружка «Юный корреспондент», способствующего эффективному развитию коммуникативной и предметной компетентности старшеклассников [11].

3. Лингвокультурология изучает соотношения между языком и культурой, ее концептами. Это перспективное для развития интереса к предмету русского языка и необходимое направление для понимания того, каким именно образом язык становится орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры. Данное направление имеет в основе достижение следующих предметных результатов: представление о русском языке как языке русского народа <...>, а также о связи языка и культуры народа; формирование культурно-языковой компетенции (важными составляющими которой являются умение интерпретировать лексическую и грамматическую семантику в категориях культуры; умение выявлять культурные установки, стереотипы, эталоны, представления с опорой на лексическое и грамматическое значение и значимость языковых единиц; способность к межкультурной коммуникации, уважение собственной и чужой культуры; знание основных прецедентных имён и текстов русской культуры) [13, с. 6]; усвоение углубленных знаний по той или иной теме или изучаемому разделу («Фразеологизмы», «Лексика»)

в рамках выполнения какого-либо проекта или исследования. Примечательно, что лингвокультурные аспекты языковых фактов часто рассматриваются и описываются в рамках диахронного подхода (т.е. опираются на историю языка). В качестве примера можно привести следующий проект: «Русская и мировая история в зеркале фразеологии» – информационный проект учеников 9 класса Сафронова Е. С., Филина А. А., учитель русского языка и литературы Сафронова Ю. А. Цель данного проекта сформулирована авторами так: определить, какие события русской и мировой истории и культуры нашли отражение в русской фразеологии [12].

4. Социолингвистика – направление языкознания, способное через проектно-исследовательскую технологию помочь ученикам найти ответы на вопросы, связанные с социальной обусловленностью языка, социальной дифференциацией языка, с языковой нормой и т.д. Главными предметными результатами при этом становятся: умение пользоваться языковыми средствами общения в различных жизненных ситуациях общения; умение создавать устные и письменные тексты разных типов и стилей речи с учётом замысла, адресата и ситуации общения; умение сравнивать речевые высказывания с точки зрения их содержания, принадлежности к определённой функциональной разновидности языка и использованных языковых средств и проч.

В качестве примера проекта данного направления приводим следующий проект: «Тенденция огрубления в современном русском языке» – творческий проект-видео учеников 10 М и 10 И класса (МАОУ «СОШ №13 с УИОП» г. Электросталь Московской обл.), учитель русского языка и литературы Перова И. Н. Целью проекта стала «попытка иллюстрации проникновения ненормативной лексики (жаргона, матизмов и просторечий) в русский язык и привлечение внимания к данной проблеме» [10].

5. Межкультурная коммуникация как направление, исследующее коммуникативное взаимодействие представителей разных культур, является основополагающим в развитии поликультурной компетенции, включающей в себя знания и понимание социокультурных различий, законов

поликультурного мирового пространства, а также умение выстраивать свое поведение по этим законам. Поликультурная компетенция в совокупности с коммуникативной и культурно-языковой способна значительно расширить кругозор учащегося и повысить его конкурентоспособность в динамично развивающемся многокультурном мире. Кроме того, межкультурная коммуникация способна помочь в достижении узкопредметных результатов: например, в расширении знаний о заимствованной лексике в русском языке, данных через призму культурно-исторической ситуации взаимодействия с тем или иным народом.

Проект по данному направлению представлен следующим образом: «Аниме как объект лингвистического изучения» – творческий видео-проект ученицы 11 класса Макаревич В. А. (ГУО "Средняя школа № 4 г. Витебска"), учитель русского языка и литературы Трощинская-Степушина Т.Е. Цель проекта: выявить лексико-семантическую специфику речи персонажей аниме и определить состав японской по происхождению лексики в русском языке, произвести ее систематизацию [6].

Рассмотренные направления являются тем ресурсом, который, являясь в высшей степени содержательным и практико-ориентированным, в урочной деятельности не может быть использован в полной мере, поэтому так важно сказать о них при обращении к теме организации проектно-исследовательской деятельности. Вышерассмотренные направления – это та база вариативного получения знаний на уроках русского языка, которая обеспечивает цель современного образования – многостороннее и целостное развитие личности. Каждое из этих направлений призвано расширить представление учащегося о языке, увидеть в нем динамичный, живой и развивающийся организм, а также актуальное и всепроникающее явление, не должное оставаться без внимания – в итоге, такой подход должен стать определяющим на пути повышения интереса учеников к предмету «Русский язык» и стимулирования их познавательной активности как приоритетной задачи современного учебного процесса. Конечно, тематика проектов, рассмотренных и проанализированных

нами, выходит далеко за пределы тех направлений, которые мы рассмотрели: так можно найти темы, связанные с психолингвистикой, этнолингвистикой, эколингвистикой, лингвострановедением, структурализмом и т.д.

Заключая вышесказанное, заметим, что разграничение общедисциплинарного и узкодисциплинарного компонента в организации проектно-исследовательской деятельности является принципиально важным, т.к. дает научные теоретико-практические образцы, позволяет более четко увидеть цель и задачи того или иного проекта или исследования, определить его методы, теоретическую и тематическую базу, а также расширить круг научных интересов учителя и обучающихся в ходе проектно-исследовательской деятельности.

Литература

1. *Брыкова О.В.* Проектная деятельность в учебном процессе. М.: Чистые пруды, 2006. 32 с.
2. *Ветрова Э.С.* Методология и методы лингвистических исследований: Учебное пособие. Донецк: ДонНУ, 2019. 158 с.
3. Всероссийская олимпиада школьников 2017/18 гг. Муниципальный этап. Русский язык, 9 класс. Задание 3 [Электронный ресурс]. // URL: <http://tasks.olimpiada.ru/upload/files/tasks/80/2017/ans-russ-9-Omsk-mun-17-18.pdf> (дата обращения: 18.11. 2020)
4. *Гаврилова Д.А.* Альбом правил «Кто командует корнями?» // Знанию – Образовательный портал для педагогов, родителей и школьников, 2017 [Электронный ресурс]. // URL: https://znanio.ru/media/prezentatsiya_albom_pravil_russkogo_yazyka_kto_komandu_et_kornyami_2_klass-114241 (дата обращения: 18.11. 2020)
5. *Леонтович А.В.* Об основных понятиях концепции развития исследовательской и проектной деятельности учащихся // Исследовательская работа школьников, 2003. № 4. С. 18–24.
6. *Макаревич В.А.* Аниме как объект лингвистического изучения: лексико-семантический аспект // Обучающие программы и исследовательские

работы учащихся «Обучонок», 2014. [Электронный ресурс]. // URL: <https://obuchonok.ru/node/3719> (дата обращения: 15.10. 2020)

7. Новоселов С.А., Зверева Т.В. Феномен проектно-исследовательской деятельности в образовательном процессе // Педагогическое образование в России, 2009. С. 38–42.

8. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Учебное пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е.С. Полат [и др.]. М.: Издательский центр «Академия», 1999. 224 с.

9. Обучающие программы и исследовательские работы учащихся «Обучонок» [Электронный ресурс]. // URL: <https://obuchonok.ru/node/1163> (дата обращения: 25.09.2020)

10. *Перова И.Н.* Тенденция огрубления в современном русском языке // Видеохостинг YouTube, 2007 [Электронный ресурс]. // URL: https://www.youtube.com/watch?v=j7DOxGoXyyY&feature=emb_logo (дата обращения: 10.10. 2020)

11. *Полянина Е.А.* Кружок «Юный корреспондент» как средство развития коммуникативной компетентности старшеклассников // Образовательная социальная сеть nsportal.ru, 2014. [Электронный ресурс]. // URL: <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2014/03/13/kruzhok-yunyy-korrespondent-kak-sredstvo-razvitiya> (дата обращения: 20.11. 2020)

12. *Сафронов Е.С., Филин А.А.* Русская и мировая история в зеркале фразеологии // Обучающие программы и исследовательские работы учащихся «Обучонок», 2019 [Электронный ресурс]. // URL: <https://obuchonok.ru/node/5341> (дата обращения: 15.10. 2020)

13. *Токарева И.Ю.* Культурно-языковая компетенция: новый термин или новый объект методики преподавания родного языка // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2011. С. 1–8.

14. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // Гарант.ру: Информационно-правовой портал. 2015. 31

декабря [Электронный ресурс]. // URL: <http://base.garant.ru/55170507/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 16.09.2020).

References

1. *Brykova O.V.* (2006). *Proektnaya deyatel'nost' v uchebnom protsesse*. 32 p. Moscow, Chistye prudy. (In Russian)
2. *Vetrova E.S.* (2019). *Metodologiya i metody lingvisticheskikh issledovaniy: Uchebnoe posobie*. 158 p. Donetsk. (In Russian)
3. *Vserossiiskaya olimpiada shkol'nikov* (2017/18). // URL: <http://tasks.olimpiada.ru/upload/files/tasks/80/2017/ans-russ-9-Omsk-mun-17-18.pdf> (accessed: 18.11. 2020) (In Russian)
4. *Gavrilova D.A.* *Al'bom pravil «Kto komanduet kornyami?»* (2017). URL: https://znanio.ru/media/prezentatsiya_albom_pравil_russkogo_yazyka_kto_komandu_et_kornyami_2_klass-114241 (accessed: 18.11. 2020) (In Russian)
5. *Leontovich A.V.* (2003). *Ob osnovnykh ponyatiyakh kontseptsii razvitiya issledovatel'skoi i proektnoi deyatel'nosti uchashchikhsya*. Pp. 18–24. Moscow. (In Russian)
6. *Makarevich V.A.* (2014). *Anime kak ob"ekt lingvisticheskogo izucheniya: leksiko-semanticheskii aspekt*. // URL: <https://obuchonok.ru/node/3719> (accessed: 15.10. 2020) (In Russian)
7. *Novoselov S.A., Zvereva T.V.* (2009). *Fenomen proektno-issledovatel'skoi deyatel'nosti v obrazovatel'nom protsesse*. Pp. 38–42. Ekaterinburg. (In Russian)
8. *Novye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya* (1999). 224 p. Moscow, Academy. (In Russian)
9. *Obuchayushchie programmy i issledovatel'skie raboty uchashchikhsya «Obuchonok»*. // URL: <https://obuchonok.ru/node/1163> (accessed: 25.09.2020) (In Russian)
10. *Perova I.N.* (2007). *Tendentsiya ogrubleniya v sovremennom russkom yazyke*. // URL: https://www.youtube.com/watch?v=j7DOxGoXyyY&feature=emb_logo (accessed: 10.10. 2020) (In Russian)

11. *Polyanina E.A.* (2014). Kruzhok «Yunyi korrespondent» kak sredstvo razvitiya kommunikativnoi kompetentnosti starsheklassnikov. // URL: <https://nsportal.ru/shkola/russkiy-yazyk/library/2014/03/13/kruzhok-yunyy-korrespondent-kak-sredstvo-razvitiya> (accessed: 20.11. 2020) (In Russian)
12. *Safronov E.S., Filin A.A.* (2019). Russkaya i mirovaya istoriya v zerkale frazeologii [Russian and world history in the mirror of phraseology]. URL: <https://obuchonok.ru/node/5341> (accessed: 15.10. 2020) (In Russian)
13. *Tokareva I.Yu.* (2011). Kul'turno-yazykovaya kompetentsiya: novyi termin ili novyi ob'ekt metodiki prepodavaniya rodnogo yazyka. Pp. 1–8. Tula. (In Russian)
14. Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart osnovnogo obshchego obrazovaniya (2015). // URL: <http://base.garant.ru/55170507/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (accessed: 16.09.2020). (In Russian)

Авторы публикации

Данилова Юлия Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет,
Елабужский институт
г. Елабуга, Россия
E-mail: danilovaespu@mail.ru

Солунова Яна Алексеевна – студентка 5 курса факультета филологии и истории
Казанский федеральный университет,
Елабужский институт
г. Елабуга, Россия
E-mail: isolunova@mail.ru

Authors of publication

Danilova Yuliya Yur'evna –
Candidate of Philology, Associate Professor
Kazan Federal University, Yelabuga Institute
Elabuga, Russia
E-mail: danilovaespu@mail.ru

Solunova Yana Alekseevna – 5th year student of
philology and history department
Kazan Federal University, Yelabuga Institute
Elabuga, Russia
E-mail: isolunova@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ ПЕРЕВОДУ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ В ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

С.С. Боднар, Е.В. Гизатуллина

ssr80@yandex.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В реалиях современного мира, переживающего всеобъемлющую глобализацию, переводоведение и оказание переводческих услуг обретает все большее значение. Опираясь на теоретическую составляющую, в данном исследовании были выявлены особенности обучения переводу медицинской терминологии в общественно-политических текстах. На основании анализа статей английской прессы был сделан вывод, что к основным особенностям медицинской терминологии в общественно-политических текстах относится осуществление экспрессивной, оценочной и аттрактивной функций. Неупорядоченный характер медицинской терминологии создает определенные помехи при переводе терминов и восприятии новой информации. Было сделано заключение, что материал должен подаваться в комплексном виде, поэтапно и постепенно с учетом принципов посильности и доступности и концентризма. Авторами разработаны методические рекомендации по обучению переводу медицинской терминологии в общественно-политических текстах, а также базовые рекомендации по проведению занятий, посвященных данной тематике. Представленные рекомендации могут найти свое применение как в рамках специализированной дисциплины по переводу общественно-политических текстов, так и в рамках практического курса перевода.

Ключевые слова: студент, преподаватель, методика, обучение переводу, медицинские термины, общественно-политический текст.

Для цитирования: Боднар С.С., Гизатуллина Е.В. Методические основы обучения студентов-лингвистов переводу медицинских терминов в общественно-политических текстах. *Казанский лингвистический журнал*. 2021; 1 (4): 138–157.

METHODS OF TEACHING TRANSLATION OF MEDICAL TERMS IN SOCIAL AND POLITICAL TEXTS TO THE STUDENTS OF “LINGUISTICS” MAJOR

S.S. Bodnar, E.V. Gizatullina

ssr80@yandex.ru

Kazan (Volga region) federal university, Kazan, Russia

Abstract. In the realities of the modern world, which is experiencing a comprehensive globalization, translation studies and the provision of translation services are gaining more importance. Based on the theoretical component, this study identified the features of teaching the translation of medical terminology in social and political texts. Based on the analysis of articles

in the English press, it was concluded that the main features of medical terminology in social and political texts include the implementation of expressive, evaluative and attractive functions. The disordered nature of medical terminology creates certain obstacles in the translation of terms and the perception of new information. It was concluded that the material should be presented in an integrated manner, step by step and gradually, taking into account the principles of feasibility and accessibility and concentricism. The authors have developed guidelines for teaching the translation of medical terminology in social and political texts, as well as basic recommendations for conducting practical classes on this topic. The presented recommendations can find their application both within the specialized discipline of translating socio-political texts, and within the framework of a practical translation course.

Keywords: student, teacher, methodology, teaching translation, medical terms, social and political text.

For citation: Bodnar S.S., Gizatullina E.V. Methods of Teaching Translation of Medical Terms in Social and Political Texts to the Students of “Linguistics” Major. *Kazan Linguistic journal*. 2021; 1 (4): 138–157. (In Russ.)

Комплексный характер переводческой науки диктует определенные требования к подготовке специалистов в данной области, требует поиска и внедрения новых подходов к решению методических проблем, связанных с формированием и развитием переводческих навыков и компетенций. Вопросы теории и практики перевода стали предметом исследования ученых достаточно давно. Так, например, теория и методика обучения переводу представлена в работах Р.К. Миньяр-Белоручева, Е.И. Пассова, А.В. Штанова, Н.К. Гарбовского, Е.В. Заюковой, Д.Б. Королевой, Т.Г. Дубининой и других. Вопросы общественно-политического перевода, а также перевода медицинских терминов находят свое отражение в работах как отечественных, так и зарубежных авторов, таких как Л.М. Алексеева, Н.Л. Галеева, Д.В. Самойлов, Л. Делегер и других.

Однако, вопросы методики организации переводческой деятельности, особенности перевода разножанровых текстов, использования терминологических систем в процессе перевода представляют собой широкое поле для исследования. Научные труды не затрагивают вопросы функционирования именно медицинских терминов в таких текстах, хотя и освещают широкий круг вопросов и предлагают различные подходы к их общенаучному осмыслению.

Тем не менее, медицинские термины в немедицинских текстах имеют ряд особенностей и требуют применения определенных знаний, умений и навыков при переводе. Такие навыки приобретаются только в рамках комплексного обучения и предполагают моделирование особых систем обучения, учитывающих коммуникативные, психологические, лингводидактические аспекты обучения. Подготовка специалистов-переводчиков осуществляется на специализированных направлениях подготовки по профилю «Перевод и переводоведение», а переводу общественно-политических текстов посвящен полноценный узконаправленный курс «Перевод общественно-политических текстов», медицинской тематике посвящен курс «Перевод текстов в области биомедицины».

Стоит отметить, что перевод как деятельность носит многомерный и многофакторный характер. Именно по этой причине переводоведение (или теория перевода) рассматривает большой круг проблем, связанных с переводческой деятельностью.

Основной проблемой перевода является проблема эквивалентности. Очевидно, что качественный перевод должен соответствовать оригиналу как функционально, так и по своему содержанию и структуре. Эквивалентностью перевода называется соответствие перевода оригиналу по содержанию и структуре. В.Н. Комиссаров определяет *эквивалентность перевода* как максимально возможную лингвистическую близость текста перевода к тексту оригинала [3, с. 152-153]. Лингвистическая близость может проявляться как во всем тексте, так и в отдельных его элементах. Поэтому эквивалентность перевода, в отличие от адекватности, которая либо есть, либо отсутствует, может иметь различные степени или уровни.

Вопросами эквивалентности перевода занимается ученый В.В. Сдобников, который выделяет следующие уровни эквивалентности [4]:

- 1) эквивалентность на уровне языковых знаков;
- 2) эквивалентность на уровне высказывания;
- 3) эквивалентность на уровне структуры сообщения;

- 4) эквивалентность на уровне описания ситуации;
- 5) эквивалентность на уровне цели коммуникации.

Переходя к проблемам обучения переводу, следует определить, какие задачи ставятся преподавателем в рамках учебного процесса. Данные задачи можно определить исходя из требований, предъявляемых переводчику при осуществлении перевода. Настоящий подход обусловлен тем, что специалист должен знать определенные правила и принципы перевода. Соответственно, задачей преподавателя является объяснение и обучение техникам и принципам перевода.

Основными принципами перевода являются его эквивалентность и адекватность. Для обеспечения эквивалентности при переводе специалисту необходимо соблюдать жанровые и стилистические нормы. Соответственно, жанр текста перевода задается характером текста оригинала, а стилистические нормы жанра – правилами, принятыми для аналогичных текстов в языке перевода.

Безусловно, перевод должен быть адекватным. Обычно причиной нарушения адекватности при переводе является тот факт, что переводчик совершает определенные ошибки. Во-первых, когда переводчик не обладает достаточным уровнем компетентности и по этой причине не в состоянии понять смысл переводимого текста, искажается коммуникативная цель текста. Во-вторых, адекватность может быть нарушена в том случае, если переводчик начинает устанавливать эквивалентность на уровне отдельных частей текста, превращая это в самоцель перевода. Например, дословный перевод, когда эквивалентность устанавливается на уровне слов, может не иметь никакого смысла. Следует помнить, что адекватность перевода предполагает соблюдение переводчиком речевых норм языка перевода, соответственно, переводчик обязан владеть данными нормами.

Общепризнанным фактом является то, что по способу восприятия текста, предлагаемого на перевод, и представлению результата переводческой деятельности в классификации видов перевода выделяют письменный

(зрительно-письменный) и устный перевод. Принципы эквивалентности и адекватности перевода распространяются на оба вида переводческой деятельности, однако необходимо подчеркнуть, что в рамках программы бакалавриата образовательный вектор направлен именно на письменный перевод, тогда как на более высоких образовательных ступенях образования (например, магистратура) делается упор на устный перевод, что связано с наличием навыков и умений, необходимых для осуществления такого перевода.

Исходя из изложенных выше критериев, можно выявить основные проблемы обучения письменному переводу. В первую очередь стоит отметить, что обучение переводу неразрывно связано с прочими аспектами обучения иностранному языку. Очевидно, что курс перевода необходимо начинать только тогда, когда студенты имеют достаточный уровень владения иностранным языком. Соответственно, исходя из переводческой практики, язык перевода может быть не только родным языком переводчика, но и иностранным языком, поэтому глубокое знание как родного, так и иностранного языка является необходимым условием овладения навыками перевода. Высказанная точка зрения коррелирует с научными взглядами, нашедшими отражение в трудах Ф. Хербулота. Его суждения подтверждаются тем фактом, что языки находятся в процессе непрерывных высокоскоростных изменений, которые необходимо отслеживать и учитывать, что требует от переводчика безупречного владения родным и иностранным языком [9, с. 377-378]. Вышесказанное подводит нас к выводу о том, что перед преподавателем стоит задача обучить студента иностранному языку в той степени, чтобы у студента была сформирована необходимая база, которая позволит ему осуществлять переводческую деятельность.

К. Дюрье предложила свое видение начала процесса обучения переводу. По мнению ученого, на первом этапе обучения переводу преподавателю необходимо выявить и проанализировать навыки, умения и знания, которыми обучающиеся обладают, и корректировать данные аспекты при необходимости.

Выявляется и другая проблема, с которой преподавателю придется неизбежно столкнуться – уровень знаний группы крайне трудно определить на начальном этапе. Это объясняется тем, что перевод сочетает в себе четыре элемента: владение иностранным языком, владение родным языком, общий уровень культуры, способность к аналитическому и логическому мышлению. В свою очередь программа должна быть адаптирована под уровень знаний и умений, которыми владеют студенты. Но в данном вопросе необходимо крайне строго соблюдать баланс, поскольку программа не должна быть слишком легкой, ведь ее основная цель – стимулировать обучающихся, заставлять их прогрессировать, думать, приобретать новые и закреплять уже имеющиеся знания и навыки [7, с.115-117].

Кроме того, для успешного перевода специалисту необходимо владеть определенными лингвострановедческими и культурологическими знаниями. Это дает возможность точнее передавать реалии, устойчивые выражения и т.д. Передача данных знаний должна осуществляться не только в рамках специализированных дисциплин («Лингвострановедение», «Культурология», «Межкультурная коммуникация» и т.д.), но и в рамках обучения непосредственно иностранному языку, а также в рамках дисциплин, направленных на обучение переводу. Данная проблема отражает некоторую степень междисциплинарности курса перевода, о чем утверждал Н.В. Базылев [1, с. 134].

Кроме того, для осуществления перевода специалисту требуется выполнить анализ текста, поскольку данный шаг позволяет обеспечить адекватность перевода. Соответственно, прежде чем приступить к выполнению перевода, обучающиеся должны выделить главное в содержании текста и определить его коммуникативную функцию. Данная проблема требует особого внимания на занятиях по практическому курсу перевода и смежным дисциплинам.

Далее необходимо отметить, что студенты должны владеть знаниями о лексических и грамматических конструкциях исходного языка и языка

перевода и об их употреблении в разных контекстах. Данные знания необходимы для выбора уровня эквивалентности, что дает переводчику возможность владеть и применять различные переводческие решения.

Обратим внимание непосредственно на медицинскую терминологию, поскольку данный вид специальной лексики имеет свои отличительные черты.

Во-первых, стоит отметить, что медицинские термины получили очень широкое распространение в разговорной речи, в литературе, в сфере здравоохранения и других областях общественной жизни. Во-вторых, медицинская терминология, как и терминология любой другой сферы, содержит в себе два больших пласта терминов: общенаучные и узкоспециальные термины. В-третьих, интересно также рассмотреть и происхождение медицинских терминов. Специфической особенностью медицинской терминологии является то, что ее основу составляют заимствованные греческие и латинские термины, а также термины, созданные из греко-латинских терминоэлементов искусственно. Более того, анатомическая и гистологическая номенклатуры целиком составлены на основе латинского алфавита, грамматики и фонетики латинского языка. Общеизвестным фактом является то, что во всех странах мира медицинские работники используют специальные выражения на латинском языке в своей ежедневной профессиональной практике: **invitro**, **diagnosis** и т.д.

Из этого вытекает еще одна особенность медицинской терминологии. Большинство медицинских терминов считаются интернациональными, так как основу медицинской терминологии практически всех европейских языков составляет именно греческая и латинская лексика.

Большую роль в медицинской терминологии английского языка играют неологизмы. Чаще всего в таких терминах новизна формы сочетается с новизной содержания. В качестве примеров можно привести такие сочетания, как **hygienic monitoring** (гигиенический мониторинг), **hymenoplasty** (гименопластика), **breast augmentation** (увеличение груди) и т.д. Важное значение в этом процессе имеют эпонимические термины, что находит свое

отражение и в русском языке (**von Willebrand's factor** – фактор Виллебранда, **Nechiporenko's test** – анализ мочи по Нечипоренко).

Особый интерес представляют топонимические термины. Примерами таких терминов в английском языке могут служить такие сочетания, как **Far-Eastern fever** (Дальневосточная лихорадка), **Ebola virus** (вирус Эбола, названный в честь реки Эбола, протекающей в Демократической республике Конго).

Особенностью медицинской терминологии является тот факт, что для ее пополнения используются эпонимические термины. Подчеркивается, что эпонимы широко распространены в медицине, однако в последнее время в медицинских источниках наблюдается тенденция к замене эпонимических терминов более описательными терминологическими единицами. Например, **островки Лангерганса** в медицинской литературе вероятнее всего будут называться **панкреатическими островками**, **болезнь Хасимото** – **аутоиммунным тиреоидитом** и т.д.

Английская медицинская терминология образуется еще и за счет *семантических инноваций*, то есть, когда новое значение обозначается формой, уже имеющейся в языке (**sandwich method** – многослойный метод, **radiowave disease** – радиоволновая болезнь) и т.д.

В число особенностей медицинской терминологии входит включение в ее состав большого количества аббревиатур. Дополнительные трудности вносят также буквенные различия алфавитов разных языков (рус. **ДНК** – англ. **DNA**, рус. **ХПН** – англ. **CND**).

Признанным фактом является и то, что имеются расхождения в определенных медицинских классификациях. Организация систем здравоохранения в разных странах имеет свою специфику. Например, иностранные студенты не знакомы с российской классификацией групп крови, потому что в отличие от цифровой классификации, принятой в России (I, II, III, IV), в странах Европы используются международные буквенные значения

(O, A, B, AB). Такие особенности требуют от переводчиков определенного уровня подготовки, а также высокую степень эрудиции.

Проанализировав примеры статей на общественно-политическую тематику, мы пришли к выводу, что в функционировании медицинской терминологии в данных статьях есть свои определенные особенности и закономерности.

Первой особенностью использования медицинской терминологии в общественно-политическом дискурсе можно назвать *экспрессивную функцию* медицинской терминологии. “China’s private jet market begins **recovery**” (в статье раскрывается тема возобновления популярности частных авиаперелетов в Китае, медицинский термин **recovery** – выздоровление подчеркивает значительное улучшение ситуации на рынке частных авиаперевозок в Китае) [10].

Следующая особенность связана с тем, что использование медицинских терминов обусловлено *оценочной функцией*. Оценка может даваться непосредственно автором статьи. Например, в статье, посвященной нарушениям компанией Facebook условий конфиденциальности данных пользователей, заголовок ярко отражает оценку данной ситуации автором: “Facebook’s **chronic** evasions: the company needs to be straight with its users about exactly what it does”. Медицинский термин *chronic*, который переводится как «хронический», указывает на негативную оценку данной ситуации автором статьи [8].

Достаточно часто медицинская терминология используется в политических текстах для привлечения внимания читателей к статье, к определенной проблеме, освещаемой в статье. С этим связана *аттрактивная функция* медицинских терминов. Стоит подчеркнуть, что в этой связи медицинские термины зачастую употребляются непосредственно в заголовках статей, однако данная функция проявляет себя и в основном тексте статьи. В качестве примера можно привести статью, которая посвящена финансовому кризису в Америке. Статья озаглавлена следующим образом: Letter: For US,

fiscal boost was no **cure** in past recessions. Термин **cure** захватывает внимание читателя, вызывая интерес к статье [6]. Другим ярким примером может послужить следующий заголовок: Glenn Greenwald: Trump's hint of peaceful White House exit negates media's “**false hysteria**” [11]. Данная статья посвящена политическим переменам в американском обществе, которые были связаны с окончанием президентского срока Д. Трампа и выборами, а также в ней рассматривалась реакция СМИ на заявления Трампа. Словосочетание **false hysteria**, в котором содержится медицинский термин, подогревает интерес читателей и повышает вероятность прочтения статьи.

Зачастую данные функции могут сочетаться, взаимодополняя друг друга, для достижения лучшего эффекта. Безусловно, существуют и другие функции медицинских терминов в текстах общественно-политической направленности, а также определенная степень освоенности медицинской терминологии в примерах немедицинской тематики, что будет раскрыто далее более подробно.

Очевидно, что для перевода медицинской лексики переводчик должен обладать глубокими знаниями в данной области. Кроме того, переводчик должен хорошо владеть не только иностранным языком, но и родным языком, поскольку медицинские термины крайне сложны, с каждым днем их становится все больше, с изменениями жизненных реалий какие-то терминологические единицы становятся более популярными, а другие же отходят на задний план.

Ученый Е.М. Солнцев выделяет следующие проблемы перевода медицинской терминологии [5, с. 137]:

- 1) синонимия терминов, которая ставит под вопрос саму терминологичность таких единиц;
- 2) расхождения в употреблении эпонимов;
- 3) расхождения в классификации и номенклатуре различных органов;
- 4) окказиональные сокращения, которые не представлены в словарях (такие сокращения могут употребляться только в рамках одного текста и не находить свое отражение где-либо еще);

5) отсутствие полных эквивалентных двуязычных словарей, данная проблема связана с быстрым развитием медицинской отрасли, когда лингвисты не успевают фиксировать появляющиеся названия реалий.

Кроме того, большую проблему для переводчиков в данной сфере представляют «ложные друзья» переводчиков. Преподавателю следует обращать особое внимание на данную проблему при обучении переводу медицинской терминологии, поскольку этот вопрос имеет особую значимость при овладении переводческими навыками.

Наилучшее усвоение медицинской терминологии осуществляется при комплексном варианте ее подачи. Например, чтение литературы по теме должно быть направлено на понимание и извлечение из текста информации, а не просто на запоминание тех или иных терминов. Введение новых терминов должно осуществляться постепенно, начиная с простой терминологии и заканчивая более сложной. Материал также должен даваться поэтапно от более легкого к более сложному. Иными словами, должны учитываться принципы доступности и посильности (предоставление материала осуществляется с учетом возрастных и интеллектуальных возможностей обучающихся, а его усвоение не вызывает непреодолимых трудностей), а также принцип концентризма (многократное обращение к изученному материалу с его усложнением и расширением).

При усвоении и введении медицинской лексики очень полезно сопровождать предлагаемые термины графическим оформлением с целью их лучшего запоминания и усвоения. Многие термины в медицинской области хорошо запоминаются зрительно с опорой на иллюстрации.

На основе анализа и систематизации функционирования медицинской терминологии в общественно-политических текстах, а также проблем обучения переводу, мы разработали методические рекомендации для студентов-лингвистов по обучению переводу медицинской терминологии в общественно-политическом дискурсе.

Наши методические рекомендации и упражнения разрабатывались с учетом наиболее эффективных методов обучения переводу. Опираясь на научную статью Т.В. Дубининой, мы выявили следующие методы обучения [2]:

1. Репродуктивные методы. Данные методы предполагают воспроизведение полученных знаний обучающимися. Обязательным условием является сочетание репродуктивной деятельности с творческой деятельностью, что может реализовываться посредством деловой игры. В свою очередь деловая игра – это по сути моделирование, воссоздание профессиональной деятельности в ее полном объеме.

2. Поисковые методы. Данные методы предполагают не только поиск информации или решений профессиональных задач, но и работу с текстом, что является крайне эффективным при обучении переводу.

3. Перцептивные методы. Данные методы обеспечивают восприятие учебного материала посредством чувств. Успешно зарекомендовал себя видеометод, поскольку он обусловлен высокой эффективностью воздействия наглядных образов. Полезным опытом является общение обучающихся с представителями иностранных государств, поскольку в данном взаимодействии обучающиеся получают опыт общения с носителями языка, что помогает преодолеть языковой барьер, найти новые переводческие решения и пополнить багаж языковых средств. Кроме того, обучающиеся имеют возможность попробовать свои силы во взаимодействии с «живым» языком, а преподавателю данный опыт предоставляет возможность разнообразить занятия.

4. Логические методы. Данные методы включают в себя упражнения, связанные с предпереводческим и переводческим анализом, которому мы отводим особую роль в процессе обучения переводу.

Исходя из особенностей употребления медицинской терминологии в текстах общественно-политической направленности, можно выявить основные навыки и умения, необходимые студентам при осуществлении перевода. Например, студенту необходимо понимать, какую коннотацию несет

тот или иной термин, и уметь передавать ее при переводе, при этом студент должен знать и прямое значение термина.

Мы разработали следующие основные приемы и рекомендации при обучении переводу медицинской терминологии в общественно-политических текстах с целью формирования определенных навыков и компетенций.

1. Прежде всего, необходимо научить студентов анализировать текст перед началом выполнения перевода. Грамотно выполненный анализ текста позволяет переводчику понять общий смысл текста, определить коннотацию некоторых слов и существенно облегчить процесс перевода.

В рамках данной рекомендации важно подчеркнуть, что студентам необходимо выполнять именно предпереводческий анализ текста. При выполнении перевода необходим непосредственно этот вид анализа, который включает в себя сбор внешних сведений о тексте (автор текста, примерное время создания текста и т.д.), выявление источника и реципиента текста, его стилистических и жанровых особенностей и коммуникативного задания, ведущей функции, тональности и композиции. Предпереводческий анализ играет важную роль в осуществлении перевода и является первым этапом работы переводчика, поскольку после проведения анализа переводчик получает информацию о стиле и жанре текста, для кого предназначен данный текст, с какой целью он написан и какую функцию несет.

Данный анализ может выполняться как в письменной, так и в устной форме, однако при введении данного вида задания необходимо неоднократное письменное выполнение анализа. Преподавателю следует подробно разобрать структуру анализа, объяснить студентам каждый пункт, представить пример предпереводческого анализа и несколько раз выполнить анализ со студентами совместно. Важно всегда осуществлять проверку предпереводческого анализа, поскольку это имеет большое значение как для студентов, так и преподавателя, так как преподаватель получает информацию о том, насколько верно студенты истолковали коммуникативное задание текста на перевод, понимают ли они,

для кого предназначен этот текст, будет ли выбранный ими стиль для осуществления перевода корректен и т.д.

Предпереводческий анализ может осуществляться как на языке оригинала, так и на языке перевода. Исходя из вышеизложенного, очевидно, что роль предпереводческого анализа в переводческой деятельности существенна, именно поэтому данный вид деятельности нельзя игнорировать при обучении переводу медицинской терминологии в общественно-политических текстах.

2. Поскольку зачастую медицинская терминология в общественно-политических текстах фигурирует непосредственно в заголовках, важно научить студентов работать с такими заголовками. В первую очередь, необходимо давать возможность студентам ознакомиться с текстом полностью и провести анализ прочитанного, поскольку обычно только после этих действий представляется возможность осуществить качественный перевод заголовка. Также можно предложить студентам сначала выполнить перевод всего текста, а затем вернуться к заголовку, когда становится более понятно, например, каким образом передать на иностранном языке словосочетание. Студенты также должны помнить о функции термина и сохранять эту функцию в переводе.

Очевидно, что мы также обращаемся к анализу текста, который должен быть проведен до осуществления перевода. Исходя из анализа заголовков статей общественно-политической тематики, в которых фигурирует медицинская терминология, мы пришли к выводу, что они обладают общими особенностями. Зачастую заголовки лаконичные, емкие, не содержат сложных конструкций, но при этом в них присутствует ярко выраженная экспрессивность, игра слов, что обеспечивается использованием медицинской лексики. Преподавателю необходимо обращать внимание студентов на данные особенности.

3. Студентам необходимо понимать степень освоенности тех или иных терминов в разных языках. С этой целью им стоит предлагать задания на поиск

медицинских терминов в общественно-политических статьях, по результатам которого студенты будут приходить к выводу о степени освоенности предложенных терминов и учитывать данный факт при выполнении перевода.

4. Необходимо обращать внимание и анализировать так называемые «ложные друзья переводчика». Данные термины могут иметь одинаковое написание, но абсолютно разную семантику в разных языках. Для усвоения данного материала необходимо предоставлять студентам упражнения, в которых фигурируют данные термины.

Во-первых, преподавателю следует объяснить, что понимается под «ложными друзьями переводчика». Наглядно это можно показать в следующем упражнении: преподаватель составляет список медицинских терминов, в котором около 50% составляют «ложные друзья переводчика». Далее преподаватель предлагает данный список на перевод в устной или письменной форме. При проверке студенты должны уметь обозначать «ложных друзей переводчика» и переводить их правильно. Кроме того, преподаватель может предложить дополнить данный список подобными медицинскими терминами. Это также хорошо влияет на усвоение и запоминание медицинской терминологии, расширяет кругозор и помогает студентам лучше ориентироваться в медицинской терминологии, чтобы корректно осуществить перевод медицинского термина в общественно-политической статье.

5. Для того, чтобы студенты умели осуществлять корректный перевод медицинского термина в общественно-политическом тексте, необходимо, чтобы они знали прямое значение данного термина – это необходимо для того, чтобы понять фигуральное значение термина и его роль в тексте.

6. При обучении переводу важно использовать различные цифровые ресурсы. Вопросы использования электронных ресурсов особенно актуализировались в период пандемии, хотя при реализации дистанционной формы обучения цифровые ресурсы выступают основным средством получения необходимых знаний и навыков. Электронные ресурсы включают в себя как информационные источники, так и практические средства. Например, студенты

должны научиться правильно пользоваться электронными словарями, уметь осуществлять быстрый поиск в информационных системах, пользоваться переводческими программами (например, SDL Trados, SmartCat и т.д.).

Очевидно, что медицинская терминология обширна, а новые термины приходят в язык постоянно. Следовательно, необходимо, чтобы у студентов имелся большой кругозор. С этой целью программа обучения по практике перевода должна включать упражнения на запоминание терминологии, поскольку иначе освоить столь большой объем и получить необходимые навыки не представляется возможным. Кроме того, такие упражнения будут помогать не только в рамках перевода медицинской терминологии в общественно-политических текстах, но и текстах медицинского направления.

6. В рамках занятия важно проводить упражнения, направленные на взаимопроверку и самопроверку. Очевидно, что задачей преподавателя является не только научить студента осуществлять перевод медицинской терминологии в общественно-политических текстах в рамках практических занятий, но и подготовить его к будущей самостоятельной работе. Обучающемуся необходимо видеть свои ошибки и полезно распознавать ошибки своих одногруппников, поскольку это прививает ему навыки самостоятельной работы и воспитывает в нем такое качество, как принятие на себя ответственности за результат.

Таким образом, данные приемы при обучении переводу медицинской терминологии в общественно-политических текстах помогают студентам эффективно овладеть и закрепить необходимые навыки, переводческие средства, усвоить правильный алгоритм осуществления перевода и понять важность его соблюдения, учат творческому подходу к осуществлению перевода. Также данные методические основы помогают обучающимся научиться соблюдать эквивалентность и адекватность при переводе, анализировать текст перед выполнением перевода, видеть и понимать функции медицинской терминологии в общественно-политических текстах, а также грамотно передавать эти функции при осуществлении перевода.

Также мы разработали базовые рекомендации для типового практического занятия, предполагающего формирование навыков по переводу медицинских терминов в общественно-политических текстах.

1. Занятие начинается с разминки-повторения терминов. Чтобы сделать ее более интересной и привлечь внимание всех участников процесса обучения, данную разминку можно провести в формате «снежный ком». Преподаватель дает один из терминов на перевод, один из студентов осуществляет перевод термина и называет следующий термин. По очереди студенты переводят предлагаемые коллегами термины, каждый раз называя предыдущие термины и их перевод. Вышеупомянутое упражнение укрепляет навык запоминания, который, безусловно, необходим переводчику. Данное упражнение будет способствовать усвоению прямого значения терминов, расширению кругозора и повышению эрудированности обучающихся.

2. По окончании вводного этапа осуществляется проверка домашнего задания. Студенты представляют перевод заранее данных преподавателем предложений в рамках задания для домашней работы. Перевод анализируется, другие участники образовательного процесса предлагают свои варианты перевода. Подобное задание вовлекает всех студентов в учебный процесс и дает преподавателю возможность выявить и проанализировать основные ошибки и слабые места, а также проблемы, с которыми сталкиваются студенты при переводе медицинской терминологии в немедицинских текстах. Преподаватель также может дать в качестве домашнего задания, а затем проверить предпереводческий анализ текста.

3. В рамках следующего задания разбираются новые медицинские термины. Освоение новой терминологии может осуществляться различными способами: с использованием мультимедийных технологий, аудиовизуальных средств и т.д. Данное задание способствует пополнению лексического запаса в области медицинской терминологии и расширяет кругозор студентов.

4. Впоследствии предлагаются тексты на перевод с использованием терминологии, с которой группа студентов была ознакомлена в рамках

предыдущего этапа занятия. Тексты анализируются перед выполнением перевода, кроме того, подробно анализируется функция и значение данных терминов. Студенты осуществляют поиск информации с целью определения степени освоенности предложенных терминов.

5. В качестве домашнего задания студентам дается возможность придумать свои предложения с медицинской терминологией с последующим представлением одноклассникам в рамках следующих практических занятий. Данное упражнение направлено на взаимопроверку, а также на самопроверку, что является крайне полезным для формирования переводческих навыков для последующей самостоятельной работы.

Разработанные рекомендации и упражнения представляют собой основательно подготовленный методический материал, который возможно применять в рамках курса по переводу общественно-политических текстов.

Таким образом, можно заключить, что обучение переводу медицинских терминов в текстах общественно-политического характера требует дальнейшего изучения в рамках теории и методики преподавания иностранных языков, переводоведения и компаративной лингвистики по причине своего комплексного характера, постоянно повышающихся требований к уровню подготовки специалистов языкового профиля.

Литература

1. *Базылев В.Н.* Дидактика перевода: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2013. 224 с.
2. *Дубинина Т.Г.* Методы обучения переводу на уроках иностранного языка в вузе [Электронный ресурс]. // URL: www.kgau.ru/img/konferenc/94.doc. (Дата обращения: 01.01.2021).
3. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (Лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. *Сдобников В.В., Петрова О.В.* Теория Перевода. [Электронный ресурс]. // URL: <https://infopedia.su/1x2fa7.html> (Дата обращения: 03.03.2020).

5. *Солнцев Е.М.* Общие и частные проблемы перевода медицинских текстов // Вестник МГЛУ. 2010. № 9. С. 131–141с.

6. *Chhibber A.* Letter: For US, fiscal boost was no cure in past recessions [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.ft.com/content/b14c363a-5942-4c43-a243-da3574ad6c3f> (Дата обращения: 04.03.2020).

7. *Durieux Ch.* Fondement didactique de la traduction technique. La maison du dictionnaire [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.decitre.fr/livres/fondement-didactique-de-la-traduction-technique-9782856082324.html>

8. *Hayes T. O'Neill* Chronic disease in the United States: a worsening health and economic crisis [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.americanactionforum.org/research/chronic-disease-in-the-united-states-a-worsening-health-and-economic-crisis/> (Дата обращения: 04.09.2020).

9. *Herbulot F.* La formation des traducteurs pour l'Europe d'aujourd'hui et de demain // Europe et traduction. Textes réunis par Michel Ballard. Artois Presses Université. Les presses de l'Université d'Ottawa. 1998. Pp. 371–381.

10. *Perrett B.* China's private jet market begins recovery [Электронный ресурс]. // URL: <http://aviationweek.com/commercial-aviation/china-s-private-jet-market-begins-recovery> (Дата обращения: 04.03.2020).

11. *Wulfsohn J.A.* Glenn Greenwald: Trump's hint of peaceful White House exit negates media's 'false hysteria' [Электронный ресурс]. // URL: <https://www.foxnews.com/media/glenn-greenwald-trumps-hint-of-peaceful-white-house-exit-negates-medias-false-hysteria> (Дата обращения: 14.03.2020).

References

1. *Bazylev V.N.* (2013). Translation didactics: textbook. allowance. M.: Flint; Science. 224 p. (In Russian).

2. *Dubinina T.G.* Methods of teaching translation at foreign language lessons at the university. // URL: www.kgau.ru/img/konferenc/94.doc. (In Russian).

3. *Komissarov V.N.* (1990). Translation theory (Linguistic aspects). M.: Higher school. 253 p. (In Russian).

4. *Sdobnikov V.V., Petrova O.V.* Translation theory. // URL: <https://infopedia.su/1x2fa7.html> (In Russian).

5. *Solntsev E.M.* (2010). General and particular problems of translation of medical texts // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. No. 9. Pp. 131–141. (In Russian).

6. *Chhibber A.* Letter: For US, fiscal boost was no cure in past recessions. // URL: <https://www.ft.com/content/b14c363a-5942-4c43-a243-da3574ad6c3f>

7. *Durieux Ch.* Didactic foundation of technical translation. // URL: <https://www.decitre.fr/livres/fondement-didactique-de-la-traduction-technique-9782856082324.html> (In French).

8. *Hayes T. O'Neill* Chronic disease in the United States: a worsening health and economic crisis. // URL: <https://www.americanactionforum.org/research/chronic-disease-in-the-united-states-a-worsening-health-and-economic-crisis/>

9. *Herbulot F.* (1998). The training of translators for the Europe of today and tomorrow // Europe and translation. Texts compiled by Michel Ballard. Artois Presses University. University of Ottawa Press. Pp. 371–381. (In French).

10. *Perrett B.* China's private jet market begins recovery. // URL: <http://aviationweek.com/commercial-aviation/china-s-private-jet-market-begins-recovery>

11. *Wulfsohn J.A.* Glenn Greenwald: Trump's hint of peaceful White House exit negates media's 'false hysteria'. // URL: <https://www.foxnews.com/media/glenn-greenwald-trumps-hint-of-peaceful-white-house-exit-negates-medias-false-hysteria>.

Авторы публикации

Боднар Светлана Сергеевна –
кандидат педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Россия
E-mail: ssr80@yandex.ru

Гизатуллина Елизавета Викторовна –
Магистр
Казанский федеральный университет
Казань, Россия

Authors of the publication

Bodnar Svetlana Sergeevna –
Candidate in Pedagogics, Associate professor
Kazan Federal University
Kazan, Russia
E-mail: ssr80@yandex.ru

Gizatullina Elizaveta Viktorovna –
M.Ed.
Kazan Federal University
Kazan, Russia

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал

Главный редактор – С.С. Тахтарова

Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко

Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова

Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова

Научные редакторы:

Ф.Л. Ратнер (педагогика)

Л.Е. Бушканец (литературоведение)

Л.Р. Сакаева (лингвистика)

16+

Дата выхода в свет: 29.03.2021. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37, г. Казань, Россия, 420008 Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843)

233-73-28 Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal

Chief editor – S.S. Takhtarova

Executive editor – A.R. Lisenko

Press and editorial manager – D.R. Sabirova

Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova

Scientific editors:

F.L. Ratner (pedagogics)

L.E. Bushkanets (literary studies)

L.R. Sakaeva (linguistics)

16+

Date of publication: 29.03.2021. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge